

Институт проблем освоения Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

М.Г. АГАПОВ

ЕВРЕЙСКО-ПАЛЕСТИНСКОЕ СООБЩЕСТВО
В СОВЕТСКОЙ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ
В 1939–1948 ГГ.

Монография

Тюмень
«Вектор Бук»
2012

УДК 94:327(470+569.4)
ББК ТЗ(2)62-6 + ТЗ(5Изр-6Пал)6-6
АЗ: А233

**М.Г. Агапов. ЕВРЕЙСКО-ПАЛЕСТИНСКОЕ СООБЩЕСТВО В
СОВЕТСКОЙ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ В 1939–1948 гг.: монография.
Тюмень: «Вектор Бук», 2012. – 286 с.**

Рекомендовано к печати

Ученым советом Института проблем освоения Севера
Сибирского отделения Российской академии наук

В монографии исследуются взаимоотношения СССР и еврейско-палестинского сообщества в годы Второй мировой войны и в период послевоенного урегулирования вплоть до образования Государства Израиль.

Mikhail G. Agapov. THE JEWISH COMMUNITY OF PALESTINE IN SOVIET MIDDLE EAST POLICY IN 1939–1948s.: Monograph. Tyumen: Vector Book Publisher, 2012. 286 p.

The monograph is devoted to the relations of the USSR and the Jewish community of Palestine during the Second World War and the post-war reconciliation until the State of Israel was established.

Научные рецензенты:

Т.А. Карасова, кандидат исторических наук, профессор

Г.Г. Косач, доктор исторических наук, профессор

В.А. Кузьмин, доктор исторических наук, профессор

ISBN 978—5-91409-276-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. Еврейская Палестина накануне Второй мировой войны	14
Глава 2. Еврейско-палестинская община и СССР в годы Второй мировой войны	34
2.1. Еврейская Палестина в политических и военно-стратегических оценках советского руководства	34
2.2. Дипломатические контакты лидеров Сионистской организации и еврейско-палестинского сообщества с представителями советского правительства	63
2.3. Движение в поддержку СССР в еврейской Палестине	112
Глава 3. Создание Государства Израиль и советская ближневосточная политика	143
3.1. Палестина в советских проектах послевоенного устройства	143
3.2. Политика СССР в отношении еврейско-палестинского сообщества в период обсуждения палестинского вопроса в ООН	184
Заключение	237
Список использованных источников и литературы	247
Список сокращений	270
Summary	272

CONTENTS

Introduction	5
1. The Jewish Palestine before the Second World War	14
2. The Jewish community of Palestine and the USSR during the Second World War	34
2.1. The Jewish Palestine's political and strategic defence assessment by the Soviet leadership	34
2.2. The Zionist Organization and the Jewish Palestine leadership's diplomatic contacts with the representatives of the Soviet government	63
2.3. The pro-Soviet movement in the Jewish Palestine	112
3. The establishment of the State of Israel and Soviet Middle East policy	143
3.1. Palestine in Soviet plans of the postwar world order	143
3.2. The Soviet policy regarding the Jewish community of Palestine during discussing the Palestine question in the United Nations	184
Conclusion	237
References	247
List of abbreviations	270
Summary	272

ВВЕДЕНИЕ

Советско-израильские отношения вызывают устойчивый интерес уже не одного поколения отечественных и зарубежных историков, политологов и международных специалистов. Настоящее исследование нацелено на изучение взаимоотношений СССР и еврейско-палестинского сообщества в годы Второй мировой войны и в период послевоенного урегулирования, ознаменовавшийся для Ближнего Востока образованием Государства Израиль. В нем исследуется роль негосударственных акторов в истории международных отношений и конфликтов, в данном случае на примере международного сионистского движения и еврейско-палестинской общины, характер и механизмы их взаимодействия с государственными институтами.

Основой Государства Израиль послужило созданное в начале XX в. сионистскими колонистами новое еврейско-палестинское сообщество. В начале 1920-х гг. оно обрело международно-правовой статус «еврейского национального очага». Именно такое определение содержалось в Мандате Лиги наций на управление Палестиной, переданном 25 апреля 1920 г. на конференции в Сан-Ремо Верховным Советом стран Антанты Великобритании.

В израильской историографии для обозначения еврейского сообщества Палестины подмандатного периода используются термины *ишшув* (Yishuv)¹, *Кнесет-Израэль*² или «государство в пути»³. Тем самым подчеркивается самостоятельный характер еврейского национального строительства в Палестине и преемственность между «еврейским национальным очагом» и Госу-

¹ Ишшув (ивр. – заселенное место, население) – собирательное название еврейского населения Палестины (в терминологии сионистов – Эрец-Израэль, то есть Земли Израиля – еврейского народа, называемого так по имени одного из его патриархов) до образования Государства Израиль.

² Кнесет-Израэль (ивр. – собрание Израиля) – официальное наименование мандатными властями еврейской общины Палестины, закрепленное Декретом о религиозных общинах и их организации (1926 г.).

³ «Государство в пути» – этот термин использовался внутри Сионистской организации уже с 1920-х гг., он позиционировал «еврейский национальный очаг» в Палестине как еврейское «подпольное государство», которое при благоприятных обстоятельствах «выйдет из подполья» и обретет суверенитет.

дарством Израиль. В англоязычной историографии встречаются понятия *pre-state of Israel*⁴ и *Jewish Statehood*⁵. Ученые Института востоковедения РАН предлагают термин «новое еврейское переселенческое общество»⁶. В настоящем исследовании в качестве основного определения принято *еврейско-палестинское сообщество* как наиболее нейтральное.

Как известно, в 1947–1948 гг. Советский Союз решительно поддержал создание в Палестине суверенного еврейского государства. Чем объяснялся этот «неожиданный», как казалось современникам тех событий и как до сих пор представляется многим политикам и интересующимся обывателям, де-марш Москвы? Какие факторы внутренней и внешней политики, региональных и глобальных международных отношений обусловили его? Какие альтернативы рассматривались в Москве и почему в итоге было принято именно такое решение? Ответы на эти вопросы, полученные в результате изучения трудов российских⁷ и зарубежных⁸ исследователей, а также анализа как

⁴ Simon Rawidowicz, Benjamin C. I. Ravid. *State of Israel, diaspora, and Jewish continuity: essays on the «ever-dying people»*. L., 1986; David Tal. *War in Palestine, 1948: strategy and diplomacy*. L., N.Y., 2004 и др.

⁵ Martin Gilbert. *Exile and Return. The Emergence of Jewish Statehood*. London, 1978 и др.

⁶ История Востока. Т. 5: Восток в новейшее время 1914 – 1945 гг. М., 2006. С. 165.

⁷ Носенко В.И. Характер и этапы советско-израильских отношений (1948–1990) // СССР и третий мир: новый взгляд на внешнеполитические проблемы. М., 1991. С. 65–104; Васильев А.С. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М., 1993; Батыгина Г.С., Девятко И.Ф. Еврейский вопрос: хроника сороковых годов // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 1. С. 61-72; № 2. С. 143-151; Бугай Н.Ф. 20-50-е годы: Переселения и депортация еврейского населения СССР // Отечественная история. 1993. № 4. С. 175-185; Стрижов Ю.И. СССР и создание Государства Израиль // Международная жизнь. 1995. № 11/12. С. 94–97; Он же. Советский Союз внес весомый вклад в создание Государства Израиль // Азия и Африка сегодня. 1998. №5. С. 45–49; Царевская Т.В. Крымская альтернатива Биробиджану и Палестине // Отечественная история. 1999. № 2. С. 121-125; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2001; Пырлин Е.Д. 100 лет противоборства. Генезис, эволюция, современное состояние и перспективы решения палестинской проблемы. М., 2001; Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт. В 2 тт. Нижний Новгород, 2008; Шандра А.В. Проблема Палестины: британский след. Арзамас, 2009; СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны. М., 2010. и др.

⁸ Laquer W. *History of Zionism*. N.Y.-Chicago-San Francisco, 1972 (на русском языке: Лакер В. История сионизма / Пер. с англ. А. Блейз, О. Блейз. М., 2000); Krammer A. *The Forgotten Friendship*. Illinois, 1974; Howard M. Sachar. *A History of Israel. From the Rise of Zionism to the Establishment of the State of Israel*. 1976 (на русском языке: Сакер Г. История Израиля. От возникновения сионизма до Шестидневной войны. / Пер. с англ. В. Орла, И. Лурье, Р. Нудельмана. Иерусалим: Библиотека «Алия», 1994-1995. Вып. 173, 174, 194. В 3-х т.);

опубликованных документов⁹, так и хранящихся в Государственном архиве РФ, Архиве внешней политики МИД РФ, Российском государственном архиве социально-политической истории, предлагаются в данной книге.

Однако прежде чем перейти к ним необходимо охарактеризовать основные противоречия между СССР и еврейской Палестиной, сформировавшиеся еще в межвоенный период и во многом предопределившие как повестку сотрудничества Советского Союза и еврейско-палестинского сообщества в годы Второй мировой войны, так и его пределы в период обсуждения палестинского вопроса в ООН и борьбы за создание Государства Израиль.

Martin Gilbert. *Exile and Return. The Emergence of Jewish Statehood*. L., 1978; Bethell Nicholas. *The Palestine Triangle: the Struggle Between the British, the Jews and the Arabs, 1935 – 48*, London, 1979; Ro'i Y. *Soviet Decision Making in Practice: The USSR and Israel, 1947–1954*. New Brunswick, 1980; Binyamin Pinkus, Jonathan Frankel. *The Soviet Government and the Jews, 1948-1967: A Documented Study*. Cambridge University Press, 1984; Bialer U. *Between East and West: Israely's Foreign Policy Orientation, 1948-1956*. L., 1990; Bein J. *Was the Red Flag Relying there? Marxist Politics and the Arab-Israeli Conflict in Egypt and Israel 1948-1965*. Los Angeles, 1990; Щевелев С.С. *Палестина под мандатом Великобритании (1920–1948)*. Симферополь, 1999; Люкс Л. *Еврейский вопрос в политике Сталина // Вопросы истории*. 1999. № 7. С. 48-49; Francis R. Nicosia. *The third Reich and the Palestine question*. New Brunswick, L., 2000; Gabriel Gorodetsky. *The Soviet Union's Role in the Creation of the state of Israel // The Journal of Israeli History*. Vol. 22. № 1. Spring 2003. P. 4-20; Arie J. Kochavi. *Indirect Pressure: Moscow and the End of the British Mandate in Palestine // Israel Studies*. Vol. 10. № 1. Autumn/Winter 2004. Pp. 60-76; Binyamin Pinkus. *Change and Continuity in Soviet Policy Towards Soviet Jewry and Israel, May-December 1948 // Israel Studies*. Vol. 10. № 1. Spring 2005. Pp. 96-123; Эпштейн Алек Д., Урицкий Михаил. *Правление Британской империи в Палестине (1917–1948): между евреями и арабами // Космополис*. 2005. №1(11). С. 98–109; Francis R. Nicosia. *Zionism and anti-semitism in Nazi Germany*. N.Y., 2008; Шевелев Д.Л. *Палестина в англо-арабской дипломатической игре в 1915 – 1939 гг. // Переписка Мак - Магона – Хусейна 1915 – 1916 гг. и вопрос о Палестине: Документы и материалы*. М., 2008. С. 5–102. и др.

⁹ *Еврейский народ против фашизма. Материалы III Антифашистского митинга представителей еврейского народа и III пленума Антифашистского Еврейского Комитета* М., 1945; Колобов О.А., Корнилов А.А., Сергунин А.А. *Документальная история арабо-израильского конфликта: Хрестоматия*. Нижний Новгород, 1991; *Неправедный суд. Последний сталинский расстрел (стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета)*. М., 1994.; *Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941-1948: Документированная история*. М., 1996; *Документы из архивов // Международная жизнь*. 1998. Осень. С. 83-96; *Советско-израильские отношения: Сборник документов*. Т. I. 1941–1953: В 2 кн. / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Министерство иностранных дел Государства Израиль. М., 2000; *Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967*. В 2т. Том 1: 1947–1956. М., 2003; *Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт / Под ред. О.А. Колобова*. В 2-х т. Т. II. *Документы*. Н. Новгород, 2008; *Агрессия. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации 1939–1941 / Сост. Л.Ф. Соцков*. М., 2011 и др.

Концептуализация взглядов партийно-советского руководства на сионизм и его палестинский проект в 1920–1930-е гг. происходила под воздействием как внутри-, так и внешнеполитических факторов. В первом случае определяющее значение имели интересы защиты и упрочения советской власти, национально-государственного строительства и экономического развития «страны победившего пролетариата»; во втором – обеспечения безопасности советского государства на международной арене и нормализации его отношений с капиталистическими странами в рамках доктрины «мирного сосуществования». Последняя допускала поддержку советским правительством революционных и национально-освободительных движений «угнетенных народов», что служило идеологическим основанием для разработки особого направления советской дипломатии – политики в отношении зависимых стран и колоний Ближнего Востока.

Роль архитектора «новой формы колониализма», главного колонизатора планеты вообще и «поработителя» арабского Востока в частности, отводилась Великобритании. «Еврейский национальный очаг» в Палестине с самого момента его официального учреждения воспринимался партийно-советским руководством как часть большого колониального проекта стремящейся к мировому господству английской империи. В резолюции Второго конгресса Коминтерна по национальному и колониальному вопросам отмечалось: «Ярким примером обмана трудящихся масс угнетенной нации, произведенного соединенными усилиями империализма Антанты и буржуазии соответствующей нации, может служить палестинское предприятие сионистов, как и вообще сионизм, который под видом создания еврейского государства в Палестине отдает в жертву английской эксплуатации фактически арабское трудящееся население Палестины, где трудящиеся евреи составляют лишь незначительное меньшинство...».

Вместе с тем в начале 1920-х гг. в Москве признавали «прогрессивную» роль сионизма в деле развития капитализма в Палестине, «пролетаризации» ее арабского населения и, следовательно, формирования «революци-

онного класса». Однако главной ударной силой, способной сокрушить британский империализм, считалось «арабское национально-освободительное движение». В этой связи Исполком Коминтерна ставил перед еврейскими коммунистами Палестины задачу проникновения в арабскую среду с целью революционной пропаганды и сплочению групп «левых националистов». Убедившись уже к середине 1920-х гг. в малочисленности и организационной слабости арабского пролетариата, Коминтерн сделал ставку на вовлечение широких арабских масс в антиимпериалистическую борьбу под лозунгами «аграрной (буржуазно-демократической) революции». Таким образом еврейские колонисты неизбежно ставились под удар «арабского национально-освободительного движения», тогда как антиссионизм провозглашался интегративной платформой различных арабских «повстанческих» групп.

Бурный экономический рост еврейской Палестины в 1920-е гг. сделал ее в глазах советского руководства наиболее привлекательной страной для выхода советских внешнеторговых объединений и хозорганов на ближневосточные рынки. Именно в Палестине в 1923 г. было открыто агентство АР-КОСа – Всероссийского кооперативного общества, получившего в соответствии с англо-советским торговым соглашением 1921 г. статус «торгового аппарата советского торгпредства в Великобритании».

Между СССР и еврейской Палестиной были установлены банковские связи. Статус корреспондента Госбанка РСФСР и Всероссийского кооперативного банка получил основанный Гистадрутом¹⁰ с целью содействия «возрождению страны» Рабочий банк (Ха-Поалим). В 1926 г. в Яффе было открыто представительство Торгово-промышленного банка СССР. Наконец, с учреждением представительства Совторгфлота – Яффского агентства Главного Агентства СТФ на Ближнем Востоке были налажены регулярные транспортные связи между СССР и «землей обетованной».

¹⁰ Всеобщая федерация еврейских рабочих Эрец-Исраэль (ивр. – Гистадрут, т.е. «федерация»)

Основу советского экспорта в 1920-е гг. составляли «жизненные припасы» (картофель, пшеница, ячмень и др.) и «сырье и полуобработанные материалы» (преимущественно ящичные комплекты и фанера). Крупными статьями советских поставок были строительные материалы (лес, цемент) и нефтепродукты. Главными потребителями советских товаров в еврейской Палестине были компания «Ориент», общества «Гаманхил», «Братья Герценштейн», «Гашахар», «Гамашбир» и ряд перерабатывающих и строительных предприятий. Еврейские фирмы стремились сбывать в СССР плоды цитрусовых растений – ведущего экспортного продукта «еврейского национального очага». Несмотря на то, что Москва не считала апельсины и лимоны теми товарами, на которые стоило тратить валюту, еврейским компаниям удавалось сбывать в СССР достаточно крупные партии цитрусовых.

Важную роль в развитии торгово-экономических отношений между СССР и «еврейским национальным очагом» в Палестине играли торгово-промышленные и сельскохозяйственных ярмарки и выставки. Летом 1923 г. «палестинские трудящиеся» – делегаты Гистадрута во главе с Д.Бен-Гурионом – приняли участие в Московской международной сельскохозяйственной выставке. В свою очередь, советские хозучреждения и внешнеторговые организации успешно заявили о себе в октябре 1925 г. на «торгово-промышленной выставке Ближнего Востока» (Levant Fair) в Тель-Авиве.

Серьезный удар по советской торговле с Палестиной нанесло закрытие Палестинского агентства АРКОС (ПАА) в апреле 1926 г. вследствие целого ряда инцидентов с британскими властями. В 1928 г. с целью сосредоточения в одном операционном центре всей экспортно-импортной работы советских госторгов со странами Среднего и Ближнего Востока была учреждена экспортно-импортная контора Ближвостгосторг, действовавшая под эгидой торгпредства СССР в Турции. Заключение 16 апреля 1930 г. нового англо-советского торгового соглашения позволило Москве возобновить торгово-экономические отношения с еврейской Палестиной. Важную роль в этом деле сыграло Русско-турецкое экспортно-импортное акционерное общество

«Руссотюрк». Развитию торгово-экономических связей способствовало участие СССР в ближневосточной торговой выставке в Тель-Авиве в 1932 г. Интерес еврейских деловых кругов Палестины к торговле с СССР, подогретый выставкой 1932 г., проявился, в частности, в создании при Яффской торговой палате специального «Комитета по торговле с СССР».

Однако в октябре 1932 г. по итогам Оттавской конференции правительство Великобритании денонсировало англо-советское торговое соглашение 1930 г. Только 16 февраля 1934 г. стороны заключили новое соглашение, в соответствии с которым СССР был не в праве требовать для себя режима преимуществ и преференций, установленных исключительно между территориями, находящимися под суверенитетом или сюзеренитетом короля Великобритании. Резкое обострение политической ситуации в Палестине в связи с началом «Великого арабского восстания» 1936–1939 гг. и рост пошлин на ввозимые иностранные товары привели во второй половине 1930-х гг. к сокращению объемов торговли СССР и «еврейского национального очага».

Развитие торгово-экономических связей СССР и «еврейского национального очага» в Палестине способствовало налаживанию между ними в межвоенный период и научно-культурных отношений. Благодаря еврейской эмиграции из Советской России в Палестину две страны оказались связанными тысячами нитей индивидуальных человеческих отношений: прибывшие из России в «землю обетованную» евреи внимательно наблюдали за жизнью «страны исхода», где оставались их родственники и друзья, точно так же и советские евреи проявляли устойчивый интерес к «старо-новой стране». Советская культурная и общественно-политическая продукция пользовалась большим спросом в еврейской Палестине. Она доставлялась в страну евреями-эмигрантами из СССР, распространялась через ПАА, закупалась палестино-еврейскими фирмами.

Следует подчеркнуть, что и для СССР, и для еврейско-палестинского сообщества 1920–1930-е гг. были временем становления собственной государственности. При этом каждая из сторон выдвигала свой проект

строительства «справедливого общества» и формирования посредством «передовых» социальных практик «нового человека». Успешное разрешение «извечного еврейского вопроса» должно было служить доказательством релевантности той идеологической парадигмы и, соответственно, эффективности построенной на ее основе социально-экономической и политической системы, в рамках которой «еврейский вопрос» был бы, наконец, снят с повестки.

Состояние «еврейского вопроса» в СССР, точнее, коллизии государственной политики, направленной на его решение, и борьба с сионизмом внутри страны оказывали непосредственное влияние на отношения Москвы и еврейско-палестинского сообщества. По замыслу партийно-советского руководства уравнивание евреев в политических правах с другими народами СССР посредством предоставления им территориально-национальной автономии (Крымский, затем Биробиджанский проекты) должно было обеспечить их интеграцию в «семью советских народов» и доказать, что справедливо еврейский вопрос может быть решен только в советском социалистическом государстве. Важнейшим условием реализации этих планов было привлечение средств зарубежных, прежде всего, еврейских фондов.

Свои проекты решения «еврейского вопроса» Москва позиционировала как альтернативу сионистской колонизации Палестины. Созданная в 1934 г. Еврейская автономная область в Биробиджане прямо называлась партийно-советскими лидерами формой «еврейской национальной государственности». При этом в Москва предлагала СО своего рода компромисс – в советских заявлениях периодически возникал тезис о том, что в СССР «еврейский вопрос», равно как и иные национальные проблемы, решен на основе марксистско-ленинского учения в духе «всестороннего развития всех наций и народностей на путях их сближения и братской взаимопомощи» и потому сионистский вариант решения «еврейского вопроса» для СССР неприменим, тогда как он вполне может быть признан Москвой как метод решения «еврейского вопроса» в капиталистических странах.

Такое разделение сфер компетенции было совершенно неприемлемо для СО, отстаивавшей идею национального единства мирового еврейства и, что не менее важно, возлагавшего большие надежды именно на российских сионистов в деле колонизации Палестины. В свою очередь, для Москвы неприемлемой была деятельность в СССР сионистских групп. По отношению к ним проводилась санкционированная ЦК РКП(б) тактика «негласной борьбы», результатом которой стало подавление российского сионизма как массового движения.

Таким образом накануне Второй мировой войны в отношениях между СССР и еврейской Палестиной был накоплен как позитивный, так и негативный потенциал. Следует заметить, что «коминтерновская», «наркоминдельская» и «хозяйственная» линии советской ближневосточной политики постоянно накладывались друг на друга, порождая сложные межведомственные коллизии и внешнеполитические коллизии. С другой стороны, поскольку еврейско-палестинское сообщество обладало лишь ограниченной правосубъектностью, то отношения СССР с ним в значительной степени определялись внешними факторами, прежде всего, палестинской политикой Великобритании и противоречиями англо-советских отношений.

Более подробно история взаимоотношений СССР и еврейской Палестины в межвоенный период рассмотрена нами в монографии «Истоки советско-израильских отношений»¹¹, прямым продолжением которой является предлагаемое Вашему вниманию, уважаемый читатель, настоящее исследование.

¹¹ Агапов М.Г. Истоки советско-израильских отношений: «еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920-е–1930-е гг. Тюмень, 2011. См. электронную версию монографии: http://utmn.academia.edu/MikhailAgapov/Books/1680863/_-1920--1930-_-ORIGINS_OF_SOVIET-ISRAELI_RELATIONS_THE_JEWISH_NATIONAL_HOME_IN_SOVIET_FOREIGN_POLICY_IN_1920-1930s

Глава 1. Еврейская Палестина накануне Второй мировой войны

Идея создания в Палестине «еврейского национального очага» происходила из ключевого тезиса националистической доктрины рубежа XIX – XX вв. об органической связи культурной (понимаемой как национальной) самобытности народа с его независимостью (понимаемой как государственной)¹². Получив концептуальное оформление в Базельской программе 1897 г., она стала объединяющим началом международного сионистского движения, поставившего своей целью образование в Палестине «еврейского национального центра» и обретение им международно-признанного статуса «правоохраненного убежища, где евреи могли бы жить полной еврейской жизнью, составить большинство населения и надеяться на получение своего "гомруля"»¹³. Однако, несмотря на предпринятые лидерами СО и еврейскими колонистами усилия, ни один из сионистских проектов создания «гарантированной автономии» для еврейского народа (Эль-Ариш, Гуас Нгишу) до начала Первой мировой войны так и не был реализован.

Только в годы Первой мировой войны, когда «специальный интерес» Великобритании к Палестине, представлявший собой совокупность задач стратегического характера, обрел заверченный вид, идея учреждения там «еврейского национального очага» под британским протекторатом получила поддержку со стороны английского правительства. Сделанное им в декларации Бальфура от 2 ноября 1917 г. заявление о благосклонном отношении «к основанию в Палестине национального очага для еврейского народа» и готовности «приложить все усилия для облегчения достижения этой цели» стало первым шагом на пути международно-правовой легитимизации «еврейского национального очага» на «земле обетованной». 25 апреля 1920 г. на конференции в Сан-Ремо Верховный Совет стран Антанты утвердил мандат

¹² Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 146.

¹³ Брандейс Луи де. Сионизм // Война и еврейская проблема. Москва, 1917. С. 40-41.

Лиги Наций на управление Палестиной и передал его Великобритании¹⁴. Мандат санкционировал учреждение в Палестине «еврейского национально-го очага». Таким образом декларации Бальфура был придан характер международного обязательства, а еврейским поселениям в Палестине – международно-правовой статус¹⁵.

Вопреки расчетам Лондона и ожиданиям СО план создания в Палестине «еврейского национального очага» был воспринят арабами крайне враждебно. Становление и развитие нового еврейско-палестинского сообщества происходило в условиях постоянно возрастающей эскалации конфликта между местным арабским населением и колонистами-сионистами. С точки зрения *социокультурного подхода* арабо-еврейский конфликт в Палестине представлял собой столкновение двух систем – феодально-патерналистской (палестинской) и либерально-индивидуалистской (европейской, представленной сионистами) – при котором противники воспринимали друг друга с собственных мировоззренческих позиций: арабы считали сионистов «разрушителями векового уклада жизни», «инородным телом в Палестине», сионисты арабов – «виновниками запустенья [Палестины]», «отцами пустыни». Если «старый ишшув» был встроен в местную систему феодально-патерналистских отношений – еврейские общины занимали определенное положение в иерархии этноконфессиональных групп Палестины и соответственно ему обладали определенными правами и обязанностями, то «новый ишшув» демонстративно противопоставлял себя данной системе.

Не менее важной была *социально-экономическая* линия конфликта. Сионистская колонизация Палестины проходила под лозунгами «завоевания земли», «завоевания труда» и «завоевания рынка». С начала XX в. специальными учреждениями СО осуществлялось систематическое приобретение земли в Палестине в «общественную собственность еврейского народа». Вкладывая капитал в землю, сионистские фонды создавали таким образом

¹⁴ АВП РФ. Ф.0512. Оп.1. Д.37. Л.7.

¹⁵ Grief Howard. The Legal Foundation and Borders of Israel under International Law. Jerusalem, 2008. P. 39.

территориальную основу будущей социально-политической еврейской общности в Палестине. Аграрная реформа, проведенная британской мандатной администрацией в начале 1920-х гг., санкционировала и ускорила процесс раздела арабских общинных землевладений. Большая их часть перешла в собственность влиятельных арабских кланов и сионистских колониционных организаций. Свободная продажа и покупка земли привела к быстрому обезземеливанию феллахов, которые, согласно логике развития капиталистических отношений должны были стать сельскохозяйственными и промышленными рабочими, однако наиболее перспективный с этой точки зрения еврейский сектор палестинской экономики был, за редким исключением, закрыт для арабов.

Первые еврейские хозяйства фермерского типа в Палестине опирались на поддержку филантропов и пользовались дешевым трудом арабских рабочих. Однако по мере роста сионистской иммиграции и усиления сионистского рабочего движения – уже в 1920-е гг. оно стало доминирующим и во многом определяющим развитие «еврейского национального очага» – в Палестине были созданы еврейские коллективные сельскохозяйственные поселения (квудот, киббуцы и мошавы), члены которых принципиально отказывались от использования наемного труда. Значительную часть еврейского сектора палестинской экономики контролировал Гистадрут, членами которого, равно как и работниками действующих под его эгидой предприятий могли быть только евреи. На рубеже 1920–1930-х гг. создание «чисто еврейских промышленных предприятий» привело к сегрегации еврейских и арабских рабочих. В 1930-е гг. в Палестине сложилось две экономические системы – еврейская и арабская. С середины 1930-х гг. экономические отношения между евреями и арабами все больше напоминали «торговые отношения между двумя различными государствами»

Не обладая достаточными экономическими ресурсами для противостояния сионистской колонизации, широкие арабские массы все больше связывали улучшение своего положения с обретением национальной независи-

мости. В наиболее острой форме конфликт между двумя ведущими группами населения Палестины проявился в *борьбе за властные полномочия в институтах политического представительства*. В 1920-е гг. на британских и французских подмандатных территориях под контролем Лондона и Парижа шел процесс формирования новых арабских государств. Было очевидно, что в обозримом будущем Палестина также обретет независимость, вопрос заключался лишь в том, кто станет носителем ее суверенитета – арабы или евреи? В соответствии с требованиями мандата Лиги Наций в Палестине были учреждены Верховный мусульманский совет Палестины и Верховный раввинский совет Палестины. Однако «еврейский национальный центр» получил так же и собственное политическое представительство. Ст. 4 мандата признавала Исполком СО в качестве еврейского представительного института, обладающего правом «давать советы и содействовать мандатной палестинской администрации в экономических, социальных и других вопросах, связанных с устройением еврейской общины в Палестине... и участвовать в развитии страны». Кроме того, в 1920 г. представители «нового ишшува» созвали в Иерусалиме Собрание депутатов (Асефат Ханивхарим), которое избрало Национальный совет (Ваад Леуми). Последний получил в 1928 г. официальный статус представительного органа «сообщества евреев в Палестине» (Кнессет Исраэль). В 1929 г. с целью консолидации ресурсов сионистских и несионистских еврейских организаций, а также углубления сотрудничества с британской администрацией в деле развития «еврейского национального очага» был создан специализированный орган Исполкома СО – Еврейского Агентства для Палестины. С точки зрения палестинских арабов учреждение ЕА было равнозначно формированию «сионистского правительства».

В тоже время требования Арабского палестинского конгресса прекратить сионистскую колонизацию Палестины и создать в стране представительное правительство «палестинского народа, говорящего на арабском языке» регулярно отклонялись британской администрацией. В этих условиях ответом арабской стороны на усиление позиций «еврейского национального

центра» стали периодические вооруженные антиеврейские выступления, переросшие в 1936 г. в антибританское восстание под лозунгами предоставления Палестине национальной независимости и прекращения еврейской иммиграции. Если до середины 1930-х гг. арабский национализм развивался под сильным влиянием панисламистской идеологии, рассматривавшей достижение «арабского единства» и «арабской солидарности» только лишь как шаг, хотя и необходимый, на пути к «мусульманскому единству», то во второй половине 1930-х гг. он быстро превратился в самостоятельное идейно-политическое течение, все отчетливее расходившееся с установками панисламистов.

Политической стратегией Лондона было лавирование между сионистами и арабами с целью сохранения в своих руках всей полноты власти. Августовские события 1929 г. и вызванный ими рост среди мусульман Британской империи не только антисионистских, но и антибританских настроений послужили причиной пересмотра английским кабинетом принципов его политики в Палестине.

В первой половине 1930-х гг. Лондон пытался найти выход из сложившейся в Палестине ситуации в рамках концепции «общего дома [евреев и арабов]». В 1935 г. мандатная администрация опубликовала новый проект Законодательного совета Палестины. Он должен был состоять из 28 членов под председательством какого-либо беспристрастного лица, не связанного с Палестиной. Совет получал право вносить и рекомендовать законы, при условии принятия на себя обязательства не возбуждать вопроса о легитимности мандата и признания за Верховным комиссаром Палестины права контроля в вопросах иммиграции¹⁶. Однако, за исключением возглавляемой Рахиб-беем Нашашибби – противником Великого муфтия Партии национальной защиты, согласившейся направить своих представителей в совет, все арабские группы посчитали его слишком далеко отстоящим от идеала суверенной Палестины.

¹⁶ ООН. Официальные отчеты второй сессии Генеральной Ассамблеи. Дополнение 11. Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины. Доклад Генеральной Ассамблеи. Т. I. Нью-Йорк, 1947. С. 27.

От участия в формировании «общего» Законодательного совета страны отказался и Ваад леуми, не без оснований полагая, что большинство мест в нем достанется представителям самой многочисленной группе «палестинцев», то есть арабам¹⁷.

Распад мандатной системы управления Палестиной, по крайней мере, той ее модели, которая была создана в начале 1920-х гг., произошел во второй половине 1930-х гг. в период «Великого арабского восстания»¹⁸. В 1936 г. лидеры палестинских арабских партий достигли соглашения о формировании единой палестинской организации – Высшего арабского комитета (ВАК), главой которого стал Великий муфтий Иерусалима Мохаммед Амин аль-Хусейни. ВАК возглавил вооруженную борьбу за создание в Палестине суверенного арабского государства.

В ходе «Великого арабского восстания» 1936–1939 гг. мандатная администрация была вынуждена пойти на сотрудничество с подпольными вооруженными силами «еврейского национального очага», созданными еще в 1920 г. и известными под названием Хагана (ивр. – оборона, защита). Уже в 1936 г. британские власти мобилизовали около 3 000 евреев во вспомогательные полицейские формирования («Полиция еврейских поселений»), взяв на себя их обеспечение оружием и, частично, жалованьем. Подчиняясь формально британским властям, на деле они оставались в оперативном подчинении командования Хаганы. Таким образом Хагана была частично легализована. В период 1937–1939 гг. под охраной Хаганы было создано более 50 новых поселений.

К 1939 г. «Полиция еврейских поселений» насчитывала 10 батальонов, на вооружении которых было легкое стрелковое оружие, ручные пулеметы и минометы. С началом нападений арабских отрядов на железнодорожные пути и нефтепровод Киркук-Хайфа, мандатная администрация санкционирова-

¹⁷ ООН. Официальные отчеты второй сессии Генеральной Ассамблеи. Дополнение 11. Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины. Доклад Генеральной Ассамблеи. Т. I. Нью-Йорк, 1947. С. 28.

¹⁸ Саид А. Великое арабское восстание. М., 1940; Он же. Восстания арабов в XX в. М., 1964. С. 169 – 180.

ла наступательные операции Хаганы против баз арабских повстанцев. Если продолжить приведенную выше метафору, согласно которой в середине 1930-х гг. отношения между евреями и арабами Палестины напоминали «отношения между двумя различными государствами», то можно констатировать, что во второй половине 1930-х гг. эти «государства» оказались в состоянии масштабной войны друг с другом.

События в Палестине вызвали острую дискуссию в британском парламенте. Левые депутаты подвергли острой критике просионистскую политику Лондона в Палестине: «Арабы и евреи жили вместе в течение столетий и только этот грабеж и эксплуатация в Палестине вызвали волнения ... Достопочтенный член парламента от Корнарворна [Д.Ллойд-Джордж] говорил о докторе Вейцмане и его заслугах союзникам. А что делали арабы во время войны? [Арабы] сражались против турок, рассчитывая на обещание, данное Лондоном, что после окончания войны будет образована единая арабская нация ... [После войны] появилась декларация Бальфура и арабы были обмануты, но не евреями ... Они были обмануты теми политиками, которые руководят сионистским движением»¹⁹.

Борьба палестинских арабов против «сионизации» их земли усиливала антибританские настроения во всех арабских странах, что ослабляло позиции Лондона на Ближнем Востоке. Недовольство английской политикой в Палестине проявилось и в таком ключевом для Британской империи регионе как Индия, где после начала «Великого арабского восстания» заметно активизировалось движение «мусульманской солидарности» с Палестиной. Провозглашенный им лозунг «Мусульманский мир – это Палестина, а Палестина – это мусульманский мир», грозил осложнить отношения Лондона со всеми мусульманами Британской империи. Ситуация осложнялась активным проникновением на Ближний Восток германской и итальянской агентуры²⁰. Та-

¹⁹ РГАСПИ. Ф.532. Оп.4. Д.13. Л.7.

²⁰ Nicosia Francis R. The Third Reich and the Palestine question. New Brunswick, L., 2000. P. 60 – 66. Правительство Муссолини направляло антибританскую и антиссионистскую деятельность в Палестине с середины 1920-х гг. ИНО ОГПУ сообщало в

ким образом, во второй половине 1930-х гг. ситуация в Палестине перестала быть заботой только сотрудников министерства колоний и превратилась в проблему общеимперской безопасности. 26 ноября 1937 г. глава Форин Офис А. Иден представил меморандум, в котором говорилось: «Относиться к палестинской проблеме как к локальной – не только не практично, но и опасно. Все свидетельствует о том, что это самая важная проблема на Ближнем Востоке и что все наши будущие отношения с ближневосточными странами будут почти полностью зависеть от ее решения. Наши противники в Европе знают об этом. Они достаточно трезво смотрят на вещи, чтобы не забыть о районе, где они могут доставить нам большие неприятности»²¹.

Палестинская проблема требовала скорейшего решения. 30 июля 1937 г. Уайтхолл выпустил Белую книгу по вопросу о британской политике в Палестине, подготовленную на основе результатов работы Королевской комиссии, действовавшей в Палестине с ноября 1936 г. по январь 1937 г. По имени главы комиссии лорда Пиля, признанного эксперта по колониальным вопросам, план урегулирования палестинской проблемы получил название «план Пиля».

Королевская комиссия пришла к следующим выводам:

во-первых, в Палестине возник «неразрешимый конфликт между намерениями двух основных групп ее населения»;

во-вторых, Великобритания не заинтересована в том, чтобы управлять страной без согласия ее граждан, поэтому,

в-третьих; следует «прекратить мандат на основании раздела страны», при котором необходимо соблюсти три условия: раздел должен быть выпол-

НКВД СССР в 1924 г. в этой связи: «Муссолини удалось значительно укрепить позиции Италии на Средиземном море. В этой политике Италии не последнее место занимает Палестина. В своем стремлении закрепиться на Средиземном море Италия все более наталкивается на Англию ... Фашистское правительство использует для этой цели [ослабления позиций Англии в Палестине], с одной стороны – католицизм, с другой – арабское национальное движение, в котором оно нашло союзника против сионизма». АВП РФ. Ф.04. Оп.31. Д.52402. Л.6.

²¹ Public Record Office. Kew Gardens. Foreign Office. Great Britain 371/20821; Nov. 26, 1937.

ним практически, он должен соответствовать взятым Великобританией на себя обязательствам, и, наконец, он должен удовлетворить как арабов, так и евреев²².

«План Пиля» предлагал раздел Палестины на два государства – еврейское (Галилея, Приморская равнина и Иезраэльская и Эздрелонская долины) и арабское (вся остальная часть Палестины) – связанных с Лондоном договорными отношениями, при сохранении между ними зоны под английским контролем (коридор, соединяющий Иерусалим с побережьем Средиземного моря). «План Пиля» получил принципиальное одобрение правительства Болдуина, однако был отвергнут обеими конфликтующими сторонами, расценившими условия «прекращения мандата» как неприемлемые.

ВАК настаивал на решении палестинской проблемы по «иракскому сценарию» без какого бы то ни было расчленения Палестины. Прошедший в сентябре 1937 г. в Блудане (Сирия) по инициативе Сирийского комитета защиты Палестины Всеарабский конгресс потребовал аннулировать декларацию Бальфура, прекратить еврейскую иммиграцию и запретить «передачу арабских земельных владений евреям». «Палестина является частью неделимой территории арабов, – говорилось в резолюции конгресса. – Должно быть оказано сопротивление разделу Палестины и образованию еврейского государства». Конгресс настаивал на замене мандата «особым соглашением с Англией на основе признания независимости арабов в Палестине с конституционным образом правления и с гарантией прав евреев как меньшинства в конституционном порядке». В резолюции конгресса подчеркивалось, что «англо-арабская дружба зависит от осуществления указанных принципов и что упорство Англии на своей политике вызовет новое сопротивление арабов»²³. Аналогичные заявления прозвучали и в резолюции межпарламент-

²² Report of the Palestine Royal commission. Summary of Report. Distributed at the request of the United Kingdom Government. Geneva: Series of League of Nations Publications. VI. A. Mandates 1937.

²³ АВП РФ. Ф.118. Оп.2. Д.4. Л.1 – 2.

ского конгресса арабских и мусульманских стран в защиту Палестины, состоявшегося в 1938 г. в Каире.

СО отвергла план раздела Палестины на своем XX конгрессе (1937 г., Цюрих). «План Пиля» поддержали президент СО Х. Вейцман, считавший раздел Палестины «меньшим из возможных зол», и председатель правления ЕА Д. Бен-Гурион, исходивший из того, что «частичное еврейское государство – это не конец, а только начало»: его создание позволит сионистам организовать «современную национальную оборону, сформировать отборную армию... и обосноваться в других концах страны как по взаимной договоренности с соседями-арабами, так и любыми другими способами»²⁴. Однако подавляющее большинство участников конгресса не без оснований считало, что еврейское государство в границах предложенных лордом Пилем будет, учитывая расстановку сил на Ближнем Востоке, почти сразу же уничтожено соседними арабскими странами.

Действительно, из всех арабских стран Ближнего Востока проект раздела Палестины поддержала только Трансиордания, правитель которой, зависимый от Лондона эмир Абдаллах ибн Хусейн, надеялся на присоединение к своим владениям арабской части Палестины. Ирак выступил категорически против раздела Палестины, так как это подрывало планы Багдада по созданию под его эгидой федерации стран «Благодатного полумесяца». Король Саудовской Аравии Ибн Сауд направил в Лондон своего официального представителя с меморандумом против реализации «плана Пиля».

В итоге конгресс СО представил свою позицию в трех основных пунктах:

во-первых, мандат Великобритании на Эрец-Исраэль должен быть сохранен;

во-вторых, примирение национальных интересов евреев и арабов в Эрец-Исраэль по-прежнему возможно;

²⁴ Из письма Бен-Гуриона сыну Амосу. Цит. по: Бар-Зохар М. Бен-Гурион. Ростов-на-Дону, 1998. С. 140.

в-третьих; раздел Эрец-Исраэль недопустим²⁵.

Дискуссии вокруг «плана Пиля» привели к обсуждению прежде официально не рассматривавшегося вопроса о «конечной цели» (Endziel) сионистского движения. И хотя по нему конгресс не принял никакого решения, сам факт его постановки свидетельствовал о начале принципиально нового этапа в развитии политического сионизма – речь шла о переходе от задач минимума (создание «еврейского национального очага в Палестине, обеспеченного государственно-правовыми гарантиями») к задачам максимума («восстановление еврейского государства»). В связи с этим конгресс поручил руководству СО провести переговоры с правительством Великобритании, чтобы выяснить его намерения относительно создания в Палестине еврейского государства «в его исторических границах».

Основным аргументом сионистов в пользу образования в Палестине еврейского государства стал со второй половины 1930-х гг. тезис о необходимости предоставить убежище немецким и австрийским евреям, подвергшимся преследованиям со стороны нацистов²⁶. Однако Лондон отказался связать палестинскую проблему с «посторонними соображениями, такими, например как положение евреев в Германии, Австрии или в другом месте». Когда в июле 1938 г. на конференции в Эвиан-ле-Бен (Франция) 32 государства отказались принять еврейских беженцев из Германии и Австрии, сионистское руководство усилило давление на английское правительство с требованием открыть для еврейских беженцев двери Палестины. Однако Великобритания не могла пойти на это, не рискуя испортить отношения с арабскими и другими мусульманскими народами Британской империи²⁷. В итоге, по словам английского историка П. Кальвокоресси, «Гитлер взвалил на Англию

²⁵ Лакер В. История сионизма. М., 2000. С. 734 – 736.

²⁶ Лакер В. История сионизма. М., 2000. С. 734 – 736.

²⁷ В уже цитированном меморандуме А.Идена особо подчеркивалось, что «...появление в Палестине независимого еврейского государства вызовет резкое недовольство арабов по отношению и к евреям, и к нам и станет источником новых чрезвычайно опасных проблем».

бремя позора за отказ предоставить убежище преследуемым ... евреям»²⁸. Еврейская иммиграция в Палестину являлась в представлении арабов главным инструментом «сионизации» страны. За период с 1931 по 1939 гг. в результате нескольких иммиграционных волн, численность «еврейского национального очага» возросла, главным образом за счет переселенцев из Германии и подчиненных ей стран с 174 606 до 474 102 человек, то есть почти в 3 раза. За тот же период арабское население увеличилось с 792 155 до 1 044 845 человек, то есть менее чем в 1,3 раза²⁹.

Несмотря на резко отрицательное отношение к «плану Пиля» конфликтующих сторон и фактическое его отклонение Советом Лиги Наций³⁰, вплоть до конца 1938 г. кабинет Чемберлена рассматривал проект раздела Палестины как единственно возможный способ нормализовать арабо-еврейские отношения. В апреле 1938 г. в Палестину была направлена специальная экспертная комиссия под председательством сэра Ч. Вудхеда для изучения возможностей реализации «плана Пиля». Ее отчет был опубликован 9 ноября 1938 г. в виде Белой книги по вопросу о британской политике в Палестине. В нем констатировалась практическая неосуществимость «плана Пиля» «ввиду политических, административных и финансовых трудностей»³¹. «Мир и процветание, – говорилось в отчете комиссии Вудхеда, – будут достигнуты в Палестине только после того, как удастся установить взаимопонимание между евреями и арабами»³².

²⁸ Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2000. С. 449.

²⁹ ООН. Официальные отчеты второй сессии Генеральной Ассамблеи. Дополнение 11. Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины. Доклад Генеральной Ассамблеи. Т. I. Нью-Йорк, 1947. С.11. По данным сирийской компартии с 1920 по 1941 гг. в Палестину прибыло более 325 000 евреев. РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 128. Д. 821. Л. 21.

³⁰ На заседании 16 сентября 1937 г. Совет Лиги Наций принял следующую резолюцию по рекомендациям комиссии Пиля: «Совет откладывает углубленное изучение вопроса до того момента, когда Совет сможет обсудить этот вопрос во всех его аспектах, и полностью резервирует свое решение». АВП РФ. Ф.0512. Оп.1. Д.37. Л.11.

³¹ Great Britain. Colonial Office. Palestine. Statement by His Majesty's Government in the United Kingdom. London, November 1938. Cmd. 5893.

³² Great Britain. Colonial Office. Palestine. Statement by His Majesty's Government in the United Kingdom. London, November 1938. Cmd. 5893. Кроме того, «план Пиля» был трудноосуществим технически. Он предполагал разделение Палестины на множество

В декабре 1938 г. кабинет Чемберлена официально признал кризис мандатного режима в Палестине³³. Исходя из выводов комиссии Вудхеда, Форин Офис заявил о созыве конференции с участием представителей палестинских арабов, арабских государств и «еврейского национального очага» в Палестине в лице ЕА для обсуждения «будущей политики, включая вопрос об иммиграции, по отношению к Палестине». Конференция, известная по месту ее проведения как Лондонская или Сент-Джеймсская, открылась 7 февраля 1939 г. и должна была войти в историю под названием «конференции круглого стола», однако все арабские представители – лидеры арабских политических партий Палестины, а также делегаты Египта, Ирака, Саудовской Аравии, Йемена и Трансиордании – сразу же заявили о своем непризнании полномочий ЕА и категорическом отказе вступать в прямые переговоры с его руководителями. В итоге британским дипломатам пришлось вести конференцию в формате отдельных переговоров с арабской и еврейской сторонами. Несмотря на ее безрезультатное окончание, правительство Великобритании опубликовало 17 мая 1939 г. выдвигавшийся им на конференции план решения палестинской проблемы как «Декларацию о политике в Палестине». В этом документе, более известном как Белая книга Малькольма Макдональда, провозглашались новые принципы английской политики по отношению к Палестине.

Главной причиной арабо-еврейского конфликта в «Декларации» называлась «двусмысленность некоторых выражений Мандата, таких как "национальный дом еврейского народа" [порождающая] сомнения относительно це-

мелких и мельчайших территорий с различным международно-правовым статусом. По словам бывшего первого Верховного комиссара Палестины Г.Сэмюэля, Пиль предлагал создать «Саар, Польский коридор, полдюжины Данцигов и Мемелей на территории размером в Уэльс». РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 13. Л. 6.

³³ Цит. по: ООН. Официальные отчеты второй сессии Генеральной Ассамблеи. Дополнение 11. Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины. Доклад Генеральной Ассамблеи. Т. I. Нью-Йорк, 1947. С. 41.

лей политики [Великобритании в Палестине]»³⁴. В связи с этим делалось два важных заявления.

Во-первых, в «Декларации» указывалось, что английский кабинет руководствуется определением термина «еврейский национальный очаг», данным в меморандуме Черчилля 1922 г. «Правительство Его Величества, – говорилось в «Декларации», – твердо придерживается этой интерпретации декларации Бальфура и расценивает ее как обоснованное и всестороннее определение еврейского национального очага в Палестине». В настоящее время «еврейский национальный очаг» в Палестине, заявлялось далее, уже создан и дальнейшее его развитие будет нарушением британских обязательств перед арабами. «Очевидность того, что правительство Его Величества выполнило свои обязательства в этом отношении заключается в фактах... с 1922 г. более чем 300 000 евреев иммигрировало в Палестину, население национального очага возросло до 450 000 или 1/3 населения страны...»³⁵. Этим заявлением фактически подводилась черта под англо-сионистским сотрудничеством, начавшемся двадцать два года назад провозглашением декларации Бальфура.

Во-вторых, Белая книга Макдональда дезавуировала обязательства Великобритании по отношению к арабам, изложенные в соглашении Мак-Магон – Хусейн 1915 г. Иными словами, Лондон официально отказался от своего обещания признать независимое арабское государство в его «естественных границах», включающих в себя Аравийский полуостров (за исключением британских протекторатов), части Сирии и Ирака (к Востоку от линии Алеппо-Хама-Дамаск) и всю Палестину. «Вся Палестина к западу от Иордана, – говорилось в «Декларации», – была исключена из обязательства Мак-Магона... поэтому нельзя согласиться, что письмо Мак-Магона создает спра-

³⁴ Palestine Statement of Policy Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. May 1939. L., 1939. P. 2.

³⁵ Palestine Statement of Policy Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. May 1939. L., 1939. P. 3–4. По заявлению Малькольма Макдональда, в 1919 г. в Палестине проживало около 635 000 арабов и 58 000 евреев. В марте 1939 г. арабское население Палестины насчитывало 1 113 000, а еврейское – 422 000 человек. АВП РФ. Ф.0512. Оп.1. Д.37. Л.31.

ведливую основу для требования преобразовать Палестину в Арабское государство»³⁶.

Таким образом, Великобритания четко обозначила свое отношение к еврейскому и арабскому вопросам в Палестине: ни евреи, ни арабы, по мнению Лондона, не имели права претендовать на провозглашение Палестины своим национальным государством. Исходя из этого, а также из того, что план раздела Палестины был отклонен обеими сторонами и в итоге признан невыполнимым самим Лондоном, английский кабинет заявил о намерении «основать независимое Палестинское государство» как единственно возможным способе совместить британскую политику с обязательствами Лондона перед арабами и евреями и нормализовать обстановку на Ближнем Востоке.

Целью британского правительства объявлялось «учреждение... независимого Палестинского государства, связанного такими договорными отношениями с Соединенным Королевством, которые будут удовлетворять коммерческим и стратегическим требованиям обеих стран». При этом «оба народа, арабы и евреи, – подчеркивалось в «Декларации», – должны участвовать в правительстве Палестинского государства, чтобы таким образом были соблюдены... интересы каждого из них»³⁷. Иначе говоря, Лондон рассчитывал отказаться от мандатной формы управления Палестиной в пользу «договорной зависимости», как это было сделано в 1920-е гг. в Ираке и Трансиордании. Поставленные цели предполагалось достичь посредством следующих шагов.

Во-первых, через пять лет после «восстановления мира и порядка» планировалось создать специальный «корпус из представителей населения Палестины и правительства Его Величества... для выработки рекомендаций относительно конституции независимого Палестинского государства». Следует заметить, что одним из обязательных пунктов будущей палестинской

³⁶ Palestine Statement of Policy Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. May 1939. L., 1939. P. 4.

³⁷ Palestine Statement of Policy Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. May 1939. L., 1939. P. 5.

конституции, британский кабинет считал гарантию «особого положения еврейского национального очага в Палестине»³⁸.

Во-вторых, в течение следующего, так называемого переходного периода (он определялся в 10 лет), должна была постепенно увеличиться доля участия местного населения в управлении Палестиной, так, чтобы в итоге «во главе всех правительственных департаментов [Палестины] были поставлены лица из среды палестинского населения, которые работали бы с помощью британских советников и под контролем Верховного комиссара»³⁹. Таким образом следовало обеспечить постепенное приобщение местного населения к управлению страной и плавную передачу власти. Кроме того, Лондон надеялся, что сотрудничество арабов и евреев в «правительственных департаментах» будет «способствовать улучшению отношений между ними»⁴⁰.

В-третьих, в течение переходного периода предполагалось скорректировать иммиграционную политику, иначе говоря – нормализовать демографическую ситуацию в Палестине. «Прискорбные события прошлых трех лет» связывались авторами «Декларации» с «опасениями арабов, что этот поток [еврейской иммиграции] будет неограниченно нарастать до тех пор, пока еврейское население не займет доминирующее положение». В связи с этим еврейская иммиграция ставилась отныне в зависимость не от «экономической емкости страны», как это было со времен меморандума Черчилля 1922 г., а от согласия арабского населения Палестины. Согласно Белой книге, в ближайшие 5 лет еврейская иммиграция не должна была превысить 75 000 человек, с тем, чтобы еврейское население составило не более 1/3 всего населения Палестины. В последующие 5 лет, начиная с 1 марта 1944 г., еврейская имми-

³⁸ Palestine Statement of Policy Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. May 1939. L., 1939. P. 5–6.

³⁹ Palestine Statement of Policy Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. May 1939. L., 1939. P. 7.

⁴⁰ Palestine Statement of Policy Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. May 1939. L., 1939. P. 8.

грация допускалась только в случае отсутствия возражений со стороны арабов⁴¹.

Наконец, приобретение евреями земли в ряде районов страны запрещалось, а в большинстве других – строго ограничивалось⁴².

Публикация декларации Макдональда свидетельствовала о переориентации английского политического курса: в новых обстоятельствах Лондон был готов, при выполнении ряда обозначенных выше условий, отказаться от мандатной формы управления Палестиной в пользу «договорной зависимости». Так как положения Белой книги 1939 г. не соответствовали требованиям, выдвинутым на Лондонской конференции арабскими представителями – они настаивали на выполнении условий отклоненного Лондоном соглашения Мак-Магон – Хусейн 1915 г. – то декларация Макдональда была ими отвергнута. Явные уступки арабам, на которые пошел английский кабинет, например, в части, касающейся ограничений еврейской иммиграции в Палестину не помогли Лондону вернуть лидеров арабских националистов под свое влияние. В годы Второй мировой войны многие из них сотрудничали со странами «оси». Так, в 1941 г. Великий муфтий Иерусалима Мохаммед Амин аль-Хусейни перебрался в Берлин. Оттуда он, рассчитывая, что победа Германии приведет к изгнанию англичан и евреев из Палестины, призывал арабов и мусульман на «борьбу против еврейско-большевистско-англосаксонского альянса»⁴³.

ЕА заявило, что декларация Макдональда «лишает еврейский народ права восстановления своего национальный очаг в стране его предков ... превращает власть Палестины во власть нынешнего арабского большинства ... устанавливает территориальное гетто для евреев в их собственном национальном очаге»⁴⁴. С мая 1939 г. сионистские лидеры фактически отказались

⁴¹ Palestine Statement of Policy Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. May 1939. L., 1939. P. 8–9.

⁴² Palestine Statement of Policy Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. May 1939. L., 1939. P. 11–12.

⁴³ Кудрявцев А.В. Исламский мир и палестинская проблема. М., 1990. С. 53.

⁴⁴ АВП РФ. Ф.0512. Оп.1. Д.37. Л.20.

от признания законности британского мандата на Палестину⁴⁵. Публикация 17 мая 1939 г. декларации Макдональда ознаменовала начало самого серьезного в истории «еврейского национального очага» кризиса. В фундаментальном исследовании известного английского историка Мартина Гилберта «Изгнание и возвращение. Возникновение еврейской государственности» период истории «еврейского национального очага» в июле – декабре 1939 г. охарактеризован как «путь в бездну», а период 1940 – 1942 гг. – «после бездны»⁴⁶.

Обсуждение декларации Макдональда в палате общин вызвало бурную дискуссию. С резкой критикой ее основных положений выступили либералы и лейбористы. Лидер первых А. Синклер заявил о несовместимости Белой книги с обязательствами мандата⁴⁷. «Министр по делам колоний уничтожил в течение одного года здание, которое потребовало работы союзных государственных деятелей во время Великой войны и после нее, – сказал в своем выступлении депутат-лейборист Т. Вильям. – Белая книга является нарушением обязательств по отношению к еврейскому народу, она уничтожает букву и дух декларации Бальфура и лишает мандат всякого смысла». По мнению другого депутата-лейбориста полковника Вейджвуда, декларации Макдональда являлась капитуляцией перед арабскими террористами⁴⁸. Ближневосточную политику кабинета Чемберлена подвергли остракизму депутаты-консерваторы и одновременно бывшие министры по делам колоний Л. Эмери и У. Черчилль⁴⁹. В итоге декларация Макдональда была проведена через Палату общин голосами 268 депутатов против 179, т.е. большинством в 89 голосов при правительственном большинстве в то время 230 депутатов⁵⁰.

Еще в период работы Сент-Джеймской конференции около двух сот членов Конгресса США выступили с декларацией по палестинскому вопросу,

⁴⁵ См.: Меир Голда. Моя жизнь. Чимкент, 1997. С. 193.

⁴⁶ Martin Gilbert. Exile and Return. The Emergence of Jewish Statehood. L., 1978.

⁴⁷ House of Commons. Deb 23 May 1939. Vol. 347. Col. 2129 – 2197.

⁴⁸ House of Commons. Deb 05 June 1939 Vol. 348. Col. 21 – 22.

⁴⁹ House of Commons. Deb 23 May 1939. Vol. 347. Col. 2129 – 2197.

⁵⁰ АВП РФ. Ф.0512. Оп.1. Д.37. Л.22.

в которой заявлялось: «Всякая мера, которая будет предпринята против еврейской иммиграции в Палестину или поставит евреев в положение неравенства по отношению к арабам, является недопустимой». Конгрессмены призывали правительство Великобритании «сохранять до конца верность слову, данному еврейскому народу, выполнить обязательства, принятые декларацией Бальфура»⁵¹.

В августе 1939 г. Постоянная мандатная комиссия Лиги Наций, рассмотрев Белую книгу Макдональда, постановила, что «политика Белой книги не соответствует той интерпретации, которую, в согласии с государством-мандатарием и Советом Лиги Наций, Постоянная мандатная комиссия всегда давала мандату на Палестину». Из семи членов Постоянной мандатной комиссии четыре (Бельгия, Швейцария, Голландия, Норвегия) заявили, что «политика Белой книги не соответствует мандату и всякое иное заключение представляется им невозможным». Три члена комиссии (Великобритания, Франция, Португалия) посчитали, что «нынешние обстоятельства могут оправдать политику Белой книги»⁵². Таким образом декларация Макдональда не получила международной поддержки. Тем не менее, правительство Великобритании руководствовалось ее положениями в палестинской политике вплоть до окончания действия мандата. Кабинет Черчилля, несмотря на то, что в него вошли противники Белой книги, не отменил последнюю. В Лондоне прекрасно понимали, что палестинские евреи не выступят против Великобритании, пока идет война с Германией⁵³. В тоже время неуверенность британского кабинета в лояльности арабского населения и напряженная обстановка на Ближнем Востоке на всем протяжении Второй мировой войны заставляли английское правительство серьезно волноваться за свои позиции в Палестине и, по словам Черчилля, «напрасно», держать в ней иногда до

⁵¹ АВП РФ. Ф.0512. Оп.1. Д.37. Л.22 – 23.

⁵² АВП РФ. Ф.0512. Оп.1. Д.37. Л.23.

⁵³ Bauer Yehuda. From Diplomacy to Resistance. A History of Jewish Palestine. 1939 – 1945. N.Y., 1973. P.43.

15 дивизий⁵⁴. Последнее обстоятельство, а также стремление противоборствующих сторон перенести решение палестинской проблемы на послевоенное время обеспечили относительную стабильность в регионе и сохранение status quo до конца войны.

⁵⁴ См.: Черчилль У. Вторая мировая война. В 6 т. М., 1998. Т.2. С. 228, 302. Т.3. С.138, 212.

Глава 2. Еврейско-палестинская община и СССР в годы Второй мировой войны

2.1. Еврейская Палестина в политических и военно-стратегических оценках советского руководства

С конца 1920-х гг. восприятие советским руководством «еврейского национального очага» в Палестине и ситуации вокруг него все более определялось «синдром осажденной крепости». Образ Палестины как одной из английских военных баз стал едва ли не доминирующим. «Роль Палестины значительно увеличилась в связи с созданием в Ираке английской воздушной и военной базы», – сообщал опубликованный в Москве в 1929 г. справочник «Страны Востока»⁵⁵. В другом аналогичном издании подчеркивалось подчиненность военным целям транспортной инфраструктуры Палестины: «Большая часть современной железнодорожной сети Палестины построена во время войны, причем самое возникновение ее и направление линий диктовалось исключительно стратегическими интересами Англии. Значительная часть шоссежных и грунтовых дорог Палестины имеет такое же "военное происхождение"»⁵⁶.

В первой половине 1930-х гг. отмечалось усиление военно-стратегической роли Палестины благодаря интенсивному строительству в

⁵⁵ Страны Востока. Экономический справочник. М., 1929. С.549.

⁵⁶ Аксельрод М.М. Палестина // Страны Востока. Экономический справочник. Т. I. Ближний Восток. М., 1930. С.297 – 298. «В тридцать седьмом году я строил аэродром в Бейруте, затем "Шелькомпани" перебросила меня в Синайскую пустыню, где накануне войны англичане прокладывали дорогу из Египта в Палестину, чтобы создать коммуникации на случай начала военных действий, – вспоминал С.Микунис, в 1936 – 1939 гг. глава отдела пропаганды ПКП, позже – генсек Компартии Израиля. – [при этом] я был бесконечно горд тем, что нахожусь в авангарде мирового пролетариата, это будоражило мое честолюбие ... В Синайской пустыне, на строительстве дороги, я ставил в песках красные флаги, у нас не было хороших карт, и с помощью этих флагов мы обозначали прокладываемый нами путь из Египта в Палестину. Дорогу протяженностью в 226 километров мы построили за восемь месяцев!». Самуил Микунис. Прозрение. Из воспоминаний бывшего генерального секретаря коммунистической партии Израиля // Время и мы. 1979. №48. С.151-152.

ней военных объектов: «В 1933 г. закончено оборудование порта Хайфа, который служит базой английского военного флота ... Через Палестину проходят воздушные пути, соединяющие Великобританию с ее владениями на Востоке. Через Палестину проходит так же южная английская ветвь нефтепровода из Ирака к Средиземному морю (Киркук – Хайфа)»⁵⁷. В советской печати Палестина прямо называлась плацдармом развертывания английской армии для нападения на СССР: «Английский империализм превратил Палестину в военно-стратегическую базу не только на пути в Индию, но и на пути к советской нефти»⁵⁸.

Вполне закономерно ситуация в Палестине получила широкое освещение в период «Великого арабского восстания» (1936–1939 гг.). При этом отмечалось значение «палестинских событий» для развития обстановки не только в Средиземноморском регионе, но и «на всем мусульманском Востоке» и в Европе. В частности подчеркивалось, что «значение палестинской проблемы выходит далеко за пределы самой Палестины. То или иное разрешение этой проблемы вызовет соответствующие отклики на всем мусульманском Востоке... и неизбежно окажет влияние на соотношение сил на Средиземном и Красном морях»⁵⁹. В Европе, писала «Правда», главный противник Лондона – Германия «надеется, что Англия будет в течение долгого срока занята этими событиями [в Палестине] и будет в связи с этим парализована в Европе»⁶⁰.

В условиях нарастания международной напряженности Палестина, по аналогии с событиями 1914–1918 гг., рассматривалась как один из возможных очагов новой европейской войны⁶¹. Самое пристальное внимание при этом уделялось месту Палестины в военно-стратегических расчетах Велико-

⁵⁷ АВП РФ. Ф.0512. Оп.1. Д.37. Л.2.

⁵⁸ Борьба арабов в Палестине // Известия. 1933. – 3 ноября.

⁵⁹ Яновский А. Борьба за арабский Восток // Известия. 1937. – 28 августа.

⁶⁰ См. напр.: «Германия надеется, что Англия будет в течение долгого срока занята этими событиями [в Палестине] и будет в связи с этим парализована в Европе». Волнения в Палестине и Германские расчеты // Правда. 1936. – 9 сентября.

⁶¹ См. напр.: Яновский А. Борьба за арабский Восток // Известия. 1937. – 28 августа; Лисовский П. Фашистские агрессоры и страны ислама // Известия. 1938. – 1 февраля.

британии и стран «агрессивного блока». Материалы по этой теме готовились, в частности, сотрудниками Арабского кабинета действовавшего в 1936–1939 гг. Научно-исследовательского института по изучению национальных и колониальных проблем (НИИНКП), являвшегося ведомственным учреждением Коминтерна⁶². Интересы Англии в Палестине четко связывались работниками Арабского кабинета со стремлением Лондона сохранить за собой Палестину как «военно-стратегическую базу в восточном углу Средиземного моря, призванную сыграть решающую роль в будущей схватке за передел колоний»⁶³. С этих позиций оценивались и английские планы «реорганизации» Палестины 1937–1939 гг. Так, план лорда Пиля (июль 1937 г.) был воспринят как попытка кабинета Чемберлена укрепить свои пошатнувшиеся позиции в арабском мире посредством «образования арабского государства [в Палестине], связанного с Трансиорданией». Передача «трансиорданскому эмиру Абдулаху... "в подарок" огромной дополнительной территории» обещала превратить его в «надежного союзника» англичан⁶⁴.

Не меньшие надежды, как полагали в Москве, «возлагались [Лондон] на карликовое сионистское государство». Последнее, как считалось, гораздо в большей степени, нежели Трансиордания, должно было упрочить положение Великобритании к востоку от Суэца. «Палестина, принадлежащая своему коренному населению, – отмечалось в этой связи, – всегда может раствориться... в вечно клокочущем арабском море... Сионистская же Палестина... очень скоро превратилась бы в английскую провинцию». Дополнительным фактором подчинения Лондону «сионистского государства» считалось его «окружение враждебной стихией», сохраниться в котором оно могло бы «только при поддержке Англии и стало бы для нее верной опорой»⁶⁵.

Зависимость могущества Англии и целостности Британской Империи от позиций Лондона в арабских странах считалась в Москве главной причи-

⁶² РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 12. Л. 44.

⁶³ РГАСПИ. Ф. 532. Оп. 4. Д. 12. Л. 44.

⁶⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 14. Д. 367. Л. 8.

⁶⁵ Яновский А. Борьба за арабский Восток // Известия. 1937. – 28 августа.

ной «того исключительного интереса, который проявляют фашистские Италия и Германия к арабскому Востоку»⁶⁶. Как писал печатный орган Коминтерна «без учета подрывной деятельности... которую ведут итальянские и германские фашисты... на Ближнем Востоке» «невозможно полностью понять происходящие в настоящее время события в Палестине»⁶⁷. Интересы стран «Оси» в Палестине связывались с военно-стратегическими планами Германии и Италии в Средиземноморье, важной частью которых, как считалось, была подготовка «концентрированного удара по позициям Англии и Франции в Средиземном море и разрыв их коммуникаций, имеющих исключительно важное стратегическое значение». В частности подчеркивалось стратегическое значение палестинского плацдарма для установления контроля над Суэцким каналом⁶⁸.

Большое внимание уделялось рассмотрению места Палестины в военно-экономических расчетах «агрессоров». Активное проникновение Германии в экономику Палестины объяснялось стремлением Берлина реализовать «старый план германского империализма» «постройки Берлин-Багдадской железной дороги, пересекающей Ближний Восток, все арабские страны и доходящей до Калькутты». Желание Муссолини захватить Палестину также относилось к «давней мечте итальянских империалистов» о «"большой римской империи"» господствующей «над всем побережьем Средиземного моря, прилегающими к нему странами и путями, пересекающими это море»⁶⁹.

Особое значение в борьбе за Средиземноморье придавалось Мосуло-хайфинскому нефтепроводу и Хайфе – крупному портовому городу. Со ссылкой на германских военных указывалось, что разрушение проходящего через Палестину Мосуло-хайфинского нефтепровода «может лишить англий-

⁶⁶ Яновский А. Борьба за арабский Восток // Известия. 1937. – 28 августа.

⁶⁷ Давос Р. События в Палестине // Коммунистический интернационал. 1938. № 11. С. 60.

⁶⁸ Лисовский П. Фашистские агрессоры и страны ислама // Известия. 1938. – 1 февраля.

⁶⁹ Давос Р. События в Палестине // Коммунистический интернационал. 1938. № 11. С. 60.

ский средиземноморский флот топлива»⁷⁰. «Хайфа – также конечный пункт стратегически важной железнодорожной линии, ведущей в Багдад». Таким образом, делался вывод, «значение Хайфы можно сравнить только со значением Суэцкого канала»⁷¹.

Наконец, серьезное беспокойство советского руководства вызывало сближение арабов со странами «оси». «Если английское правительство, посеяв в Палестине ветер, пожинает бурю, то эту бурю германский и итальянский фашизм хочет использовать в своих агрессивных целях»⁷². Со ссылкой на сообщения английских и французских газет советская печать указывала на связи «палестинских повстанцев» с Берлином и Римом⁷³. Отмечались поставки в Палестину оружия германского производства, «связь между итальянскими агентами и верховным арабским комитетом», который «получает инструкции и деньги из-за границы»⁷⁴. Советская печать постоянно указывала на «несомненный факт широкого политико-пропагандистского наступления против западных демократических стран, организованного фашистским блоком агрессоров в колониальных странах средиземноморского бассейна»⁷⁵. ИККИ вскрывал активную идеологическую обработку «арабских повстанцев» «ведомством пропаганды Геббельса». Приводились примеры участия палестинских лидеров в работе «нюрнбергского фашистского конгресса». Немалую роль в сближении последних с нацистским руководством Германии, как писал «Коммунистический Интернационал», играл исповедуемый теми и другими «фашистский антисемитизм». В связи с этим ИККИ отмечал причастность к финансированию подрывной работы «фашистских агентов» в Палестине «германского "Института антисемитизмус"». Вместе с тем ИККИ счи-

⁷⁰ Давос Р. События в Палестине // Коммунистический интернационал. 1938. № 11. С. 62.

⁷¹ Германская газета о значении Хайфы // Известия. 1940. 12 октября.

⁷² Давос Р. События в Палестине // Коммунистический интернационал. 1938. № 11. С. 61.

⁷³ Ерухимович И. Итало-германские интриги в Палестине // Правда. 1936. 7 октября.

⁷⁴ Ерухимович И. Итало-германские интриги в Палестине // Правда. 1936. 7 октября.

⁷⁵ Ерухимович И. Итало-германские интриги в Палестине // Правда. 1936. 7 октября; Лисовский П. Фашистские агрессоры и страны ислама // Известия. 1938. 1 февраля; Итальянские происки на Ближнем Востоке // Правда. 1939. 20 мая.

тал «борьбу палестинских арабов за национальную независимость и свободу» справедливой и высказывал надежду, что «арабский народ... сумеет освободиться от ига империализма и провокаторских происков и угроз со стороны фашизма»⁷⁶

В конце 1930-х гг. в официальных советских изданиях отмечалось «значительное изменение обстановки в Палестине». Советское руководство беспокоило рост антиеврейских тенденций в арабском движении (он свидетельствовал об успехах нацистской пропаганды)⁷⁷. Декларация британского правительства о политике в Палестине (план Макдональда) 1939 г. была расценена в Москве как уступка арабам⁷⁸, продолжение «опасной политики умиротворения» на Ближнем Востоке⁷⁹. Публикации советской печати весны 1939 г. по палестинскому вопросу были направлены на дискредитацию этой политики. Отмечая изменение состава еврейской иммиграции, «которая состоит теперь не только из сионистских захватчиков, но также из жертв фашистского гнета, бежавших из гитлеровской Германии в Палестину»⁸⁰, советская пресса критиковала Великобританию за отказ впустить в Палестину еврейских беженцев из Германии и подчиненных ей стран. В советской печати публиковались материалы, в которых с явным сочувствием описывалось положение немецких евреев, изгнанных из Германии, но не получивших приюта в Палестине⁸¹. В сообщениях советских корреспондентов из Иерусалима рисовались яркие картины еврейского недовольства политикой Лондона: «...в Иерусалиме прошла еврейская демонстрация протеста против опубликования британской "Белой книги"... Во главе демонстрантов шли раввины, несшие в руках свитки библии,

⁷⁶ Давос Р. События в Палестине // Коммунистический интернационал. 1938. № 11. С. 61-63.

⁷⁷ Луцкий В. Палестина после первой мировой империалистической войны // БСЭ. Т. 43. М., 1939. Ст. 828.

⁷⁸ См.: Требования палестинских арабов // Известия. 1939. – 4 марта.

⁷⁹ Серьезные волнения в Палестине // Известия. 1939. – 20 мая.

⁸⁰ Серьезные волнения в Палестине // Известия. 1939. – 20 мая.

⁸¹ См. напр.: Трагедия беглецов из «Третьей империи» // Известия. 1939. – 11 июня и др.

спасенные из синагог во время прошлогодних [9–10 ноября 1938 г.] еврейских погромов в Германии ... Демонстранты несли плакаты... "Мы отвергаем господство арабов!", "Мы отказываемся повиноваться политике британского правительства!". Однако, сионистский вариант решения еврейского вопроса, несмотря на то, что положение европейского еврейства признавалось Москвой катастрофическим, по-прежнему считался «уловкой английского империализма». Выход из создавшейся в Палестине ситуации виделся советскому руководству исключительно на пути «сплочения арабских и еврейских трудящихся масс Палестины, создания единого фронта всех прогрессивных антифашистских (как арабских, так и еврейских) элементов страны»⁸².

«Полный драматизма и сложных переплетений период с конца августа 1939 и до июня 1941 г. сопровождался существенными изменениями в теоретических построениях и в идеологическом обосновании советской внешней политики»⁸³. Заключение Советским Союзом договора о ненападении с Германией 23 августа 1939 г. ознаменовало переход сталинского руководства с платформы системы коллективной безопасности и интернационального антифашизма на позиции великодержавности. основополагающим принципом проводимого в Кремле анализа международной ситуации и событий на театре военных действий стал с этого времени *Realpolitik*. Разумеется, этот сдвиг внешнеполитических целевых установок и аналитических призм не был одномоментным. Уже со времени провозглашения «социализма в одной стране» идея «мировой революции» интерпретировалась И.В. Сталиным, прежде всего, как лозунг «защиты [международным рабочим движением и Коминтерном] СССР от империалистической угрозы»⁸⁴. Какое место во внешней политике СССР, занимал Ближний Восток и «еврейский национальный очаг»

⁸² Серьезные волнения в Палестине // Известия. 1939. – 20 мая.

⁸³ Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М., 2008. С. 227.

⁸⁴ Драбкин Я.С. Идея мировой революции и ее трансформации // Социальные трансформации в Европе XX века. М., 1998. С.54–55.

в Палестине на момент подписания советско-германского договора о ненападении?

Главной задачей советской ближневосточной политики межвоенного периода было «разорвать цепь английских стратегических коммуникаций, значительно ослабить влияние Великобритании в Палестине, ... закрепить там свое влияние и получить возможность контролировать ситуацию в этой части ближневосточного региона»⁸⁵. В парадигме «мировой революции» (по существу, первой внешнеполитической доктрине «государства победившего пролетариата»), страны Ближнего Востока рассматривались одновременно как «основной тыл империализма» и резерв «мировой революции», который мог быть введен в бой под лозунгами борьбы за национальное освобождение. Однако агентам Коминтерна не удалось перевести национально-освободительное движение арабских народов на путь антиимпериалистической революции.

К концу 1930-х гг. ни на одном из направлений своей внешней политики – «коминтерновском», «наркоминдельском», «хозяйственном» – Москва не смогла добиться установления сколь бы то ни было значительного влияния (тем более контроля) на Ближнем Востоке. Вместе с тем регион Ближнего Востока имел «жизненное значение для безопасности и обороноспособности СССР, поскольку единственная в то время нефтяная база страны – промыслы Баку и Северного Кавказа – и важнейшая угольно-металлургическая база на Украине были наиболее уязвимы именно с юга»⁸⁶. Поэтому накануне подписания советско-германского договора о ненападении ситуация в «еврейском национальном очаге» и вокруг него оставалась в поле зрения Кремля.

⁸⁵ Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт. В 2-х т. Под ред. О.А.Колобова Т.1. Закономерности и особенности. Н.Н., 2008. С. 411.

⁸⁶ Лазарев М.С. Вторая мировая война и страны Ближнего и Среднего Востока. Политическое положение в Турции, Иране, Афганистане и арабских странах // Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке после Второй Мировой войны в 40-50-ых гг. XX века. М., 1974. С.3.

Весной 1939 г. еврейско-палестинское сообщество представлялось Москве разменной монетой, которой правительство Чемберлена рассчиталось с арабскими лидерами за их лояльность в ключевом для Британской империи регионе, а еврейское население Палестины – коллективным заложником британской «политики умиротворения» на Ближнем Востоке. Думается, что такая оценка была вполне адекватной. Она почти полностью совпадала с оценкой лидеров «еврейского национального очага». Вот что писала по этому поводу в своих воспоминаниях Голда Меир, в конце 1930-х гг. глава Политического отдела Гистадрута: «Правительство Чемберлена поддалось арабскому шантажу почти так же, как поддалось нацистскому. Если уж чехословацкую проблему можно было решить путем "умиротворения", то не ясно ли, что такая же политика должна проводиться и в Палестине, – о которой вообще никто особо не заботился»⁸⁷.

В то же время транслируемый советской печатью лозунг «сплочения арабских и еврейских трудящихся масс Палестины, создания единого фронта всех прогрессивных антифашистских (как арабских, так и еврейских) элементов страны»⁸⁸ являлся сугубо доктринерским и практически нереализуемым. Вряд ли весной – летом 1939 г. сталинское руководство верило в действенность антифашистского народного фронта как эффективного средства против германской экспансии. Ставка делалась на заключение англо-франко-советского пакта о взаимопомощи в духе Realpolitik. Провал трехсторонних переговоров в Москве заставил Сталина отказаться от борьбы за создание системы коллективной безопасности в пользу договора о ненападении с гитлеровской Германией.

В новой конфигурации сил на международной арене, произведенной пактом Молотова–Риббентропа, значение Ближнего Востока еще более возросло. Основная идея Сталина заключалась в том, что «предстоящая война будет иметь две фазы. Во время первой фазы в войну будут вовлечены капи-

⁸⁷ Меир Голда. Моя жизнь. Чимкент, 1997. С.193.

⁸⁸ Серьезные волнения в Палестине // Известия. 1939. 20 мая.

талистические державы, а Советский Союз останется нейтральным в этом конфликте. Ключевая задача для Сталина была, таким образом, растянуть эту фазу, насколько это возможно»⁸⁹. Однако, чем более затягивалась «странная война» Антанты (так в рассматриваемый период в СССР именовался англо-французский блок), тем более сталинское руководство укреплялось в подозрении, что Лондон ведет дело к замирению с Германией на антисоветской основе. Иначе говоря, ожидаемая «первая фаза» никак не начиналась, и, более того, возникали серьезные опасения, что Великобритания и Франция, «уступив» Германии Польшу, смогут убедить Гитлера продолжить «дранг нах остен». В этой ситуации Ближний Восток казался советскому правительству тем регионом, где противоречия между Великобританией и Францией, с одной стороны, и Германией и Италией, с другой, могли бы вылиться в открытый и затяжной военный конфликт⁹⁰.

Зимой – весной 1940 г. в советской печати появился целый ряд материалов, призванных привлечь внимание стран «Оси» к «англо-французским проискам на Ближнем Востоке», объяснить их опасность для Германии и обосновать стратегические выгоды германского наступления на данном направлении. «Ближний Восток занимает исключительно важное место в англо-французских планах расширения масштабов войны», – утверждали «Известия» 15 февраля 1940 г. Ссылаясь на сообщения иностранной печати, га-

⁸⁹ Condoleezza Rice. *The Making of Soviet Strategy // Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age*. Edited by Peter Paret With Gordon A. Craig and Felix Gilbert. Princeton, N.J., 1986. P.670.

⁹⁰ С надеждой взирали на Ближний Восток и в Париже. «Французы стремились начать военные действия на периферии, чтобы предотвратить войну на своем фронте. До войны союзники замыслили военную кампанию против своего соперника – Италии. Французская армия Леванта, примерно 80 тыс. человек, под командованием Вейгана была дислоцирована в Сирии, британские силы меньшей численности под командованием Уэйвелла – в Египте, мощные подразделения британского флота – в Александрии. К несчастью, Муссолини сохранял нейтралитет или по крайней мере "не находился в состоянии войны", и это лишало союзников удобной мишени. Но французы требовали что-нибудь предпринять. Надо было создать еще один фронт, в крупную коалицию против Германии включить Турцию, Грецию, Румынию и Югославию... Англичан эти невероятные планы не интересовали, они стремились умиротворить Муссолини и защитить Суэцкий канал». Тейлор А. *Вторая мировая война // Вторая мировая война: два взгляда*. М., 1995. С. С. 405.

зета сообщала об «усиленных стратегических приготовлениях» Антанты на Ближнем Востоке, выразившихся,

во-первых, в ускоренном возведении военной инфраструктуры (например, «строится автомобильная дорога из Багдада в Хайфу»);

во-вторых, в пропагандистской обработке арабских народов, «которые должны быть вовлечены в войну в качестве пушечного мяса», и

в-третьих, но не по важности, «дипломатических происках, направленных к созданию блока ближневосточных государств»⁹¹.

«Смысл всех этих ближневосточных махинаций англо-французского империализма совершенно ясен, – делали вывод «Известия». – Ближневосточные происки Англии и Франции направлены в первую очередь против Германии. Ближний Восток должен стать оперативной базой для наступления через Балканы на Германию ... Через Ближний Восток и Балканы должен быть чужими руками нанесен удар по более уязвимым местам Германии». Кроме того, «втягивание балканских и ближневосточных стран в войну должно отрезать Германию от важных для нее источников сырья и сделать английскую блокаду [недействительной в нынешнем ее виде] эффективной»⁹².

В свою очередь совершенно ясной была интенция и соответствующих материалов советской печати. Удар Германии, возможно совместно с Италией, по Ближнему Востоку мог бы подорвать колониальное могущество Великобритании и обеспечить Германии победу (в действительности – исключить возможность англо-германского замирения, оттянуть германские силы из Европы, связать их изнурительными боевыми действиями в левантских песках). «Здесь [на Ближнем Востоке] находится один из важнейших и наиболее уязвимых стратегических узлов Британской империи», – отмечали в этой связи «Известия». Прежде всего, «здесь [на Ближнем Востоке] проходит главная артерия британских морских коммуникаций – через Суэц и Аден – в

⁹¹ Осипов М. Англо-французские происки на Ближнем Востоке // Известия. 1940. 15 февраля.

⁹² Осипов М. Англо-французские происки на Ближнем Востоке // Известия. 1940. 15 февраля.

Индию, Австралию и на Дальний Восток». Во-вторых, здесь же находится «важнейший узел воздушных коммуникаций ..., соединяющих Лондон через Хайфу – Багдад – с Индией и Австралией». Наконец, «Ближний Восток – важнейший экономический центр Британской империи», главным достоянием которого является «моссульская нефть, перекачиваемая по нефтепроводу в Хайфу и Триполи» и «нефтеочистительные предприятия в Палестине». «Для снабжения английского флота и авиации эта нефть играет исключительную роль»⁹³.

Удар стран «Оси» по англо-французскому империализму на Ближнем Востоке, замечала советская печать, несомненно, получил бы поддержку со стороны арабов, «уже знающих по опыту как легко англо-французский империализм кромсает при случае арабские территории. Зная об этом, можно не сомневаться в том, что [никакие уступки и пропагандистские мероприятия англичан] не заставят арабов забыть о своем положении и о той грозной опасности, которую представляют собой для них ненасытный и вероломный англо-французский империализм»⁹⁴. «Почва на Ближнем Востоке горит под ногами англо-французских империалистов. В Палестине не прекращается борьба против английских оккупантов»⁹⁵.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в Кремле знали об англо-французских планах нанесения удара по советскому Закавказью с целью уничтожения расположенных там нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий. «В подмандатных Франции Сирии и Ливане сколачивалась так называемая "ближневосточная армия" под командованием генерала Вейгана, в задачу которой входила агрессия против советского Закавказья. Численность этой армии, по данным западной прессы, достигала 200–300 тысяч человек. По соседству с нею, на территории Палестины и Египта, располагались английские вооруженные силы численностью до 100 тысяч

⁹³ Осипов М. Англо-французские происки на Ближнем Востоке // Известия. 1940. 15 февраля.

⁹⁴ Васильев Н. Новые почитатели корана // Известия. 1940. 29 февраля.

⁹⁵ Осипов М. Англо-французские происки на Ближнем Востоке // Известия. 1940. 15 февраля.

человек, готовые поддержать французскую "ближневосточную армию" в ее военной аванюре. Первоочередным ее объектом были бакинские нефтяные промыслы – в те годы наша главная база жидкого топлива»⁹⁶. Таким образом, германское наступление на Ближнем Востоке могло бы ликвидировать угрозу англо-французского вторжения в южные пределы СССР.

Оставляя более чем прозрачные намеки партийно-советского руководства без комментариев, Берлин предоставлял тем самым хозяину Кремля возможность и впредь рассчитывать на перенесение англо-германской борьбы на Ближний Восток. Такая перспектива вновь открылась после разгрома Франции и вступления в войну Италии. 25 июня 1940 г. председатель СНК и глава советского внешнеполитического ведомства В.М. Молотов передал послу Италии в СССР А.Россо заявление о позиции советского правительства по вопросам международных отношений в Балкано-Дунайском регионе, в котором, в частности, замечалось: «Что касается Средиземного моря, то СССР считает вполне справедливым, чтобы Италия имела преимущественное положение в этом море. При этом СССР надеется, что Италия учтет интересы СССР как главной черноморской державы»⁹⁷. Таким образом, Москва не только указывала сферу своих интересов, но и ободряло Рим в его стремлении к созданию «большой римской империи».

В Кремле надеялись, что начатая в сентябре 1940 г. итальянцами кампания против Египта, с одной стороны, и ставшая очевидной к этому времени неспособность немцев добиться превосходства над англичанами на море и в воздухе (т.е. обеспечить высадку германской армии на Британские острова) – с другой, заставят Гитлера перенести основную тяжесть военных действий на Ближний Восток, где, совместно с итальянцами, он мог бы сокрушить Британскую империю и принудить Лондон к миру. Несмотря на проигрыш «битвы за Англию» и отказ от отправки германских войск в Египет, главной темой переговоров Гитлера и Риббентропа с Молотовым, во время визита по-

⁹⁶ Новиков Н.В. Воспоминания дипломата: (Записки о 1938–1947 годах). М., 1989. С.35.

⁹⁷ АВП РФ. Ф.06. Оп.2. Д.229. Л.12.

следнего в Берлин 12–13 ноября 1940 г., стал, по настоянию Гитлера, вопрос о разделе «британского наследства». «Столкновение с Англией будет доведено до своего решающего конца, ... поражение Британских островов приведет к распаду империи, – заявил Гитлер Молотову. – При таких обстоятельствах откроются перспективы мирового масштаба ... Все государства, могущие быть заинтересованными в этой банкротной массе, должны приостановить все конфликты между собой и заняться только разделом Британской мировой империи. Это относится к Германии, Франции, Италии, России и Японии»⁹⁸. Ответ на интересующий Сталина вопрос о предполагаемых Берлином конкретных границах «сферы интересов СССР в ... ближней и средней Азии»⁹⁹, дал Риббентроп. «СССР может извлечь выгоды при перераспределении территорий Британской империи путем экспансии в направлении Персидского залива и Аравийского моря», – заявил министр иностранных дел Германии¹⁰⁰.

В какой мере заявления гитлеровского руководства о борьбе с Англией до «решающего конца» и разделе Британской империи были блефом, призванным породить в Кремле иллюзию возможности «приостановить все конфликты» между Германией и СССР, и в какой мере они соответствовали действительным планам Берлина?

Вплоть до начала 1941 г. Гитлер расценивал перспективы военных действий в Восточном Средиземноморье скептически. «Германия, естественно, хотела бы избежать любого конфликта, который отвлек бы ее от борьбы против сердца этой [Британской] империи – Британских островов», – сказал он Молотову 13 ноября 1940 г.¹⁰¹ На следующий день на переговорах с главой генштаба итальянской армии П. Бадольо начальник Верховного главноко-

⁹⁸ Переговоры Гитлера и Молотова в Берлине 13 ноября 1940 г. (Запись личного переводчика Риббентропа посланника Пауля Шмидта) // Вторая мировая война: два взгляда. М., 1995. С. 123–124.

⁹⁹ АВП РФ. Ф.36. Оп.1. Д.1161. Л.147.

¹⁰⁰ АВП РФ. Ф.3. Оп.64. Д.675. Л.21–30.

¹⁰¹ Переговоры Гитлера и Молотова в Берлине 13 ноября 1940 г. (Запись личного переводчика Риббентропа посланника Пауля Шмидта) // Вторая мировая война: два взгляда. М., 1995. С. 123.

мандования вермахта В. Кейтель заявил, что итальянцы не должны рассчитывать на прибытие в Египет германских войск¹⁰². Отказ в помощи ближайшему союзнику объяснялся германским руководством занятостью всех вооруженных сил рейха в подготовке к захвату Британских островов. В действительности, как известно, части германской армии уже стягивались в это время к западным границам СССР.

Однако, в начале 1941 г. идея нанесения решительного удара по Англии на Ближнем Востоке получила широкое распространение в Берлине. Этому способствовали следующие факторы:

во-первых, когда в январе 1941 г. войска Британского содружества разгромили итальянскую армию в Египте и начали наступление на Триполи, давление Муссолини на Гитлера с просьбой о посылке в Ливию германских частей достигло наивысшей точки;

во-вторых, на перенесении центра тяжести войны в Средиземное море и на Ближний Восток зимой 1940–весной 1941 гг. настаивало командование германских военно-морских и сухопутных сил. Штаб верховного командования вермахта разработал несколько вариантов операции по завоеванию Ближнего Востока. Окончательный план, представленный Гитлеру 4 ноября 1940 г., выглядел следующим образом. Ударная танковая группировка молниеносным броском через Болгарию и Стамбул проходит в Анатолию и оттуда захватывает Сирию и Палестину. План был задуман как фланговый удар с северо-запада для соединения с итало-немецкими частями в Африке¹⁰³. Серьезная угроза британским позициям на Ближнем Востоке позволила бы, по мнению германского МИД, добиться быстрого окончания войны с Англией дипломатическим путем¹⁰⁴.

В-третьих, вероятно, этот фактор был решающим, германскому командованию стало известно о подготовке английским правительством при воз-

¹⁰² DiNardo R. L. Germany and the Axis powers from coalition to collapse. Lawrence, 2005. P. 52.

¹⁰³ Френкель М.Ю. Африка и Ближний Восток в стратегии Германии в 1940-1942 гг. // Восток. 1995. № 1. С. 149.

¹⁰⁴ Риббентроп И. Мемуары нацистского дипломата. Смоленск, 1998. С. 239.

растающей поддержке США «Греческой экспедиции» силами дислоцированных в Египте и Палестине войск Британского содружества с целью оказания Афинам помощи в отражении развязанной Муссолини в октябре 1940 г. агрессии против Греции. В случае благоприятного для англичан исхода «Греческой экспедиции» они могли бы превратить Грецию в плацдарм для развертывания наступательной армии¹⁰⁵.

В итоге в начале февраля 1941 г. Гитлер принял решение об отправке в Ливию германских войск, получивших наименование «Германский Африканский корпус». В конце марта в Северной Африке началось германо-итальянское контрнаступление. В Москве считали вполне вероятным дальнейшее наращивание немецких сил на Ближнем Востоке и его превращение в главный театр военных действий¹⁰⁶ (к аналогичным выводам приходил в это время и английский кабинет¹⁰⁷).

Государственный переворот в Багдаде 1 апреля 1941 г., в результате которого к власти в стране пришло прогерманское правительство «национальной обороны» Айл-Гайлани, и озвученное в этой связи обращение Берлина к «арабскому национальному движению» с призывом поддержать «освободительную миссию» держав «Оси» на Ближнем и Среднем Востоке, казалось, подтверждало ожидания Москвы. В якобы имеющемся у германского командования намерении направить свои войска через территорию Турции в сторону Ирака, Сирии, Палестины и Египта уверял полномочного представителя СССР в королевстве Иран М.Е. Филимонова посланник Японии в Иране

¹⁰⁵ Беседа полномочного представителя СССР в Турецкой республике С.А. Виноградова с послом Германии в Турции Ф.Папеном 27 февраля 1941 г. // ДВП СССР. Т.23. Кн. 2. М., 1998. С. 426.

¹⁰⁶ Мерещков К.А. На службе народу. М., 1968. С.207; Филиппов И.Ф. Записки о «Третьем рейхе». М., 1970. С.153; Бурцев М.И. Борьба за прозрение // Новая и новейшая история. 1979. № 4. С.72; Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М., 1987. С.37–38; Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. С.13; Кузнецов Н.Г. Накануне: Курсом к победе. М., 1991. С.288; Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М., 2002. Т.1. С.250.

¹⁰⁷ Черчилль У. Вторая мировая война: В 6 т. Т.3. М., 1998. С.165.

Ишикава 21 апреля 1941 г., о чем советский дипломат незамедлительно проинформировал Молотова¹⁰⁸.

По агентурным каналам советское посольство в Берлине получало информацию о том, что для Германии «главный вопрос в данный момент – это вопрос арабских народов и установления нового порядка в арабском мире»¹⁰⁹. Особое место в нацистской пропаганде среди арабов уделялось Палестине – переднему рубежу борьбы арабов с их общим с Германией врагом – «мировым еврейством». Среди арабских националистов широко распространялась переведенная на восточные языки книга Гитлера «Моя борьба», причем из нее были исключены места, оскорбительные для арабов, которых Гитлер третировал наряду с евреями как «низшую ступень белой расы»¹¹⁰.

В начале мая 1941 г. советские разведчики сообщали в Москву: «По сведениям, полученным источником от высших чинов германской армии, на днях в Верховном командовании вооруженных сил Германии состоялось совещание, на котором обсуждался вопрос о положении с ... бензином ... Положение с бензином настолько осложнилось, что немцы намерены во что бы то ни стало форсировать наступление на Ирак для оккупации нефтяных источников. Для этой цели в настоящее время идет усиленная переброска германских войск в Ливию через Италию и концентрация войск на Балканах»¹¹¹. Информация подобного рода укрепляла надежды сталинского руководства на переориентацию германской агрессии с северо-востока на юго-восток.

Кремль всячески поддерживал германские aspirations на ближневосточном направлении. «Согласно косвенным свидетельствам, сохранившимся в германских архивах, – отмечает в этой связи О.В. Вишлёв, – в апреле –

¹⁰⁸ Беседа полномочного представителя СССР в королевстве Иран М.Е. Филимонова с посланником Японии в Иране Ишикавой 21 апреля 1941 г. // ДВП СССР. Т.23. Кн. 2. М., 1998. С. 602, 604.

¹⁰⁹ Цит. по: Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 39.

¹¹⁰ Лазарев М. Вторая мировая война и страны Ближнего и Среднего Востока. Политическое положение в Турции, Иране, Афганистане и Арабских странах // Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке после Второй мировой войны. М., 1974. С. 7.

¹¹¹ Сообщение берлинской резидентуры // Агрессия. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации 1939–1941. М., 2011. С. 369–370.

начале мая 1941 г. в Анкаре прошли советско-германские консультации по Ближнему Востоку, которые от имени своих правительств вели полпред СССР в Турции (с начала мая 1941 г. Чрезвычайный и полномочный Посол) С.А. Виноградов и германский посол в Турции Ф. фон Папен. В ходе этих консультаций советская сторона подчеркнула свою готовность учитывать германские интересы в ближневосточном регионе». О.В. Вишлёв также обращает внимание и на заявление ТАСС от 9 мая 1941 г., опровергающее сообщения зарубежных информагентств об усилении ВМФ СССР в Черном и Каспийском морях и о намерении Москвы потребовать от Тегерана предоставления Советскому Союзу аэродромов в Иране, которым, по мнению историка, «советское правительство подчеркивало, что советско-германская граница надежно прикрыта [все сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы остаются на своих местах], и как бы указывало Берлину направление, на котором мог развиваться его "динамизм" без противодействия со стороны СССР»¹¹².

Интерес советского военного командования к планам германского наступления на Ближнем Востоке подчеркивался знаковыми публикациями. В начале 1941 г. Военным издательством Наркомата обороны СССР была выпущена книга «представителя германских военных кругов» Ганса Эриха фон Чирнера «Арабский плацдарм и война в Европе». Чирнер – «пруссский Лоуренс Аравийский», во время первой мировой войны он возглавлял батальон турецкой армии, охранявший порт Акаба от британского флота – был одним из идеологов германского ориентализма. Особое значение в борьбе за Средиземноморье Чирнер придавал Мосуло-хайфинскому нефтепроводу, захват или разрушение которого сделало бы английский флот недееспособным¹¹³. Тогда же были опубликованы две работы Алексея Ивановича Готовцева – в годы Первой мировой войны полковника Генерального штаба, начальника разведки Кавказского фронта, позже – начальника восточного сек-

¹¹² Вишлёв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 40.

¹¹³ Чирнер Г. Арабский плацдарм и война в Европе. М., 1941. С. 32.

тора Разведывательного управления Генерального штаба РККА – «Операции в Палестине и Сирии в 1915–1918 гг.» и «Важнейшие операции на ближневосточном театре в 1914–1918 гг.». Следует заметить, что в 1937 г. А.И. Готовцев был репрессирован, однако летом 1940 г. он был реабилитирован и представлен к званию генерал-майора – командованию РККА понадобились специалисты по Ближнему Востоку. Главный вывод военного разведчика и историка заключался в том, что поражение Четверного союза на палестинском фронте стало следствием отказа германского командования от переброски на помощь турецкой армии крупных германских соединений¹¹⁴.

Надежды сталинского руководства на то, что Гитлер откажется от «дранг нах остен» в пользу «дранг нах ориент» и увянет в войне против Англии, не оправдались. Для Гитлера, в отличие от ориенталистов в германском МИД и Верховном главнокомандовании вермахта, первоочередной задачей было сокрушение СССР. Директива № 21 план «Барбаросса» была подписана им еще 18 декабря 1940 г. С началом стягивания германских войск к советской границе, начавшегося в феврале 1941 г., влияние сторонников переноса войны на Ближний Восток в германских верхах (которое никогда не было значительным) стало падать. Весной–летом 1941 г. тезис о приоритетном для германских интересов ближневосточном направлении являлся важной частью операции нацистских спецслужб по дезинформации Кремля. В частности, из Берлина стали расползаться слухи о том, что в ближайшее время Гитлер потребует от Сталина согласия на проход вермахта через южные районы СССР в Ирак. Таким образом объяснялась сверхконцентрация германских войск на границах СССР и создавалась иллюзия возможности урегулирования германо-советских противоречий в духе ноябрьских предложений Гитлера о совместном разделе Британской империи.

К концу мая стало очевидно, что Германия не двинет все свои силы на Ближний Восток. Во-первых, в результате разгрома Югославии и Греции, а

¹¹⁴ Готовцев А. Операции в Палестине и Сирии 1915–1918 гг. // Военно-исторический журнал. 1940. № 9. Он же. Важнейшие операции на ближневосточном театре в 1914 – 1918 гг. М., 1941.

также захвата Крита, Германия установила контроль над Восточным Средиземноморьем, что полностью исключило угрозу британского вторжения в Европу через Балканы. Во-вторых, к этому же времени наступление германо-итальянских войск в Северной Африке было остановлено благодаря упорному сопротивлению британских войск. Наконец, стратегическое наступление на Ближнем Востоке (даже если бы Гитлер выбрал этот вариант) было невозможно без согласия Турции на транзит через ее территорию германских войск (главный удар по Сирии и Палестине предлагалось нанести через Анатолию), однако после того как в начале мая Стамбул решительно отверг требования Берлина пропустить через турецкую территорию партию военного снаряжения для иракских путчистов, стало понятно, что Турция не будет участвовать в германской экспансии на Ближнем Востоке. В свою очередь и Сталин вряд ли согласился бы пропустить германские войска в Ирак через территорию СССР. Такой шаг неизбежно повлек бы вступление Советского Союза в войну против Великобритании, что в корне противоречило сталинской политике «пребывания над схваткой». В любом случае, просьба о пропуске германских войск через территорию СССР так и не последовала. «По сведениям, имеющимся в германском штабе авиации ... Гитлер дал распоряжение о полном прекращении военных операций в Сирии и Ираке [в связи с подготовкой нападения на СССР]», – докладывала советская разведка Сталину 31 мая 1941 г.¹¹⁵

Итак, внимание партийно-советского руководства к положению на Ближнем Востоке на первом этапе Второй мировой войны определялось, прежде всего, задачами стратегического планирования советской внешней политики и обороны страны. В отличие от 1920–1930-х гг., когда при анализе ситуации в Палестине и вокруг нее большое внимание уделялось изучению «классовой борьбы», теперь, в духе *Realpolitik*, Палестина рассматривалась Москвой исключительно как важнейший оплот Англии на Ближнем Востоке,

¹¹⁵ Спецсообщение НКГБ СССР. 31 мая 1941 // Агрессия. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации 1939–1941. М., 2011. С. 415.

один из центров военно-морских и военно-воздушных коммуникаций Британской империи, ее крупнейший нефтяной терминал и, соответственно, одна из целей возможного германского наступления. Зимой–весной 1941 г. у советского руководства имелись основания предполагать, что летом 1941 г. германское командование начнет стратегическое наступление на Ближнем Востоке.

Отличительной чертой Палестины являлась крайняя неустойчивость ее внутренней ситуации – конфликт между еврейскими колонистами и палестинскими арабами взрывал страну изнутри. Новая английская политика уступок арабам (Белая книга Макдональда 17 мая 1939 г.) позволила вывести конфликт из острой стадии – нападения арабских инсургентов на английские объекты и столкновения между еврейскими и арабскими военизированными формированиями к лету 1939 г. в целом прекратились – но не разрешила его. В Палестине сохранялась внутренняя напряженность¹¹⁶. В этой ситуации Лондон был вынужден пойти на очередные уступки арабскому национальному движению. Осенью 1940 г. в Багдаде в резиденции иракского премьер-министра Нури-паши английские представители заключили с лидерами палестинских арабов Мусой аль-Алями и Джамалем Хусейни соглашение, которое предусматривало «немедленное создание в Палестине местного правительства под главенством верховного комиссара на время войны и с условием, что по истечении 6 месяцев после окончания войны палестинский законодательный совет изберет главу правительства, что еврейская иммиграция будет прекращена и Палестина получит самоуправление»¹¹⁷. Однако наиболее радикальные арабские лидеры, такие как глава Верховного арабского комитета (ВАК), центрального органа арабского восстания 1936–1939 гг., и активный участник переворота в Багдаде 1 апреля 1941 г. Амин эль-Хусейни,

¹¹⁶ Черчилль У. Вторая мировая война: В 6 т. Т.3. М., 1998. С.138.

¹¹⁷ Запись беседы второго секретаря миссии СССР в Египте А.Ф. Султанова с делегатом от палестинских арабов на конференции по созыву Панарабского конгресса Мусой аль-Алями. 11 октября 1944 г. // Советско-израильские отношения... С. 104. Это соглашение не было выполнено английской стороной. Подробнее об обстоятельствах его заключения см.: Cohen M. Palestine and Arab Federation 1938-1945. N.Y., 1987. P. 253.

исключали возможность какого-либо компромисса с Лондоном, они делали ставку на победу стран «Оси». В свою очередь лидеры «еврейского национального очага» предприняли в начале 1941 г. ряд действий, направленных на установление связей с советским руководством.

В налаживании отношений с Москвой сионистские лидеры видели единственную для них возможность выхода из, пожалуй, самого серьезного в истории «еврейского национального очага» кризиса. В фундаментальном исследовании известного английского историка М. Гилберта «Изгнание и возвращение. Возникновение еврейской государственности» этот период истории «еврейского национального очага» охарактеризован как «путь в бездну»¹¹⁸. Действительно, Белая книга Макдональда 17 мая 1939 г. перечеркивала сионистские планы превращения «еврейского национального очага» в суверенное еврейское государство. Дальнейшее развитие «еврейского национального очага» (расширение его территории и прибытие новых иммигрантов) ставилось в зависимость не от «экономической емкости страны», как это было прежде, а от согласия арабского населения Палестины. В ближайшие 5 лет еврейская иммиграция не должна была превысить 75 000 человек, в следующие 5 лет, начиная с 1 марта 1944 г., она допускалась только в случае отсутствия возражений со стороны арабов¹¹⁹. Белая книга Макдональда подвела черту под англо-сионистским сотрудничеством, начавшемся двадцать два года назад провозглашением декларации Бальфура.

ЕА заявило, что Белая книга Макдональда «лишает еврейский народ права восстановления своего национального очага в стране его предков, ... превращает власть Палестины во власть нынешнего арабского большинства, ... устанавливает территориальное гетто для евреев в их собственном национальном очаге»¹²⁰. С мая 1939 г. сионистские лидеры фактически отказались

¹¹⁸ Martin Gilbert. Exile and Return. The Emergence of Jewish Statehood. L., 1978.

¹¹⁹ Palestine Statement of Policy Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. May 1939. L., 1939. P. 8–9.

¹²⁰ АВП РФ. Ф.0512. Оп.1. Д.37. Л.20.

от признания законности британского мандата на Палестину¹²¹. Председатель правления ЕА Д. Бен-Гурион призвал «еврейский национальный очаг» к гражданскому неповиновению. Летом 1939 г. по стране прокатилась волна антибританских демонстраций, а также диверсий и террористических актов против английских войск и полиции, организованных представителями еврейской общины Палестины. Усилия сионистов сосредоточились на организации нелегальной иммиграции евреев в Палестину – хаапалы (ивр. – дерзание). Основной поток нелегальных иммигрантов шел из Германии и стран Восточной Европы, прежде всего Польши, Венгрии и Румынии, где проживала 1/4 часть мирового еврейства. Главной задачей лидеров «еврейского национального очага» при этом был прорыв через британский заслон, выставленный вдоль всего побережья и сухопутных границ Палестины. Собственно поиск евреев, желающих переселиться в Палестину, не являлся накануне Второй мировой войны проблемой. Этому способствовало несколько факторов.

Во-первых, 24 января 1939 г. в Берлине в рамках Министерства внутренних дел была создана Центральная имперская служба по делам еврейской эмиграции, целью деятельности которой было «любыми средствами ускорить эмиграцию евреев из Великой Германии». На конец 1938 г. в Германии насчитывалось около 600 000 евреев. В задачи нового ведомства входила «подготовка массовой эмиграции евреев, в частности, создание еврейской организации, содействующей выработке единых требований к эмигрантам», а также «выбор стран, подходящих для эмиграции, в рамках сотрудничества со службой эмиграции Рейха»¹²². Роль указанной «еврейской организации» по соглашению с германским Министерством внутренних дел взяло на себя ЕА¹²³. Следует отметить, что с марта 1938 г. политика принудительной эмиграции

¹²¹ См.: Меир Голда. Моя жизнь. Чимкент, 1997. С. 193.

¹²² Friedländer Saul, Pfeiffer Das Martin. Dritte Reich und die Juden: Die Jahre der Vernichtung, 1939-1945. München, 2006. P. 108–109.

¹²³ Nicosia R. Francis. The third Reich and the Palestine question. New Brunswick, New Jersey, 2000. P. 56–58.

евреев стала проводиться также правительством Польши, где тогда проживало более 2 млн. евреев¹²⁴.

Во-вторых, развитию нелегальной эмиграции евреев в Палестину способствовала позиция Великобритании, Франции, США, Австралии, Новой Зеландии и стран Латинской Америки, которые на Межправительственной конференции в Эвиан-ле-Бен (Франция) в июле 1938 г. фактически отказались принять еврейских беженцев из Германии и стран Восточной Европы. В Решении Эвианской конференции говорилось: «Вынужденная эмиграция большого количества людей разных вероисповеданий, разного экономического состояния, разных профессий и занятий из страны или стран, в которых они проживали, создает помехи мировому хозяйству в целом, так как эти люди вынуждены просить убежища, временного или постоянного в других странах, в то время, когда в них существует значительная безработица; в результате возникают серьезные проблемы, не только экономические и социальные, но и касающиеся общественного порядка, что оказывает большую нагрузку на администрацию, государственные институты и способность абсорбции эмигрантов, принимающими их странами»¹²⁵. Таким образом, «выбор стран, подходящих для эмиграции» германских и восточноевропейских евреев ограничивался фактически одной Палестиной.

Наконец, нацистские спецслужбы, заинтересованные в скорейшем изгнании евреев из Германии, оказывали ЕА материально-техническую помощь в организации эмиграции немецких евреев в Палестину. Так, во второй половине 1930-х гг. в ряде германских земель (например, в Баварии и Бранденбурге) под контролем гестапо действовали курсы переквалификации, создаваемые сионистскими организациями с целью подготовки эмигрантов к жизни в Палестине¹²⁶. В меморандуме ЕА для Межправительственной конференции в Эвиан-ле-Бен результаты сотрудничества Сионистской организа-

¹²⁴ Michlic B. Joanna. Poland's threatening other: the image of the Jew from 1880 to the present. Lincoln, 2006. P.122–130.

¹²⁵ Proceedings of the Intergovernmental Committee. Evian, 6-15 July 1938. Record of the Plenary Meeting of the Committee Resolutions and Reports. L., 1938. P. 4.

¹²⁶ Михман Д. Катастрофа европейского еврейства. Тель-Авив, 1995. Ч. 2. С. 209.

ции (СО) с нацистской Германией получили следующую оценку: «Из 135 000 евреев, выехавших из Германии, 48 000 эмигрировали в Страну Израиля... Среди эмигрантов, прибывших в Страну Израиля из Германии, 70% были моложе сорока лет и 30% моложе двадцати лет. 40% эмигрантов из Германии были состоятельными людьми... Профессионализм и организационные способности эмигрантов из Германии играют большую роль в развитии Страны. Около 14 000 из них устроились в сельском хозяйстве. Врачи и адвокаты из Германии, работающие в качестве рабочих в промышленности и сельском хозяйстве, водителей автобусов и грузовиков, встречаются повсюду. Большое количество ученых и людей свободных профессий из Германии продолжают работать по своим специальностям в различных учреждениях страны... Особое место занимает эмиграция молодежи из Германии, состоящая из юношей и девушек 14–17 лет («Алйят ха-Ноар»). Они прибывают в страну без родителей и проходят сельскохозяйственную и ремесленную подготовку в различных еврейских учреждениях. Из 2 200 молодых людей, прибывших в страну до 1 апреля 1938 г., 900 уже закончили подготовку и три четверти из них устроились в сельском хозяйстве»¹²⁷.

Таким образом, альянс СО с Берлином способствовал продвижению сионистских планов по укреплению «еврейского национального очага» в Палестине. Однако эмигранты из Германии в основной своей массе были жителями больших городов, плохо подходили на роль сельскохозяйственных колонистов (как следует из меморандума ЕА, только 30% из них «устроились в сельском хозяйстве»). Профессиональная подготовка и общая численность немецких евреев не отвечали масштабам задач освоения Палестины. Для «завоевания земли» ЕА требовались восточноевропейские евреи, которые с началом Второй мировой войны оказались отрезанными от влияния сионистских лидеров.

В сентябре 1939–июне 1940 гг. еврейское население Западной Белоруссии и Западной Украины вместе с соответствующими территориями вошло в

¹²⁷ Цит. по: Михман Д. Катастрофа европейского еврейства. Тель-Авив, 1995. Ч. 2. С. 180.

состав расширившего свои границы СССР. Количество евреев, проживавших на территориях, присоединенных к СССР осенью 1939 г., составило примерно 1 292 млн. человек, а с учетом беженцев из Западной Польши, изгнанных в сентябре-октябре 1939 г. германскими оккупационными властями в «зону интересов СССР» – почти 1 450 млн. человек¹²⁸. В июне 1940 г. в результате присоединения к Советскому Союзу Литвы, Латвии и Эстонии, а также Бессарабии и Северной Буковины еврейское население СССР увеличилось еще на 575 000 человек¹²⁹. Уже первые попытки сионистов добиться выезда польских евреев из СССР в Палестину окончились провалом.

Во-первых, на основании Указа президиума Верховного Совета СССР от 29 ноября 1939 г. многие бывшие польские граждане приняли советское гражданство, эмиграция же советских граждан Москвой явно не приветствовалась. 12 декабря 1940 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) деятельность Общественного комитета беженцев, созданного представителями «Джойнта» для оказания помощи евреям, желающим выехать за границу, на территории бывших Прибалтийских государств была признана «нежелательной»¹³⁰.

Во-вторых, в Москве считали, что еврейское население новых советских республик и областей, пройдя «обновление через социалистическую перекровку», вольется в состав «советского еврейства». Именно этот путь – включение в семью советских народов, а не «бегство в оккупированную англичанами Палестину» представлялся советскому руководству «единственно верным путем развития польского еврейства, освобожденного Красной Армией от пут средневекового угнетения»¹³¹. Таким образом, восточноевропейское еврейство – более 2 млн. человек – было для СО потеряно.

Положение сионистов осложнялось еще и тем, что именно эта часть мирового еврейства (всего в 1939 г. по данным СО в мире проживало

¹²⁸ Altshuler M. Soviet Jewry on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. Jerusalem, 1998. P. 9.

¹²⁹ Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации. Иерусалим, 1991. С. 5.

¹³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 30. Л. 119.

¹³¹ Зингер Л. Дос уфгерцихте фолк. М., 1941. (на идиш) С. 13.

17 млн. евреев¹³²) была в межвоенный период наиболее восприимчива к сионистской идеологии и выделяла из своей среды массы переселенцев. Таким образом, были подорваны человеческие ресурсы сионистской колонизации Палестины. Кроме того, разгром Польши – центра сионистского движения в межвоенный период – привел к развалу организационных структур СО, обеспечивающих ее связь с еврейскими массами Восточной Европы. Оказавшиеся на территории СССР сионисты были арестованы¹³³.

Последним каналом прибытия в Палестину нелегальных иммигрантов из Европы до октября 1940 г. был секретный договор между ЕА и Главным управлением имперской безопасности (РСХА) Германии о сотрудничестве в деле организации эмиграции евреев из нацистской Германии и подчиненных ей территорий в Палестину¹³⁴. После начала Второй мировой войны, председатель ЕА Бен-Гурион заявил, что еврейский народ, прежде чем бороться за собственное государство, должен бороться за выживание, следовательно, евреи должны «бороться с Гитлером так, как если бы не было Белой книги, и бороться с Белой книгой так, как если бы не было Гитлера»¹³⁵. Этот тезис легитимировал, по крайней мере, в глазах сионистского руководства, его сотрудничество с нацистами. Однако 25 октября 1940 г. Указом начальника РСХА Р. Гейдриха «эмиграция евреев... из старого рейха, Остмарка, Генерал-губернаторства и Протектората Богемии и Моравии» была запрещена. Прежняя политика поощрения еврейской эмиграции была признана в этом документе несоответствующей стратегическим задачам Германии. «Продолжающееся выдворение восточноевропейских евреев, – говорилось в Указе Гейдриха от 25 октября 1940 г., – способствует постоянному восстановлению

¹³² Запись беседы полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского с президентом СО Х. Вейцманом. 3 февраля 1941г. // Советско-израильские отношения... С. 16.

¹³³ Бегин М. В белые ночи. Иерусалим, 1991. С. 59.

¹³⁴ О сотрудничестве СО с руководством нацистской Германии и фашистской Италии см.: Black E. The transfer agreement: The untold story of the secret agreement between the Third Reich and Jew Palestine. N. Y., 1984; Крылов А.В. Малоизвестные факты о связях сионистов с нацистами // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 1989. № 1. С. 21-28.

¹³⁵ Цит. по: Меир Г. Моя жизнь. Чимкент, 1997. С. 195.

значения мирового еврейства. Вследствие религиозно-ортодоксального мировоззрения евреев Восточной Европы, именно оно поставляет большую часть кадров... особенно необходимых еврейским организациям... Каждый еврей из Восточной Европы является ценным звеном в цепи их постоянных усилий, направленных на духовное сплочение евреев... они стараются создать с помощью евреев-иммигрантов новую базу, откуда предполагается возобновить войну, направленную в особенности против Германии»¹³⁶.

Итак, Белая книга Макдональда от 17 мая 1939 г. закрыла перед сионистами двери в Палестину; раздел Польши между СССР и Германией в соответствии с секретным протоколом пакта Молотова–Риббентропа в сентябре 1939 г. и присоединение к СССР Прибалтийских государств, а также Бессарабии и Северной Буковины в июне 1940 г. лишил сионистское движение массовой базы, многих активистов, попавших в нацистские и советские лагеря, привел к развалу его организационных структур; наконец, Указ Гейдриха от 25 октября 1940 г. замкнул кольцо изоляции вокруг «еврейского национального очага». Именно в этой ситуации руководство международного сионистского движения приступило к налаживанию контактов с советским правительством. По данным СО, к этому времени еврейское население СССР составило почти 5 млн. человек¹³⁷. В политических расчетах сионистов создание еврейского государства в Палестине связывалось теперь с прибытием туда, по крайней мере, части евреев из СССР – в первую очередь речь шла о евреях-жителях территорий, отошедших к Советскому Союзу после начала Второй мировой войны.

Первая попытка сионистского руководства установить контакт с Москвой была предпринята уже осенью 1940 г., когда ЕА учредило специальный комитет, перед которым была поставлена задача наладить связь с еврейством

¹³⁶ Указ начальника РСХА Р. Гейдриха от 25 октября 1940 г. // Михман Д. Катастрофа европейского еврейства. Тель-Авив, 1995. Ч. 3. С. 61.

¹³⁷ Письмо президента СО Х. Вейцмана послу СССР в Великобритании И.М. Майскому. 2 марта 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 40.

Польши, Прибалтийских государств и Бессарабии, оказавшемся в пределах новых границ СССР. Однако, несмотря на предпринятые усилия, комитету ЕА не удалось отправить в Москву свою специальную делегацию¹³⁸. В феврале 1941 г. возможность установления контактов с советским правительством зондировал находящийся в Лондоне президент СО Х.Вейцман. Полпредство СССР (с мая 1941 г. – посольство) в Англии представляло для сионистского руководства наиболее удобный канал налаживания связей с советским правительством. В Лондоне находился важнейший филиал (отделение) ЕА, занимавшийся под руководством Х.Вейцмана решением внешнеполитических задач. Сотрудники Лондонского отделения ЕА имели связи в британских политических кругах, которые использовались в частности и при общении с советским полпредством. Так, в феврале 1939 г. известный английский дипломат, государственный и политический деятель Виктор Александр Джордж Роберт Литтон ходатайствовал перед советским полпредом И.М. Майским о выезде из СССР в Палестину родственников одного из пионеров израильской химической промышленности М.А. Новомейского. В Центральном сионистском архиве сохранился ответ советского полпреда, довольно прозрачно намекающий на бесперспективность подобных ходатайств¹³⁹. В то же время Москва не препятствовала выезду находившихся в Прибалтике палестинских евреев в Палестину. Однако переговоры по этому вопросу велись не с сионистами, а с британским правительством¹⁴⁰.

3 февраля 1941 г. Майский сообщил в Москву: «На днях у меня был неожиданный гость: известный лидер сионизма доктор Вейцман»¹⁴¹. Пovo-

¹³⁸ Gabriel Gorodetsky. The Soviet Union's role in the creation of the State of Israel // The Journal of Israeli history. Vol. 22. № 1. P.5.

¹³⁹ Хазан В.И. Пинхас Рутенберг: от террориста к сионисту (опыт идентификации человека, который делал историю). Т.2: В Палестине (1919-1942). М.: Мосты культуры, 2009. С. 690.

¹⁴⁰ Беседа полномочного представителя СССР в Великобритании И.М.Майского с парламентским заместителем министра иностранных дел Великобритании Р.О. Батлером 25 февраля 1941 г. // ДВП СССР. Т.23. Кн. 2. М., 1998. С. 399.

¹⁴¹ Запись беседы полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского с президентом СО Х. Вейцманом. 3 февраля 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 15.

дом для посещения Вейцманом Представительства СССР послужило предложение ЕА о закупке у него советским правительством крупной партии апельсинов. Эта сделка так и не была заключена, впрочем, и цель визита «доктора Вейцмана», как следует из его отчета правлению ЕА, состояла в другом – речь шла о выяснении возможностей установления контактов, которые «в будущем оказались бы весьма ценными»¹⁴². Оба участника беседы определили ее в своих отчетах как «очень интересную». Однако систематические переговоры между лидерами «еврейского национального очага» и Москвы смогли открыться только после начала Великой Отечественной войны¹⁴³.

2.2. Дипломатические контакты лидеров Сионистской организации и еврейско-палестинского сообщества с представителями советского правительства

Нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. вызвало далеко идущие изменения в мировой политике вообще и во внешней политике советского государства в частности. По словам члена Правления ЕА Э. Ноймана, агрессия Германии против Советского Союза исключила его из числа «фактических союзников [гитлеровского режима] и привела Советскую Россию на сторону демократии». Именно это обстоятельство, по мнению Ноймана, «открыло возможности для установления рабочих отношений между

¹⁴² Запись беседы полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского с президентом СО Х. Вейцманом. 3 февраля 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 13.

¹⁴³ Что касается предполагаемого еврейского происхождения Майского, о чем в данном случае трудно не упомянуть, то оно, вопреки расхожему в популярной литературе мнению, не сыграло в его общении с Вейцманом и другими видными сионистскими деятелями никакой роли. «Он бывший меньшевик и, как всякий бывший меньшевик, страшно хлопочет перебольшевичить большевиков», – писал о советском дипломате К.И. Чуковский. Чуковский К.И. Дневник, 1901-1929. М.: Советский писатель, 1991. С.302. На наш взгляд, ни один из доступных текстов Майского, относящийся к его контактам с Вейцманом, не содержит ни малейшего повода к тому, чтобы представить советского полпреда в качестве сионистского лоббиста.

представителями еврейских организаций и советским правительством»¹⁴⁴. Действительно, кардинальное изменение международного положения СССР заставило сталинское руководство встать на путь решительного расширения своих внешнеполитических контактов с целью мобилизации на помощь Советскому Союзу всех сил, противостоящих фашистскому блоку, в том числе и «еврейских организаций», о которых говорил Нойман.

После начала Великой Отечественной войны между Москвой и лидерами СО и «еврейского национального очага» в Палестине открылись систематические переговоры. Инициатива практически всегда исходила от сионистов, в качестве основного переговорщика с их стороны выступало «министерство иностранных дел» «еврейского государства в пути» – Политический департамент ЕА. Первые встречи сионистских деятелей с советскими дипломатами происходили, как правило, с участием представителей крупных еврейских общественных несионистских организаций, а иногда и еврейских религиозных деятелей, что обеспечивало своего рода «прикрытие» переговоров советских дипломатов с лидерами СО. Так, 17 июля 1941 г. посол СССР в США Уманский принял визит заведующего отделом международных отношений Всемирного еврейского конгресса (ВЕК)¹⁴⁵ М. Перлцвейга и члена правления ЕА Э. Ноймана. Особое место этой встречи в ряду других заключается в том, что именно на ней стороны определили принципы ведения переговоров между СО и советскими представителями.

Во-первых, была определена общая позиция сторон – борьба против фашизма¹⁴⁶.

¹⁴⁴ Запись беседы члена правления ЕА Э. Ноймана и заведующего Отделом международных отношений ВЕК М. Перлцвейга с послом СССР в США К.А. Уманским. 17 июля 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 18.

¹⁴⁵ ВЕК был учрежден в 1936 г. в Женеве под руководством С. Вайза и Н. Гольдмана в целях «обеспечения и укрепления единства еврейского народа». Он объединил крупнейшие еврейские организации как сионистские, так и несионистские более чем 60 стран мира. Подробнее см.: Волков А., Тарасов П. Государство Израиль и Всемирный еврейский конгресс. М., 1991.

¹⁴⁶ Запись беседы члена правления ЕА Э. Ноймана и заведующего Отделом международных отношений ВЕК М. Перлцвейга с послом СССР в США К.А. Уманским. 17 июля 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 18.

Во-вторых, по предложению Уманского, участники переговоров отказались от обсуждения проблем, связанных с их прошлыми претензиями друг к другу. «Единственный путь продолжить наши отношения, – заявил Уманский, – это подвести черту под прошлым и думать о будущем. Если мы продолжим дискуссии о прошлом, то мы ни к чему не придем»¹⁴⁷. В частности, как следует из отчета Ноймана, Москва закрывала глаза на довоенные нападки «еврейской печати в США на советское правительство», а сионисты обещали «не поднимать вопрос о советской позиции относительно сионизма и сионистов»¹⁴⁸. Наконец, Уманский поддержал возможность провозглашения еврейского государства в Палестине, хотя и поставил ее в зависимость от решений «предстоящей мирной конференции», таким образом, посол СССР фактически признал правомочность целей и задач сионизма. При этом Уманский подчеркнул, что «Советская Россия будет присутствовать на ней [мирной конференции] и иметь право голоса»¹⁴⁹.

Важную роль в налаживании контактов руководства «еврейского национального очага» с советскими дипломатами сыграл глава Ближневосточного отдела Политического департамента ЕА Э.Эпштейн. В его отчете о встречах с послом СССР в Турции С.А. Виноградовым 6 и 10 декабря 1941 г. содержится интереснейший рассказ о том, как эти встречи были устроены. В ноябре 1941 г. Эпштейн прибыл в Анкару, где сразу же обратился в британское посольство с просьбой дать ему рекомендации к советскому послу. Британские дипломаты запросили инструкции в Форин Офис. Переписка с Лондоном заняла свыше двух недель. Только в начале декабря 1941 г. после получения положительного ответа из Лондона британское посольство в Анкаре направило советскому послу в Турции официальное письмо, в котором Э.Эпштейн рекомендовался как полномочный представитель ЕА – официально признанного правительством Его Величества «консультативного органа по всем вопросам, связанным с созданием еврейского национального оча-

¹⁴⁷ Там же. С. 18.

¹⁴⁸ Там же. С. 18-19.

¹⁴⁹ Там же. С. 19.

га в Палестине». В своем отчете Эпштейн отметил, что рекомендации были получены им благодаря поддержке Лондонского отделения ЕА¹⁵⁰.

В ожидании рекомендательного письма Эпштейн собирал материалы о главе советского посольства в Анкаре и его сотрудниках. «Мне стало известно, что до назначения на дипломатический пост он [С.А.Виноградов] являлся профессором истории Московского университета и лишь небольшой промежуток времени проработал в комиссариате иностранных дел. Анкара – его первое место работы вне пределов СССР. Виноградов русский по национальности, выходец из подмосковной рабочей семьи. Ему около 40 лет, в компартию вступил в очень молодом возрасте, непосредственно из комсомола ... он не владеет иностранными языками ... Беседы с иностранцами ведет только через переводчика», – сообщал Эпштейн. Представитель Политического департамента ЕА получил сведения также и о других сотрудниках советского посольства в Анкаре. Он дал высокую оценку Жегловой – переводчицы Виноградова и заведующей секретариатом посольства, «женщине с широким образованием, свободно владеющей французским, английским и немецким языками». Личного секретаря посла, выполнявшего также консульские функции, Г.Кузнецова Эпштейн характеризовал как «весьма ограниченного и замкнутого человека», связанного с ГПУ¹⁵¹.

Устроить встречу с советскими дипломатами, минуя официальные каналы, было практически невозможно. «Дело в том, что они живут в полной изоляции, на территории посольства – там они работают, там едят, там и спят, выходя в город лишь в исключительных случаях. Им строжайше запрещено принимать приглашения от местных жителей и иностранцев – исключение делается лишь для представителей турецких властей и для членов дипломатического корпуса, но и в этом случае посещать разрешается только

¹⁵⁰ Отчет сотрудника Политического департамента ЕА Э. Эпштейна о беседах с послом СССР в Турции С.А. Виноградовым. 25 января 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 28-29.

¹⁵¹ Отчет сотрудника Политического департамента ЕА Э. Эпштейна о беседах с послом СССР в Турции С.А. Виноградовым. 25 января 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 29-30.

официальные церемонии и приемы, проводимые в посольствах или в домах турецких государственных деятелей». Даже с союзными посольствами отношения советских дипломатов «носят главным образом официальный характер, поскольку, помимо различий в воспитании и дипломатических традициях, существует также языковой барьер»¹⁵².

В итоге, используя исключительно официальный путь, Эпштейн смог посетить советское посольство в Анкаре. Он беседовал с Кузнецовым, а затем и с Виноградовым в его рабочем кабинете – «огромной и роскошной комнате, совершенно не соответствовавшей ... скромному виду самого посла». Позже Эпштейн был приглашен в советское посольство на ужин для дипломатов стран-союзниц и просмотр военной кинохроники. Во время этого мероприятия представителю ЕА удалось переговорить с главой корпункта ТАСС в Анкаре Жаровым. Наконец, по рекомендации Виноградова Эпштейн встретился в Стамбуле с советским торгпредом А.Потаповым¹⁵³.

Прежде чем перейти к анализу содержания и результатов переговоров советских дипломатов и торгпредов с представителями СО, необходимо охарактеризовать подходы каждой из сторон к этим переговорам. Развитие контактов советского руководства с лидерами СО и «еврейского национального очага» в Палестине было полностью подчинено решению важнейшей задачи советской внешней политики того времени – привлечению на помощь СССР всех сил, противостоящих фашистскому блоку. «Чрезвычайность сложившейся ситуации вызвала необходимость активизировать пропагандистскую, разъяснительную работу как в своей стране, так и на страны антифашистской ориентации ... Стало очевидным, что политическое, пропагандистское обеспечение Великой Отечественной войны могло быть эффективным только при

¹⁵² Отчет сотрудника Политического департамента ЕА Э. Эпштейна о беседах с послом СССР в Турции С.А. Виноградовым. 25 января 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 30.

¹⁵³ Отчет сотрудника Политического департамента ЕА Э. Эпштейна о беседах с послом СССР в Турции С.А. Виноградовым. 25 января 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 34-36.

условии участия в этой работе широких слоев общественности»¹⁵⁴. В связи с этим 24 августа 1941 г. отделом пропаганды ЦК ВКП(б) в Москве был организован митинг советских евреев, принявший обращение «Братья евреи во всем мире!». В обращении, подписанном известными еврейскими деятелями советской науки и культуры С. Михоэлсом, С. Эйзенштейном, И. Эренбургом и др., содержался призыв к «развешанному по всему миру еврейскому народу» повсеместно развернуть «широкую агитацию за солидарность и действительную помощь Советскому Союзу, оказывающему героическое сопротивление носителям смерти и разрушений»¹⁵⁵. Эта пропагандистская акция получила большое количество восторженных откликов из-за рубежа¹⁵⁶. В ответ на обращение советских евреев митинги солидарности еврейской общественности с СССР прошли в крупнейших городах Аргентины, Бразилии, Великобритании, Кубы, Мексики, Палестины, Уругвая, Чили и др. стран. На митингах принимались резолюции об оказании всесторонней помощи Красной Армии в борьбе с гитлеризмом¹⁵⁷. Как сообщал в Москву посол СССР в Великобритании И.М. Майский, в еврейских общинах мира было отмечено, что «голос евреев в этой войне впервые раздался из СССР»¹⁵⁸.

Следующим шагом отдела пропаганды ЦК ВКП(б) стало создание в начале 1942 г. Еврейского антифашистского комитета (ЕАК). Общее руководство его работой было возложено на Совинформбюро – информационно-пропагандистское ведомство, образованное при НКВД СССР. В политико-идеологическом отношении оно было подчинено непосредственно ЦК ВКП(б)¹⁵⁹. Задача ЕАК состояла в активизации общественного мнения за рубежом в пользу СССР и содействии налаживанию материальной помощи Красной Армии. Для этого, по словам заместителя начальника Совинформ-

¹⁵⁴ Петров Н.К. Антифашистские комитеты в СССР: 1941–1945 гг. М., 1999. С.19.

¹⁵⁵ Правда. 1941. 25 августа.

¹⁵⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 35. Л. 23.

¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. 8114. Оп.1. Д.899. Л.64-65.

¹⁵⁸ Телеграмма посла СССР в Великобритании И.М. Майского в НКВД СССР. 2 сентября 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 21.

¹⁵⁹ Еврейский антифашистский комитет в СССР... С. 13.

бюро С.А.Лозовского (Дридзо), следовало «пролезть во все органы иностранной печати [с информацией о борьбе СССР против фашизма]»¹⁶⁰. В частности, ЕАК должен был дезавуировать попытки влиятельной в США изоляционистской оппозиции представить информацию о массовом истреблении нацистами евреев в Европе и оккупированных частях СССР как фальсификацию евреев и либералов, стремящихся втянуть Америку в мировую войну. В июле 1941 г. по указанию начальника Совинформбюро секретаря ЦК ВКП(б) по пропаганде Щербакова группе еврейских писателей было приказано «собрать материалы о зверствах фашистов над евреями, чтобы бросить в морду тем, кто это отрицал»¹⁶¹. Опубликовать эти материалы в США тогда могли только сионистские газеты. «Сионисты – буржуазные реакционеры по вопросу истребления евреев не могли не быть против фашизма и материалы о зверствах немцев [в отличие от других американских газет] они печатали»¹⁶². В свою очередь ВЕК передавал в Совинформбюро известную ему информацию об истреблении нацистами еврейского населения на оккупированных территориях СССР и других стран¹⁶³.

Важно отметить, что советское правительство тщательно скрывало свои контакты с СО от собственных граждан. Так, при публикации в печатном органе ЕАК «Эйникайт» заявления о целях учрежденной в Палестине левосионистскими деятелями Лиги в защиту Советской России (Лига «V», от английского Victory), был опущен параграф о приверженности Лиги делу сионизма. На направленный Лигой в Москву протест по этому поводу ответа не последовало. В Кремле, по всей видимости, опасались, что в СССР евреи могут истолковать переговоры советского правительства с СО как признание им целей и задач сионизма. Не афишировалось и развернувшееся в еврейских общинах различных стран движение солидарности с антифашистской борьбой Советского Союза. В итоге в деятельности ЕАК возникали серьезные

¹⁶⁰ Допрос подсудимого С.А. Лозовского // Неправедный суд... С. 149.

¹⁶¹ Там же. С. 165.

¹⁶² Там же. С. 149.

¹⁶³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 7. Д. 67. Л. 9.

коллизии. «Очень странно, что такое важное явление как движение солидарности с Советским Союзом евреев всего мира проходит совершенно незамеченным в нашей советской печати и радиовещаниях, – писал ответственный секретарь ЕАК Шахно Эпштейн Щербакову в апреле 1942 г. – Полное замалчивание и игнорирование у нас этого движения производит весьма неблагоприятное впечатление за рубежом, особенно в США ... Такие пробелы в нашей печати и радиовещании не могут не отразиться на целях нашей антифашистской пропаганды за рубежом, особенно в США, где политический вес евреев в общественной жизни весьма значителен»¹⁶⁴.

Сионистские лидеры, будучи со своей стороны крайне заинтересованными в развитии отношений с Москвой, действовали в высшей степени тактично. Не случайно, прежде чем отправить от имени сионистского движения приветственную телеграмму в ответ на обращение «Братья евреи во всем мире!», Х.Вейцман поинтересовался у Майского «Стоит ли ему это делать? Ввиду отрицательного отношения советского правительства к сионизму, не вызовет ли его телеграмма какой-либо совсем нежелательной реакции?»¹⁶⁵. Как видим, Х.Вейцман не питал иллюзий в отношении позиции советского правительства, прекрасно понимая, что выход последнего на переговоры с сионистами стал результатом стечения чрезвычайных обстоятельств. Майский рекомендовал президенту СО «посодействовать тому, чтобы отклики на обращение были не только от сионистов, но также и от других еврейских организаций»¹⁶⁶. Таким образом, изначально контакты советского правительства с лидерами СО и «еврейского национального очага» осуществлялись под прикрытием сотрудничества «советской еврейской общественности», с начала 1942 г. – в лице ЕАК, с «дружественными СССР еврейскими организациями». На всем протяжении своего существования ЕАК являлся лишь инструментом советской внешней политики, формировавшейся в ЦК ВКП(б) и

¹⁶⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп.125. Д.106. Л.13.

¹⁶⁵ Телеграмма посла СССР в Великобритании И.М. Майского в НКВД СССР. 2 сентября 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 20.

¹⁶⁶ Телеграмма посла СССР в Великобритании И.М. Майского в НКВД СССР. 2 сентября 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 21.

НКВД. Ведущую роль в развитии контактов Москвы с сионистским движением играли советские дипломаты.

В начале войны сталинское руководство рассматривало международное сионистское движение, прежде всего, в качестве эффективного канала влияния на умонастроения зарубежной общественности. В частности, Кремль усиленно добивался от США удовлетворения его заявок на поставки в СССР необходимых Красной Армии военных материалов. В Москве знали, что, в отличие от Великобритании, в США по-прежнему были сильны позиции деятелей, выступавших против сотрудничества с СССР. Осенью 1941 г. в ходе встречи с председателем правления ЕА Д. Бен-Гурионом И.М. Майский сказал будущему первому премьер-министру Израиля: «Вы едете в Америку. Вы окажете нам большую услугу, если доведете до сознания американцев проблему срочности оказания нам помощи, нам нужны танки, пушки, самолеты – как можно больше, и, главное, как можно скорее»¹⁶⁷.

Именно в это время Вейцман во время очередного визита в советское посольство в Лондоне дал понять Майскому, что «американское еврейство, если оно будет надлежащим образом стимулировано», сможет эффективно воздействовать на общественное мнение в США в духе установления советско-американского сотрудничества¹⁶⁸. Заявление президента СО было в тот же день передано советским послом в Москву с пометкой «Совершенно секретно. Немедленно». Одновременно с этим Лондонское бюро ЕА выдвинуло советскому правительству встречные требования, известные по имени сформулировавшего их сотрудника Лондонского бюро ЕА Дж.И.Линтона как «меморандум Линтона». Обсуждение его положений составило основное содержание переговоров сотрудников НКВД СССР с деятелями СО и руководителями «еврейского национального очага». Переговоры велись на уровне послов и посланников СССР в Великобритании, США, Турции и Египте, а

¹⁶⁷ Запись беседы председателя Правления ЕА Д.Бен-Гуриона с послом СССР в Великобритании И.М. Майским. 9 октября 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 24.

¹⁶⁸ Телеграмма посла СССР в Великобритании И.М. Майского в НКВД СССР. 2 сентября 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 21.

также – первых секретарей, пресс-атташе и торгпредов посольств СССР в названных странах. Необходимо подчеркнуть «меморандум Линтона»: «Во-первых, освобождение арестованных или сосланных российских сионистов; во-вторых, общее разрешение [для советских граждан] на эмиграцию в Палестину; в-третьих, учреждение [в СССР] представительства ЕА; в-четвертых, разрешение на проведение [в СССР] сионистских культурных мероприятий; в-пятых, разрешение на изучение и преподавание иврита [в СССР]»¹⁶⁹.

Обсуждение условий «меморандума Линтона», что именно взаимная, во многом сугубо прагматическая, заинтересованность сторон друг в друге сделала возможным установление и дальнейшее развитие связей между ними: «еврейскому национальному очагу» требовались новые колонисты, Кремлю – канал эффективного воздействия на общественное мнение за рубежом, в первую очередь США, откуда Сталин ждал осенью 1941 г. столь необходимых Красной Армии военных поставок.

Важнейшим требованием «меморандума Линтона» было освобождение арестованных или сосланных российских сионистов и возрождение сионистской деятельности в Советском Союзе. Его выполнение должно было обеспечить «исход» (в сионистской терминологии) советских евреев. Линтон полагал, что в сложившихся условиях «вероятно, можно будет добиться разрешения на выезд из России для евреев, желающих иммигрировать в Палестину, [если] это... не будет сопровождаться какой-либо пропагандой»¹⁷⁰. Использовать новую ситуацию для усиления давления на советское правительство с целью «освобождения всех сионистских узников и ссыльных» и получения разрешения «всем желающим иммигрировать в Палестину» призывали ЕА сионистские общественные группы¹⁷¹. По-видимому, первоначально рас-

¹⁶⁹ Цит. по: Телеграмма сотрудника Лондонского бюро ЕА Дж. И. Линтона директору Политического департамента правления ЕА М. Шертоку. 2 августа 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 20.

¹⁷⁰ Телеграмма сотрудника Лондонского бюро ЕА Дж. И. Линтона директору Политического департамента правления ЕА М. Шертоку. 2 августа 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 20.

¹⁷¹ Письмо организации «Маген» (ивр. – Щит) директору Политического департамента правления ЕА М. Шертоку. 18 июня 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 45.

сматривались и другие варианты «освобождения» евреев СССР. Осенью 1940 г. при ЕА был создан Комитет по делам российского еврейства, целью деятельности которого было налаживание связей с еврейскими массами в СССР, оказание помощи арестованным НКВД сионистам, организация путей нелегальной еврейской эмиграции из СССР в Палестину. Однако реальные возможности Комитета явно не позволяли ему справиться с поставленными задачами. Для их решения требовался выход представителей СО на официальный контакт с Москвой.

Следует заметить, что высшее руководство СО оценивало возможности возрождения сионистской деятельности в Советском Союзе довольно пессимистично. Вейцман вообще считал советских евреев потерянными для сионистов. «Если в вашей стране сохранится нынешний режим, – говорил он в феврале 1941 г. Майскому, – то советские евреи ассимилируются... они войдут как неотъемлемая составная часть в общее русло русской жизни. Мне это может не нравиться, но я готов с этим мириться»¹⁷². Директор Политического департамента ЕА Шерток рассчитывал только на «жест доброй воли» советского правительства в виде «освобождения для переезда в Палестину хотя бы трех тысяч евреев, двух тысяч, даже одной тысячи»¹⁷³. В годы Великой Отечественной войны с призывом к советскому правительству «разрешить [советским] евреям, не занятым военно-трудовым напряжением, выехать в Палестину», с тем чтобы «работая здесь ... они принесли значительную пользу нашему общему делу», неоднократно обращались трудящиеся «еврейского национального очага»¹⁷⁴. Многие из них искренне полагали, говоря словами секретаря исполкома Гистадрут и члена президиума Лиги «V» А. Цизлинга,

¹⁷² Запись беседы полномочного представителя СССР в Великобритании И.М. Майского с президентом СО Х. Вейцманом. 3 февраля 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 16. Представление о том, что «советские евреи не настоящие евреи... в смысле их ассимиляции», по-видимому, было достаточно широко распространено в еврейских кругах за рубежом. См.: Допрос подсудимого И.С. Фефера // Неправедный суд... С. 28.

¹⁷³ Сообщение директора Политического департамента правления ЕА М. Шертока о беседе с послом СССР в Великобритании И.М. Майским на заседании исполкома Гистадрута. 29 апреля 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 72.

¹⁷⁴ Телеграмма Сталину. Приветствие, принятое 49-й сессией Совета Всеобщей Федерации еврейских рабочих Палестины. АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.46.

что «тяжелые испытания войны ликвидируют накопившиеся в результате прошлого периода печальные недоразумения, разрушат ряд средостений, сблизят государства и народы и объединят рассеянные и изолированные части многострадального еврейского народа»¹⁷⁵. Наиболее адекватную, на наш взгляд, оценку советской политики в отношении сионизма дал в январе 1942 г. сотрудник Политического департамента ЕА Эпштейн: «...несмотря на новые внешнеполитические подходы советского правительства, не произошло никаких изменений во внутренней политике СССР. В то время как расширяется военно-политическое сотрудничество с демократическими государствами, Сталин усиливает контроль над умонастроениями внутри СССР, чтобы избежать отклонений от генеральной линии и "непонимания" подлинного смысла этого сотрудничества с режимами, остающимися в глазах коммунистов столь же "неприемлемыми", как они были до нападения немцев на Россию. Планируя те или иные операции по отношению к Советской России, мы не должны тешить себя иллюзиями. Мне представляется ошибочным мнение, будто ситуация изменилась и мы имеем какие-то новые возможности в плане разрешения сионистской деятельности в СССР»¹⁷⁶.

Действительно, еще в самом начале обсуждения требований «меморандума Линтона» первым секретарем посольства СССР в Великобритании К.В. Новиковым было совершенно четко заявлено: «Советский Союз не может допустить существование на своей территории каких-либо политических движений»¹⁷⁷. Любые попытки представителей СО поставить вопрос об освобождении арестованных до сентября 1939 г. в СССР сионистов сразу же блокировались советскими дипломатами. Послы СССР, в частности Майский, Уманский, Литвинов, Виноградов и другие сотрудники НКВД СССР

¹⁷⁵ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.8.

¹⁷⁶ Отчет сотрудника Политического департамента ЕА Э. Эпштейна о беседах с послом СССР в Турции С.А. Виноградовым. 25 января 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 38.

¹⁷⁷ Слова первого секретаря посольства СССР в Великобритании Новикова К.В. Цит. по: Телеграмма сотрудника Лондонского бюро ЕА Дж. И. Линтона директору Политического департамента правления ЕА М. Шертоку. 2 августа 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 20.

неоднократно заявляли представителям СО летом–зимой 1941/1942 гг., что «в СССР никогда не арестовывали сионистов за их национальные убеждения и стремление репатрироваться в Палестину: арестам подвергались только те люди, которые находились в связи с иностранными политическими организациями, нарушая тем самым советское законодательство, запрещающее установление таких связей без ведома и санкции официальных властей»¹⁷⁸.

Попытки сионистов-переговорщиков поставить вопрос об «освобождении» польских евреев были отклонены советским послом в США Уманским. Как следует из отчета представителя ЕА Ноймана, Уманский заявил, что «евреи – жители территорий, отошедших к России после начала войны, стали гражданами Советского государства и что их подавляющее большинство (95%) довольны своим новым положением. Поэтому нет смысла пытаться решать вопросы от их имени»¹⁷⁹. Советское руководство последовательно отклоняло любые предложения сионистов, связанные с эмиграцией советских евреев в Палестину. Так, в декабре 1941 г. первый заместитель наркома иностранных дел СССР А.Я.Вышинский категорически отверг просьбу политического департамента ЕА разрешить «престарелым родственникам палестинских евреев, находящимся в СССР выехать в Палестину» по предоставленным для этого правительством Великобритании ста разрешениям на въезд в Палестину¹⁸⁰.

В начале 1942 г. сионистское руководство решило отложить вопрос о «возможной репатриации российских граждан» (в том числе польских евреев, принявших советское гражданство) до окончания войны¹⁸¹. Главным

¹⁷⁸ Там же. С. 31.

¹⁷⁹ Запись беседы члена правления ЕА Э. Ноймана и заведующего Отделом международных отношений ВЕК М. Перлцвейга с послом СССР в США К.А. Уманским. 17 июля 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 18.

¹⁸⁰ Записка заведующего Средневосточным отделом НКВД СССР С.И. Кавтарадзе первому заместителю народного комиссара иностранных дел СССР А.Я.Вышинскому. 31 декабря 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 26.

¹⁸¹ Запись бесед президента Национального комитета еврейской общины Палестины И. Бен-Цви с первым секретарем посольства СССР в Турции С.С. Михайловым и пресс-атташе посольства СССР в Турции Н.А. Петренко. 31 августа 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 52. Это решение было косвенно подтверждено в «Памятной

предметом переговоров между Москвой и СО с этого времени и до осени 1943 г. стала судьба не имевших советского гражданства еврейских беженцев, изгнанных в сентябре–октябре 1939 г. германскими оккупационными властями из оккупированной вермахтом Польши в «зону интересов СССР». Уже на первой встрече, положившей начало систематическим переговорам между Москвой и СО, 17 июля 1941 г. в Вашингтоне представитель ЕА Нойман поставил перед послом СССР в США Уманским «вопрос о разрешении... тем евреям, которые приехали в Россию из мест, находящихся к западу от ... "линии Керзона"... выехать в Палестину или другие страны»¹⁸². Усилиями германской армии и СС к 1 ноября 1939 г. в советскую сферу влияния из Западной Польши было выдворено от 148 000 до 150 000 польских евреев. 10 ноября 1939 г. по предложению НКВД политбюро ЦК ВКП(б) образовало специальную комиссию под председательством Берии, которой поручалось «точно учесть количество беженцев и организовать работу по целесообразному использованию части беженцев как рабочей силы, а также рассмотреть вопрос об обратной эвакуации остальной части их». По существу, беженцам предлагалась альтернатива: либо «добровольная» вербовка на тяжелые работы на севере и востоке страны и получение советского паспорта, либо принудительная депортация за советско-германскую границу («обратная эвакуация»). Часть беженцев согласилась стать «добровольцами», другие – около 25 тыс. чел. – отказались от советского гражданства и потребовали отправить их в Палестину или демократические страны Запада. Вскоре они были возвращены в германскую зону¹⁸³.

записке об отношениях между сионистским движением и Советской Россией», переданной в мае 1943 г. представителем ЕА в США Н. Гольдманом президенту Чехословакии Э. Бенешу. В ней говорилось: «в отношении российских евреев вопрос об эмиграции пока не встает...». Письмо представителя ЕА в Вашингтоне Н. Гольдмана президенту Чехословакии Э. Бенешу. Приложение. 27 мая 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 79.

¹⁸² Запись беседы члена правления ЕА Э. Ноймана и заведующего Отделом международных отношений ВЕК М. Перлцвейга с послом СССР в США К.А. Уманским. 17 июля 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 18.

¹⁸³ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина... С.187–189.

Большая часть беженцев явочным порядком обосновалась в приграничных районах Украины и Белоруссии. 10 апреля 1940 г. решением СНК СССР они были депортированы в качестве спецпереселенцев в Архангельскую область¹⁸⁴. Именно об этих евреях, не имевших советского гражданства, и говорил Нойман Уманскому. 25 января 1942 г. в своем отчете о беседах с послом СССР в Турции Виноградовым сотрудник Политического департамента ЕА Эпштейн отметил: «...в настоящий момент мы в первую очередь заинтересованы в... репатриации в рамках существующих квот беженцев из Польши, находящихся сейчас в России»¹⁸⁵. Требования сионистов были отчасти поддержаны и английским правительством, которое выдало квоты на въезд в Палестину на IV квартал 1941 г. в количестве 125 чел. С предложением к советскому правительству облегчить выезд евреев из СССР 6 ноября 1941 г. обратился секретарь английского посольства в Москве Берри, а 18 ноября посол Криппс. Однако советская позиция по этому вопросу была однозначно отрицательной. Она была изложена в записке заведующего Вторым европейским отделом НКВД СССР Гусева первому заместителю наркома иностранных дел Вышинскому от 20 января 1942 г. и соответствовала, как следует из помет на документе, позиции самого Вышинского, который 22 января поручил довести ее до сведения наркома Молотова¹⁸⁶.

Добиваясь разрешения на выезд из СССР «еврейским беженцам из Западной Польши», представители ЕА выдвигали следующие аргументы. Во-первых, в СССР потенциал «еврейских беженцев» остается невостребованным, так как «они не смогли адаптироваться к социальным и экономическим

¹⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 158. Л. 102–103, 104.

¹⁸⁵ Отчет сотрудника Политического департамента ЕА Э. Эпштейна о беседах с послом СССР в Турции С.А. Виноградовым. 25 января 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 28.

¹⁸⁶ Записка заведующего Вторым европейским отделом НКВД СССР Ф.Т. Гусева первому заместителю народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому. 20 января 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 27-28.

условиям [жизни в СССР]»¹⁸⁷, в тоже время эти люди необходимы «еврейскому национальному очагу». «Работа на оборону и призыв в армию истощили довольно ограниченные ресурсы рабочей силы [еврейской общины Палестины], – отмечала англоязычная сионистская «The Palestine Post» в статье с характерным названием «Нужда в людях» («Men are needed») 16 февраля 1942 г. – «Основная потребность в настоящее время – это увеличение числа рабочих, особенно квалифицированных ... Технически образованные люди необходимы для выполнения бесчисленных военных заданий»¹⁸⁸. Об остром недостатке рабочих рук в еврейской промышленности и сельском хозяйстве Палестины регулярно сообщала в Москву палестинская референтура Ближневосточного отдела (БВО) НКВД СССР¹⁸⁹.

В беседе с первым секретарем посольства СССР в Турции Михайловым 31 августа 1942 г. председатель Ваад Леуми И.Бен-Цви назвал три сферы жизнедеятельности «еврейского национального очага», наиболее остро нуждающиеся в получении новых человеческих ресурсов. В первую очередь, речь шла об укреплении обороны Палестины: «Эти беженцы нужны нам, – объяснял Бен-Цви – вы [в Москве] говорите о дополнительных усилиях по увеличению военной мощи, которые сейчас так необходимы, – нет смысла заниматься пропагандой, мы все согласны. Но нас слишком мало. До сих пор мы смогли выделить 26 тыс. чел., из них – 17 тыс. на фронт, 7 – в вооруженную полицию, находящуюся под контролем армии, и еще 2 тыс. – в армии союзников... необходимо дать еще»¹⁹⁰. Кроме того, Бен-Цви указал на необходимость сдерживания «арабской угрозы»: «... у нас есть еще один фронт –

¹⁸⁷ Запись беседы члена правления ЕА Э. Ноймана и заведующего Отделом международных отношений ВЕК М. Перлцвейга с послом СССР в США К.А. Уманским. 17 июля 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 18.

¹⁸⁸ The Palestine Post. February, 16. 1942.

¹⁸⁹ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.8. Л.15, 33, 45.

¹⁹⁰ Запись бесед президента Национального комитета еврейской общины Палестины И. Бен-Цви с первым секретарем посольства СССР в Турции С.С. Михайловым и пресс-атташе посольства СССР в Турции Н.А. Петренко. 31 августа 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 51. Ср.: Палестина: ее хозяйство и внешняя торговля. Сборник, посвященный вопросам развития торговых сношений между Палестиной и Советским Союзом. Ерусалим, 1944. С. 6.

сейчас настают трудные дни, на нас постоянно нападают арабы, подстрекаемые фашистской пропагандой муфтия. Нам приходится быть все время на страже»¹⁹¹. Наконец, в «еврейских беженцах из Польши», по словам Бен-Цви, остро нуждались промышленный и сельскохозяйственный секторы еврейской общины Палестины: «Все, что нужно, это ваше разрешение этим людям репатрироваться к нам. У нас они тут же встанут к станку и выйдут в поле – и это освободит значительные силы для фронта»¹⁹². Примечательно, что в своем отчете президент Ваад Леуми обозначил проблему «еврейских беженцев» как главный вопрос переговоров с советским представителем. На то, сколь действительно важным был для сионистов этот вопрос, указывают следующие слова из отчета Бен-Цви: «Наш человеческий потенциал слишком мал, он уже почти использован, нам просто необходимы дополнительные человеческие ресурсы»¹⁹³.

Во-вторых, призывая советское правительство разрешить «еврейским беженцам из Западной Польши» репатрироваться в Палестину, сионисты подчеркивали идеологическую несовместимость «еврейских беженцев» с советской системой: «Многие из них [польских евреев]... представляют собой реальную обузу для России... многим из этих беженцев, таким как раввины, студенты иешив, а также фанатичные молодые сионисты, единственная страсть и идеал которых лишь в том, чтобы посвятить свою жизнь созданию еврейского государства, духовно и идеологически чужды принципы сегодняшней России»¹⁹⁴. Наконец, представители СО ссылались на прецедент,

¹⁹¹ Запись бесед президента Национального комитета еврейской общины Палестины И. Бен-Цви с первым секретарем посольства СССР в Турции С.С. Михайловым и пресс-атташе посольства СССР в Турции Н.А. Петренко. 31 августа 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 51.

¹⁹² Там же. С. 52.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Письмо представителя ЕА в Вашингтоне Н. Гольдмана президенту Чехословакии Э. Бенешу. Приложение. 27 мая 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 81.

имевший место в июне 1940 г., когда советские власти разрешили 5 000 литовским евреям выехать в Палестину¹⁹⁵.

Советские представители признавали справедливость некоторых из этих аргументов. В частности, посол СССР в США Уманский соглашался с тем, что в ряде случаев «еврейские беженцы» не смогли адаптироваться к социальным и экономическим условиям СССР¹⁹⁶. Стратегическую необходимость дополнительных усилий по наращиванию военной мощи в Палестине признавал первый секретарь посольства СССР в Турции Михайлов¹⁹⁷. Более того, советское руководство, по-видимому, было готово выпустить «еврейских беженцев» уже летом 1941 г. На это указывали некоторые высказывания сотрудников НКВД СССР, например, первого секретаря посольства СССР в Великобритании Новикова, допускавшего, как весьма вероятную, возможность «освобождения польских сионистов»¹⁹⁸, а также имевшиеся прецеденты, на которые ссылались сионисты-переговорщики. Тем не менее, просьбы СО об «освобождении еврейских беженцев» были удовлетворены Москвой только в 1943 г.

Затягивание советским правительством данного решения может быть объяснено, на наш взгляд, следующими причинами:

во-первых, Москва стремилась извлечь для себя максимум выгоды из этого «жеста доброй воли». Следовательно, «освобождение» «еврейских беженцев» могло начаться только после того, как советское правительство начало бы получать конкретные результаты от просоветских действий СО в западных странах, прежде всего в США;

¹⁹⁵ Там же. С. 82. О проблеме литовских евреев см.: Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина... С.190.

¹⁹⁶ Запись беседы члена правления ЕА Э. Ноймана и заведующего Отделом международных отношений ВЕК М. Перлцвейга с послом СССР в США К.А. Уманским. 17 июля 1941 г. // Советско-израильские отношения...С. 18.

¹⁹⁷ Запись бесед президента Национального комитета еврейской общины Палестины И. Бен-Цви с первым секретарем посольства СССР в Турции С.С. Михайловым и пресс-атташе посольства СССР в Турции Н.А. Петренко. 31 августа 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 52.

¹⁹⁸ Цит. по: Телеграмма сотрудника Лондонского бюро ЕА Дж. И. Линтона директору Политического департамента правления ЕА М. Шертоку. 2 августа 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 20.

во-вторых, начиная с 1942 г. Сталин приступил к непосредственному обсуждению вопроса о «польских евреях» с Черчиллем и Рузвельтом. В частности, по свидетельству Судоплатова, Сталин пытался оказать давление на «англичан, опасавшихся за свои позиции на Ближнем Востоке и препятствующих массовому переселению евреев в Палестину»¹⁹⁹;

в-третьих, советское руководство опасалось, что подготовка выезда «еврейских беженцев» из СССР будет сопряжена с сионистской пропагандой среди них, которая может вылиться за пределы их круга и коснуться советского еврейства. Поэтому Москва совершенно четко дала понять СО, что «выезд из России... евреев, желающих иммигрировать в Палестину не должен сопровождаться какой-либо пропагандой»²⁰⁰;

в-четвертых, многие из «еврейских беженцев» – по различным подсчетам до 12 000 чел.²⁰¹ – прошли через советские исправительно-трудовые лагеря, вследствие чего Москва опасалась, что вместе с ними из СССР выйдут их рассказы о ГУЛАГе.

Все это заставляло сталинское руководство не спешить с отправкой из страны «еврейских беженцев». Их «исход» из СССР был тесно связан с судьбой так называемой армии генерала В. Андерса. 30 июля 1941 г. между советским правительством и польским эмигрантским правительством было подписано соглашение, восстанавливающее дипломатические отношения между ними. Протокол к соглашению предусматривал предоставление советским правительством амнистии всем польским гражданам, находившимся в заключении на советской территории в качестве военнопленных или на других достаточных основаниях²⁰². Эти и другие, оказавшиеся на советской тер-

¹⁹⁹ Судоплатов П.А. Спецоперации... С. 460.

²⁰⁰ Телеграмма сотрудника Лондонского бюро ЕА Дж. И. Линтона директору Политического департамента правления ЕА М. Шертоку. 2 августа 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 20.

²⁰¹ Исторические сборники «Мемориала»//Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С.88–89.

²⁰² Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т.7. М., 1973. С. 208.

ритории, польские граждане вошли в сформированную в СССР на основании советско-польской декларации от 4 декабря 1941 г армию Андерса.

Нормализация советско-польских отношений облегчила положение польских евреев в СССР. Об этом, со ссылкой на Польское телеграфное агентство, сообщала «The Palestine Post»: «...освобождение польских граждан из лагерей Северо-Европейской и Центральной России, а также Сибири ускорилося... их отправляют в Джамбульский район, где сейчас находятся тысячи поляков ... Раввины регулярно проводят религиозные обряды для солдат-евреев»²⁰³. Массовое вступление польских евреев в Армию Андерса вызывало раздражение польского командования. Премьер-министр Сикорский и генерал Андерс жаловались Сталину на засилье евреев в новой польской армии: «среди них [солдат армии Андерса] много евреев, не желающих служить в армии... Среди евреев, вступивших в армию, много торговцев с черного рынка и контрабандистов. Они никогда не будут хорошими солдатами. В польской армии... такие люди не нужны»²⁰⁴. В январе 1942 г. высокий процент евреев в армии Андерса отмечал в своих отчетах замнаркому иностранных дел Вышинскому генеральный секретарь ИККИ Димитров²⁰⁵.

Летом 1942 г. правительство Сикорского заявило об отказе использовать армию Андерса на советско-германском фронте. В конце июля 1942 г. СССР и польское правительство пришли к соглашению об эвакуации армии Андерса из СССР, в котором, в частности, отмечалось, что «эвакуации подлежат все без исключения соединения, части, подразделения и все солдаты Польских вооруженных сил в СССР, равно как и члены семей военнослужащих в количестве 20-25 тысяч человек, а всего, считая солдат и членов их се-

²⁰³ The Palestine Post. February, 17. 1942.

²⁰⁴ Цит. по: Бегин М. Указ. соч. С. 290–291. Вероятно, в результате этой беседы 25 декабря 1941 г. было принято специальное постановление ГКО «О польской армии на территории СССР», в котором указывалось, что в армию могут призываться граждане польской национальности, проживавшие до 1939 г. на территории Западной Украины и Западной Белоруссии, при этом подчеркивалось: «граждане других национальностей, проживавшие на этих территориях, призыву в польскую армию не подлежат». Z archiwow sowieckich. T. 2. Armia Polska w ZSSR, 1941-1942. Warszawa, 1992. S. 45.

²⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 423. Л. 23.

мей, 70 тысяч человек»²⁰⁶. В июле–августе, армия Андерса была эвакуирована из СССР на Ближний Восток (в Иран и Палестину). Однако эвакуация евреев – военнослужащих армии Андерса и членов их семей – была задержана²⁰⁷.

В конце августа 1942 г. председатель Ваад Леуми И.Бен-Цви потребовал от советского правительства ускорить отправку из СССР в Палестину «польских беженцев», которых, по его данным, насчитывалось до 400 000 человек²⁰⁸. В начале января 1943 г. директор Политического департамента ЕА Шерток направил от имени правления ЕА советскому послу в Великобритании Майскому письмо, в котором говорилось: «ЕА считает, что если бы советское правительство дало принципиальное согласие на выезд определенному числу польских евреев (например, от 3 000 до 5 000 человек, как мужчин, так и женщин), то ЕА представит соответствующий список через посольство Великобритании в Москве для его рассмотрения и утверждения советскими властями... евреи Палестины горячо приветствовали бы – как жест доброй воли и знак поддержки – согласие советского правительства разрешить ограниченному числу польских евреев, находящихся в настоящее время в СССР, подкрепить усилия палестинских евреев, направленные на обеспечение победы в войне»²⁰⁹. Аналогичные этой настойчивые просьбы от правления ЕА поступали в посольство СССР в Великобритании вплоть до осени 1943 г.²¹⁰

В этот период сионисты заручились поддержкой правительств Великобритании, США, Польши и Чехословакии, лоббировавших их интересы в во-

²⁰⁶ Климовский Е. Я был адъютантом генерала Андерса. М., 1964. С.249.

²⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 423. Л. 23.

²⁰⁸ Запись бесед президента Национального комитета еврейской общины Палестины И. Бен-Цви с первым секретарем посольства СССР в Турции С.С. Михайловым и пресс-атташе посольства СССР в Турции Н.А. Петренко. 31 августа 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 52.

²⁰⁹ Письмо директора Политического департамента правления ЕА М. Шертока послу СССР в Великобритании И.М. Майскому. 19 января 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 67.

²¹⁰ См.: Сообщение директора Политического департамента правления ЕА М. Шертока о беседе с послом СССР в Великобритании И.М. Майским на заседании исполкома Гистадрута. 29 апреля 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 72.

просе о польских евреях в СССР. 18 июля 1942 г. Черчилль направил Сталину послание (согласованное, как указывалось в нем, с Рузвельтом), в котором говорилось: «Я уверен, что было бы в наших общих интересах... если бы три польские дивизии [армия генерала Андерса]... объединились со своими соотечественниками в Палестине... Я надеюсь, что... проект, который мы высоко ценим, не будет не претворен в жизнь из-за того, что поляки захотят отправить вместе с войсками значительное число своих женщин и детей, которые в основном существуют на пайки польских солдат»²¹¹. К концу лета 1942 г. польские военнослужащие армии генерала Андерса и члены их семей были эвакуированы из СССР на Ближний Восток. «Сталин передал нам 60 000 поляков с 30 000 членов семей», – сообщил 14 сентября 1942 г. Черчилль Рузвельту²¹². Всего из Советского Союза было выведено через Иран в Палестину 114,5 тыс. военнослужащих армии Андерса и членов их семей²¹³. Следовательно, с сентября 1942 г. по май 1943 г. на советско-иранской границе должно было оставаться еще около 25 000 солдат в польской форме и членов их семей. Это были в основном польские евреи, вступившие в 1942-1943 гг. в армию Андерса, чтобы вместе с ней выбраться из СССР в Палестину²¹⁴. Их скорейшей эвакуации из СССР Черчилль предлагал добиться следующим путем. В уже цитировавшемся послании Рузвельту от 14 сентября 1942 г. английский премьер писал: «Если мы сможем твердо предложить что-нибудь [Сталину]... то одновременно можно будет попросить о некоторых одолжениях для поляков... Повсюду в России среди них имеется много таких, кто находится, так или иначе, в затруднительном положении. Я полагаю, что мы можем одним выстрелом убить двух зайцев»²¹⁵. Однако только в начале мая 1943 г. Сталин дал ответ: «Что же касается польских подданных в СССР, ко-

²¹¹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). М., 1986. С. 66–67.

²¹² Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М., 1995. С. 290.

²¹³ Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М., 1985. С. 50.

²¹⁴ Бегин М. В белые ночи. Иерусалим, 1991. С. 289–295.

²¹⁵ Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М., 1995. С. 290.

личество которых невелико... то Советское Правительство и раньше не ставило препятствий к их выезду из СССР»²¹⁶.

В конце мая представитель ЕА Гольдман просил президента Чехословакии Бенеша довести до советского правительства в этой связи следующее: «Существуют веские основания для удовлетворения нашей просьбы, передававшейся неоднократно через послов Советской России в Лондоне и Вашингтоне, о предоставлении ряду польских евреев выездных виз для иммиграции в Палестину... поскольку Европа, оккупированная нацистами, плотно закрыта для иммиграции, то основным источником дополнительной рабочей силы для Палестины являются польские евреи из Советской России, особенно та их часть, которая сконцентрирована в областях, расположенных в непосредственной близости к Ирану (Ташкент, Самарканд и т.д.), откуда они могли бы легко попасть в Иран и Палестину... Для Палестины это было бы чрезвычайно важно с точки зрения экономики и к тому же приветствовалось бы евреями во всем мире как жест дружелюбия и доброй воли»²¹⁷.

В итоге весной 1943 г. из СССР в Иран и далее в Ирак были выведены остатки армии Андерса. По информации ГПУ РККА, полученной в сентябре 1943 г. в ходе «политического опроса» польских солдат-дезертиров из армии Андерса, уже «в июне [1943 г.] после заключения договора между Англией и Ираком о выводе частей польской армии из Ирака, польские дивизии начали передислоцироваться в Палестину». В основном это были военнослужащие-евреи и члены их семей. Так, в декабре 1943 г. сотрудник ГПУ РККА докладывал начальнику Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) Александрову, что «в частях [армии Андерса, дислоцированной в Ираке] много евреев... К евреям отношение различное. В тех частях, где евреев немного их не выделили из числа поляков и относились также как и к полякам. В тех частях, где процент евреев значителен – отношение к евреям значительно хуже».

²¹⁶ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. – ноябрь 1945 г.). М., 1986. С. 151.

²¹⁷ Письмо представителя ЕА в Вашингтоне Н. Гольдмана президенту Чехословакии Э. Бенешу. Приложение. 27 мая 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 81-82.

В том же докладе сообщалось, что «евреи в массе не хотят служить в польских частях», «среди военнослужащих-евреев нередки случаи массового дезертирства», «евреи бегут в Палестину». При этом, как следует из доклада ГПУ РККА, свою жизнь в Палестине польские евреи устраивали по-разному: одни «поступали в еврейские части, формируемые англичанами в Палестине», другие «скрывались среди еврейского населения [Палестины], поступая рабочими в еврейские хозяйства»²¹⁸. Таким образом, по словам одного из руководителей действовавшей в Палестине еврейской подпольной организации «Лохамей херут Исраэль» (Лехи) Исраэля Эльдада, «тысячи евреев прибыли в Палестину... Все они сбросили польскую форму и влились в ряды... национального движения»²¹⁹.

Итак, весной 1943 г. советское правительство продемонстрировало сионистскому руководству долгожданный «жест доброй воли». Время этой акции было выбрано не случайно. Во-первых, весной-летом 1943 г. отношения между СССР, с одной стороны, и Великобританией и США – с другой переживали серьезный кризис, причинами которого стали срыв военных поставок в СССР зимой 1942/1943 г.²²⁰ и отказ правительств США и Великобритании открыть второй фронт в Европе в 1943 г. Перед сталинским руководством встала задача укрепить просоветские настроения на Западе и побудить деловые круги союзных держав к оказанию СССР массивной материальной помощи. Выпуская в этой ситуации часть польских евреев из страны, Кремль рассчитывал заручиться поддержкой СО. Во-вторых, этот «жест доброй воли» должен был сгладить антисоветский настрой в кругах еврейских и нееврейских социалистов в США и Великобритании, вызванный казнью в СССР известных деятелей Социнтерна, лидеров Бунда Г. Эрлиха и В.

²¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 159. Л. 91, 95.

²¹⁹ Эльдат И. Триумф и трагедия Менахема Бегина // <http://www.il4u.org.il/anto/fromer3.htm>

²²⁰ Сиполс В. Великая Победа и дипломатия. 1941-1945. М., 2000. С. 147–150. Осенью 1942 г. ряд американских конгрессменов высказывался за прекращение поставок Советскому Союзу по ленд-лизу. Там же. С. 126.

Альтера²²¹. Наконец, переброска польских евреев из СССР в Палестину могла, по замыслу советского руководства, обеспечить ему поддержку влиятельных сионистских кругов. Важная роль в этих расчетах отводилась намеченной на 1943 г. миссии представителей ЕАК С.М. Михоэлса (Вовси) и И.С. Фефера в США и Великобританию.

Зарубежная поездка руководителей ЕАК планировалась советским руководством как «широковещательное пропагандистское турне»²²². Перед Михоэлсом и Фефером ставилась задача «установить сотрудничество советских евреев с евреями США (за исключением антисоветских группировок) на основе совместной борьбы против гитлеровской Германии и ее вассалов и развертывания в США кампании помощи Красной Армии»²²³. Официально ЕАК получил приглашение от двух влиятельных просоветских организаций США – Еврейского совета военной помощи России и Комитета писателей. Возможности и цели вступления Михоэлса и Фефера в контакт с руководством СО обсуждались накануне их поездки в США. Так, заведующий отделом американских стран в НКВД Забурин сообщал в Совинформбюро о желательности участия американских сионистских организаций в приеме Михоэлса и Фефера, мотивируя это тем, что просоветские еврейские организации в США рекомендуют сотрудничество с сионистами для изоляции местных антисоветских элементов²²⁴. Напротив, посол СССР в США Литвинов, по воспоминаниям Судоплатова, выступал категорически «против связей с сионистским движением», поскольку считал, что «наше возможное воздействие на сионистское движение будет крайне незначительно... поэтому Литвинов полагал целесообразным поручать все контакты с сионистскими кругами исключительно сотрудникам советских спецслужб либо особо проверенной

²²¹ В феврале 1943 г. Москва официально признала факт их казни. Подробнее о «деле Эрлиха-Альтера» см.: Еврейский антифашистский комитет в СССР... С. 15-20; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина... С. 232-236.

²²² Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина... С. 237.

²²³ Проект директивы делегатам ЕАК Михоэлсу и Феферу. 22 мая 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 75.

²²⁴ АВП РФ. Ф. 0129. Оп. 27. Д. 15. Л. 11.

агентуре»²²⁵. Окончательного решения по этому вопросу до прибытия Михоэlsa и Фефера в США в середине июня 1943 г. так и не было принято. На запрос генконсула СССР в Нью-Йорке Киселева, «как делегаты должны вести себя по отношению к сионистам», НКВД подготовил специальную директиву, в которой «вопрос о том, должны ли сионистские организации принять участие в широком комитете [созданном для организации пребывания советской делегации] и во всех митингах в стране и на каких условиях», назывался «делом американских еврейских организаций... по приглашению которых Михоэлс и Фефер едут в США»²²⁶. Возникает невольное впечатление, что даже те руководители НКВД, кто осознавал важность контактов с сионистскими кругами, не решались санкционировать их. По существу, ответственность перекладывалась непосредственно на Михоэlsa и Фефера.

В ходе судебного следствия по делу ЕАК летом 1952 г. заместитель начальника Совинформбюро Лозовский, фактически куратор ЕАК, утверждал, что дал Михоэлсу и Феферу установку «никаких бесед без консула или посла не иметь, по всем важным вопросам запрашивать Москву»²²⁷. Делегатам ЕАК было указано «встречаться только с руководителями печати и общественных организаций, а с руководителями политических партий не встречаться»²²⁸. В тоже время советские дипломаты в Вашингтоне не могли не заметить активного участия в подготовке миссии Михоэlsa и Фефера одного из руководителей ВЕК, представителя ЕА в США Гольдмана. В частности, Гольдман настоятельно рекомендовал госдепартаменту США «снять с повестки дня» обсуждение убийства Эрлиха и Альтера, поскольку НКВД СССР также включился в подготовку поездки делегатов ЕАК²²⁹. Вероятно поэтому, как только

²²⁵ Судоплатов П.А. Спецоперации... С. 467. Действительно, к организации миссии Михоэlsa-Фефера в США были подключены советский вице-консул в Сан-Франциско, дипломат и разведчик, Г.М. Хейфец и резидент советской разведки в Вашингтоне В.М. Зарубин. Там же.

²²⁶ Проект директивы делегатам ЕАК тт. Михоэлсу и Феферу. 22 мая 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 75.

²²⁷ Допрос подсудимого С.А. Лозовского // Неправедный суд... С. 169.

²²⁸ Допрос подсудимого И.С. Фефера // Неправедный суд... С. 25.

²²⁹ Неправедный суд... С. 185.

Михоэлс и Фефер получили предложение встретиться с находящимся в США президентом СО Вейцманом, они сразу же обратились к послу СССР в США Громыко (сменившего на этом посту Литвинова в октябре 1943 г.) и получили от него «добро». Естественно, что решение о возможности встречи с Вейцманом было принято в Москве. По свидетельству Фефера, «Громыко вызвал Михоэлса в Вашингтон и сказал, что есть указание встречаться с Вейцманом»²³⁰. В своих записях, сделанных во время пребывания в США, Михоэлс отметил, что встрече с «В» предшествовали «доводы за и против [нее]». Первоначально Громыко получил из Москвы устное «указание встречаться с Вейцманом» и только две недели спустя, после того как встреча уже состоялась, в посольство пришла телеграмма за подписью наркома иностранных дел Молотова, санкционирующую ее²³¹. Как следует из записей Михоэлса и показаний Фефера, Вейцмана интересовали следующие вопросы: численность еврейского населения в СССР и находящихся в СССР еврейских беженцев из Польши; положение еврейской культуры и религии в СССР; отношение советских евреев к сионизму. «Мы сказали, – свидетельствовал Фефер, – что советские евреи в Палестину не поедут..., что с еврейской культурой обстоит дело плохо»²³². Важное место в беседе с Вейцманом заняло позиционирование Михоэлсом и Фефером Советского Союза как государства-спасителя многомиллионной еврейской общины СССР²³³.

Делегаты ЕАК несколько раз встречались и с представителем ЕА в США, председателем исполнительного совета ВЕК Гольдманом. На этих встречах Гольдман выступал в качестве одного из руководителей ВЕК, однако сама фигура Гольдмана – одного из признанных лидеров международного сионистского движения и его статус представителя ЕА в США позволяли де-

²³⁰ Допрос подсудимого И.С. Фефера // Неправедный суд... С. 25.

²³¹ Допрос подсудимого И.С. Фефера // Неправедный суд... С. 25.

²³² Там же. Из контекста этого и других заявлений И.С. Фефера в США следует, что выражение «с еврейской культурой обстоит дело плохо» означает в его высказываниях утрату советскими евреями собственных национальных черт, их растворение в культуре тех советских народов, среди которых они проживают.

²³³ Допрос подсудимого И.С. Фефера // Неправедный суд... С. 25.

легатам ЕАК воспринимать его как влиятельного сионистского политика²³⁴. Примечательна в этой связи характеристика ВЕК, данная Михоэлсом и Фефером год спустя: «ВЕК объединяет большинство еврейских общественных организаций всех стран. Находясь целиком под влиянием сионистов, внешне конгресс не выступает как партийная организация, а стремится привлечь на свою сторону общественные организации всех политических направлений»²³⁵. Миссию Михоэлса и Фефера Гольдман рассматривал как многообещающее начало новой эры в отношениях еврейства и сионистского движения с СССР. Гольдман, вероятно, верил в советскую поддержку еврейского и сионистского движения, с началом Второй мировой войны он неоднократно встречался с советскими дипломатами. Перед делегатами ЕАК Гольдман поднимал ряд вопросов, в том числе о возможности посредничества ЕАК в отношениях между ВЕК и советским правительством, о помощи еврейским беженцам в СССР и об эмиграции еврейских беженцев из Советского Союза²³⁶.

Во время американского турне делегатов ЕАК к Михоэлсу обратился представитель «Джойнт» Розенберг с предложением оказать помощь евреям, пострадавшим во время войны. В связи с этим Громыко получил еще одну телеграмму за подписью Молотова с указанием Михоэлсу и Феферу «встретиться с Розенбергом и переговорить об условиях, на которых Советский Союз может принять предлагаемую «Джойнтом» помощь»²³⁷. Михоэлсу от имени правительства СССР разрешалось вести переговоры с «Джойнтом». При этом Михоэлс должен был сообщить представителю Розенбергу условия Москвы: «оказание помощи без разделения по национальному признаку через Красный Крест и без допуска представителей «Джойнта» в Советский Союз»²³⁸. По свидетельству Фефера, переговоры Михоэлса с Розенбергом не заладились: «С ним [Розенбергом] у нас был всего один разговор и непро-

²³⁴ Допрос подсудимого И.С. Фефера // Неправедный суд... С. 28.

²³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 246. Л. 189.

²³⁶ Еврейский антифашистский комитет в СССР... С. 187.

²³⁷ Допрос подсудимого С.А. Лозовского // Неправедный суд... С. 172.

²³⁸ Допрос подсудимого И.С. Фефера // Неправедный суд... С. 25.

должительный, так как он разговаривал только по-английски, а мы этого языка не знали»²³⁹.

ЕАК являлся специфическим инструментом советской внешней политики, обеспечивающим развитие контактов советского руководства с международным сионистским движением, фактически он выступал в качестве своеобразного посредника между высшим советским руководством и СО. Какую роль сыграла миссия Михоэлса–Фефера в США и Великобритании 1943 г. в деле установления отношений между советским руководством и СО в годы Великой Отечественной войны?

Во-первых, информационно-пропагандистская деятельность ЕАК оказала существенное влияние на общественное мнение за рубежом, в том числе и на сионистские круги, в пользу усиления среди них просоветских настроений. По выражению одного из лидеров Комитета писателей журналиста Голдберга миссия Михоэлса–Фефера в США «перевернула мир»²⁴⁰.

Во-вторых, деятели ЕАК регулярно собирали, обрабатывали и направляли в ЦК ВКП(б) «информационные материалы»²⁴¹ о деятельности СО и ситуации в Палестине, которые позволили советскому руководству пересмотреть свои взгляды на международное сионистское движение в сторону более адекватной оценки его возможностей и роли в международных отношениях.

В-третьих, делегация ЕАК в США имела прямое задание от НКВД – «установить под руководством нашей резидентуры в США контакты с американским сионистским движением... чтобы заручиться поддержкой амери-

²³⁹ Там же. С переговорами Михоэлс-Розенберг связано происхождение так называемого проекта «Калифорния в Крыму». Подробнее см.: Судоплатов П. А. Спецоперации... С. 464-470; Царевская Т.В. Крымская альтернатива Биробиджану и Палестине // Отечественная история. 1999. № 2. С. 121-125; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина... С. 428-445.

²⁴⁰ Допрос подсудимого П.Д. Маркиша // Неправедный суд... С. 66-67. Ср.: Сообщение ТАСС о митинге в Нью-Йорке в честь С. М. Михоэлса и И. С. Фефера // Правда. 1943. 16 июля..

²⁴¹ ЕАК регулярно получал официальную информацию от десятка крупнейших зарубежных сионистских и общественных еврейских организаций США, Великобритании и Палестины. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 76. Л. 17, 24–25. Отдельные лица, например лидер Комитета писателей журналист Б.-Ц. Голдберг, передавали в ЕАК материалы о внешней политике США и Великобритании. Допрос подсудимого С.А. Лозовского // Неправедный суд... С. 183.

канской общественности и получить кредиты, необходимые для развития металлургической и угольной промышленности»²⁴². С этой задачей Михоэлс и Фефер блестяще справились. Наконец, миссия Михоэлса–Фефера оказала обнадеживающее воздействие и на общественное настроение в «еврейском национальном очаге». По данным палестинской референтуры БВО НКВД СССР, ведущие газеты еврейской общины расценили вашингтонскую встречу советского посла в США и представителей ЕАК с Вейцманом как свидетельство позитивного изменения позиции Москвы по отношению к сионизму. Иерусалимский бюллетень Палестинского Еврейского Телеграфного Агентства «ПАЛКОР» («Palestine Correspondence») от 15 августа 1943 г. привел высказывание Вейцмана по его возвращению в Лондон, в котором президент СО выразил «надежду на дальнейшее укрепление и расширение связей советского еврейства с еврейством других стран уже отныне и, особенно, в послевоенном периоде»²⁴³. Лидеры сионистского движения прекрасно понимали, что для воплощения этих надежд в реальность необходимо изменить негативное отношение Кремля к сионизму.

Общение представителей политического департамента ЕА с советскими дипломатами нередко оставляла у сионистских деятелей неприятный осадок из-за того, что предмет их гордости – трудовые завоевания евреев Палестины, их вклад в борьбу против фашизма – были совершенно неизвестны советским дипломатам или даже ставились ими под сомнение. В своем отчете о беседе с послом СССР в Турции С.А.Виноградовым, состоявшейся в Анкаре 6 декабря 1941 г., сотрудник политического департамента ЕА Э. Эпштейн сообщал: «Посол попросил меня рассказать о социальном составе еврейского населения страны. Я был крайне изумлен и оскорблен, когда Виноградов с наивно-удивленной интонацией спросил: "А что, евреи в Палестине действительно работают?" Тут только я в полной мере осознал, какую промывку мозгов устроила враждебная коммунистическая пропаганда, пред-

²⁴² Судоплатов П. А. Спецоперации... С. 465. Перед отъездом в США Михоэлс и Фефер прошли личный инструктаж у Берии. Там же. С. 468.

²⁴³ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.9.

ставлявшая народам СССР еврейское население Палестины как чисто империалистическое и эксплуататорское движение... Общее впечатление от беседы с послом и его секретарем можно суммировать одной фразой: полная неинформированность и большое желание узнать»²⁴⁴. Последнее замечание вселяло оптимизм. С начала регулярных контактов между СО и НКВД СССР, сионистские деятели постоянно передавали в Москву различного рода информацию, свидетельствующую о прогрессивном воздействии еврейской колонизации на все стороны жизни в «земле обетованной». При этом сионисты стремились подчеркнуть, прежде всего, родство этих преобразований с общественным строем, утвердившемся в СССР. Еще в октябре 1941 г. Бен-Гурион предлагал ЕА «направить в Москву делегацию из двух-трех человек с целью... убедиться, что Москва четко понимает роль и значение профсоюзного движения в Палестине для еврейского народа и всего профсоюзного движения в целом»²⁴⁵.

Наиболее полно данный подход проявился в «Меморандуме о СССР и целях сионистов» президента СО Вейцмана, переданном им советскому послу в Великобритании Майскому 2 марта 1942 г. В нем отмечалось: «Три основополагающих аспекта советской социальной философии воплощаются в государственной структуре, которую создает в Палестине сионистское движение

- коллективная собственность (а не корыстолюбие частника) является ведущим принципом и целью экономической системы;
- общество предоставляет равные права работникам умственного и физического труда и, следовательно, обеспечивает широчайшие возможности для развития интеллектуальной жизни и труда;

²⁴⁴ Отчет сотрудника Политического департамента ЕА Э. Эпштейна о беседах с послом СССР в Турции С.А. Виноградовым. 25 января 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 28-29.

²⁴⁵ Запись беседы председателя правления ЕА Д. Бен-Гуриона с послом СССР в Великобритании И.М. Майским. 9 октября 1941 г. // Советско-израильские отношения... С. 24.

- ...сионисты, как и СССР, развивают плановую экономику, т.к. и тем и другим приходится строить современное, развитое общество в экономически слаборазвитых странах, при этом они должны видоизменять человеческий материал, используемый в работе»²⁴⁶.

Поэтому, писал Вейцман, «для взаимопонимания нет непреодолимых психологических барьеров, сионистское движение никогда не испытывало антагонизма к советской социальной психологии». И хотя «сионисты осуществляют свою деятельность в небольших масштабах, но приобретенный ими опыт позволяет им оценить деятельность СССР, которая осуществляется в неизмеримо большем масштабе». Кроме того, президент СО подчеркивал, что «огромное большинство сторонников сионизма имеют тесные личные и семейные связи с СССР и испытывают особый интерес и симпатию по отношению к советским людям». «С восторгом и пониманием» воспринимают сионисты и тот «героизм, с которым советский народ отражает натиск нацистов и защищает общечеловеческие ценности»²⁴⁷.

В заключение президент СО констатировал: «Нельзя позволить прошлым недоразумениям стать препятствием для развития отношений между СССР и сионизмом». Сионисты, отмечал он, «никогда не относились враждебно к советскому правительству, к СССР, где проживает почти 1/3 мирового еврейства»²⁴⁸. Аналогичные идеи Вейцман стремился донести до советского руководства и через Литвинова во время своего посещения США весной 1942 г., с тем, чтобы оно, как сообщал в Москву советский полпред, было «в курсе дела к моменту мирной конференции, на которой еврейский вопрос должен получить окончательное разрешение»²⁴⁹.

²⁴⁶ Письмо президента СО Х. Вейцмана послу СССР в Великобритании И.М. Майскому. 2 марта 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 39.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Запись беседы посла СССР в США М.М. Литвинова с президентом СО Х. Вейцманом и представителем ЕА в Вашингтоне Н. Гольдманом. 6 мая 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 24.

Директор Политического департамента ЕА М.Шерток говорил Майскому весной 1943 г. о поддержке еврейской Палестиной борьбы СССР против нацизма. Будущий первый министр иностранных дел Израиля обратил внимание советского посла на пролетарский характер «еврейского национального очага» и идейно-политическую близость советского и еврейского опыта государственного строительства: «Не во всех политических и социальных вопросах наш рабочий класс стоит на тех же позициях, что и вы ..., но он с огромным уважением относится к тому, как вы строите свое общество, свое государство. При всех различиях он считает, что принадлежит с вами к одному лагерю»²⁵⁰.

В один ряд с процитированным меморандумом президента СО следует поставить «Памятную записку об отношениях между сионистским движением и Советской Россией», подготовленную в мае 1943 г. представителем ЕА в США Н. Гольдманом для президента Чехословакии Э.Бенеша, выразившего раннее «готовность обсудить наши [сионистов] проблемы с властями Советской России». Гольдман указал две причины, являвшихся «основанием для враждебности России к сионизму в прошлом»:

1. «Отчасти это являлось отголоском внутренней идеологической борьбы за доминирующее влияние на жизнь евреев в царской России между сионистами, которые видели окончательное решение еврейской проблемы в создании еврейской Палестины, и еврейскими коммунистами, которые утверждали, что единственным решением является мировая революция»;

2. «Отчасти это было отражением натянутых отношений, которые в течение многих лет складывались между Великобританией и Россией ... Советская Россия считала сионизм проводником британских интересов на

²⁵⁰ Сообщение директора Политического департамента ЕА М.Шертока о беседе с послом СССР в Великобритании И.М.Майским на заседании Исполкома Гистадрута. 29 апреля 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 71.

Ближнем Востоке и, выражаясь языком коммунистов, представителем британского империализма в этом регионе»²⁵¹.

Обе причины, по мнению Гольдмана, уже отошли в прошлое. Внутренняя борьба между российскими сионистами и российскими коммунистами-евреями давно завершилась – «новое поколение евреев в России не помнит о ней». Враждебность между СССР и Великобританией сменилась их тесным сотрудничеством в борьбе против гитлеризма – «Советская Россия и Великобритания являются уже не врагами, а союзниками как во время войны, так и в последующий период». «Ситуация изменилась коренным образом ... настало время пересмотреть подход Советской России к сионизму и установить отношения взаимопонимания», – делал вывод Гольдман²⁵². По его мнению, «естественные симпатии в Советском Союзе» должны были вызвать «общинные поселения и другие формы сельскохозяйственной и промышленной организации труда в Палестине, основанные на принципах кооперации и национальной собственности на землю». Представитель ЕА в США обращал внимание и на тот факт, что «большая, если не самая большая, часть первых поселенцев и создателей современной Палестины были русские евреи с естественной симпатией по отношению к России, в которой, в отличие от царской России, больше не существует антисемитских настроений»²⁵³.

ЕА регулярно отправляло в советские посольства и торгпредства информационные материалы о Палестине с тем, чтобы Москва смогла узнать о трудовых достижениях «еврейского национального очага», оценить перспективы его развития, познакомиться с вкладом палестинских евреев в общую борьбу с нацизмом. Однако, представители СССР не всегда могли ознакомиться с материалами ЕА, так как большинство последних было на английском языке. «... я предложил передать ему [торгпреду СССР в Турции

²⁵¹ Письмо представителя ЕА в Вашингтоне Н. Гольдмана президенту Чехословакии Э. Бенешу. Приложение. 27 мая 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 77.

²⁵² Письмо представителя ЕА в Вашингтоне Н. Гольдмана президенту Чехословакии Э. Бенешу. Приложение. 27 мая 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 77-78.

²⁵³ Письмо представителя ЕА в Вашингтоне Н. Гольдмана президенту Чехословакии Э. Бенешу. Приложение. 27 мая 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 78-80.

А.Потапову] в письменном виде более подробную информацию о нашей экономике и ее отраслях, - сообщал сотрудник Политического департамента ЕА в своем отчете. – Для этого я воспользовался несколькими выпусками "Палестайн энд Мидл Ист" ... но поскольку в посольстве не оказалось ни одного человека, который бы владел английским, мне пришлось перевести соответствующие статьи на русский»²⁵⁴. В 1944 г. ЕА издало специальный информационно-пропагандистский сборник на русском языке, посвященный вопросам развития торговых сношений между Палестиной и Советским Союзом²⁵⁵.

Летом 1942 г. состоялся первый официальный визит советских дипломатов в Палестину. 22 августа 1942 г. для участия в качестве почетных гостей в работе I съезда левосионистской организации Лига в защиту Советской России (Лига «V»)²⁵⁶ в Палестину прибыли первый секретарь советского посольства в Анкаре С.С. Михайлов и пресс-атташе посольства Н.А. Петренко. Их визит стал крупнейшим событием общественно-политической жизни «еврейского национального очага». В глазах сионистской левой, тем более просоветской ее части, он означал едва ли не «дипломатическое признание» Советским Союзом еврейской Палестины. Во время открытия I съезда Лиги «V», проходившего в Иерусалиме, над президиумом съезда было вывешено четыре флага: в центре – флаг СССР и бело-голубой со щитом Давида в центре флаг сионистского движения (с 1948 г. – флаг Государства Израиль), слева от них флаг Великобритании, справа – США. По словам председателя съезда Лиги «V» С.А.Капланского, обращенным к «представителям Советского правительства, тов. С.С. Михайлову и Н.А. Петренко» в их присутствии на съезде его участники видят «ободряющий нас симптом того, что Со-

²⁵⁴ Отчет сотрудника Политического департамента ЕА Э. Эпштейна о беседах с послом СССР в Турции С.А. Виноградовым. 25 января 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 37.

²⁵⁵ Палестина: ее хозяйство и внешняя торговля. Сборник, посвященный вопросам развития торговых сношений между Палестиной и Советским Союзом. Ерусалим, 1944.

²⁵⁶ В документах НКВД СССР Лига «V» часто именовалась «Еврейская лига "Ви"».

ветское правительство ... готово завязать дружеские отношения ... с еврейской Палестиной»²⁵⁷.

В ходе недельного визита в Палестину Михайлов и Петренко провели ряд встреч с политическими и общественными деятелями «еврейского национального очага». «После длительного периода полной оторванности еврейской Палестины от Советской России казалось, что эти люди [Михайлов и Петренко] прибыли с другой планеты», – вспоминал один из основателей Лиги «V» С.Цирюльников. «Сравнительно молодые люди, представители поколения, не знавшего борьбы против сионизма в прошлом, они оставляли хорошее впечатление и были очень тепло встречены»²⁵⁸. Советские дипломаты беседовали с представителями ЕА, Ваад леуми и Гистадрута. «В Тель-Авиве в их честь было созвано специальное заседание Исполнительного комитета "Гистадрут"». Лидеры еврейской Палестины стремились непосредственным образом продемонстрировать официальным представителям советского государства все те социально-экономические преобразования, которые были осуществлены сионистами на «земле обетованной». «Наша главная просьба к Вам, – сказал, обращаясь к Михайлову и Петренко генеральный секретарь Гистадрут Д. Ремез, – уделите как можно больше времени для ознакомления с тем, что мы создали в Палестине, будучи в ней вне-государственным организмом. Мы в исключительной степени заинтересованы в предоставлении Вам возможности ... видеть и познать наши достижения в трех основных пунктах: в экономическом развитии страны, в возрождении нашего народа и в претворении на практике основ социалистических и международных принципов». В последнем случае речь шла об интернационалистическом подходе к решению многих проблем в Палестине, но, пояснил Д.Ремез, «интернационализм, требующий от нас – и только от нас – отказа от наших национальных притязаний – глубоко чужд нам»²⁵⁹.

²⁵⁷ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 40-42.

²⁵⁸ Цирюльников С. Исповедь на пепелище. Из воспоминаний бывшего секретаря Общества советско-израильской дружбы // Время и мы. 1979. №42. С. 181.

²⁵⁹ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 78.

Помимо Иерусалима, Михайлов и Петренко побывали в Назарете, Тивериаде и Хайфе. В сопровождении членов Исполкома Гистадрута они посетили опытную ферму «Хават Галимуд» вблизи Иерусалима, киббуцы Иорданской долины (Афиким, Нагадал, Ашдот Яков и др.), в том числе организованный движением Гашомер Гацаир коммунистический квуцот «Мааборот». Михайлов и Петренко побывали на Мертвом море, где им были показаны заводы по производству поташа.

Какое впечатление произвела на советских дипломатов встреча с еврейской Палестиной? В своих ответных речах на приветствия они признавали несомненные достижения еврейских трудящихся. «Мы были уверены, что найдем здесь выжженные солнцем пустыри и пресловутые "три пальмы", – сказал в киббуце Афиким Петренко. – Уже Тель-Авив вызвал наше удивление. Еще большее впечатление на нас произвели Ваши поселки во всем их разнообразии, ... все то, что еврейские рабочие создали тут в такой короткий срок»²⁶⁰. Советские дипломаты поддерживали тезисы своих собеседников о сходстве советского и еврейско-палестинского опыта коллективного хозяйствования, но оставляли без комментариев заявления о том, что советским трудящимся есть чему поучиться у еврейских коммунаров. В специальной записке директору Политического департамента ЕА Шертоку глава департамента печати и информации ЕА Клинов сообщал: «...хотя в большинстве случаев они [Михайлов и Петренко] тщательно избегали разговоров на эту тему [о сионизме], иногда правда выходила наружу. Так, Рубашов упомянул, что Михайлов сказал ему: "Достижения огромны, но сионизм, сионистское движение..."»²⁶¹. Действительно, из письма Михайлова заведующему Ближневосточным отделом НКВД СССР И.В.Самысловскому хорошо видно, что демонстрация успехов освоения еврейскими колонистами Палестины вос-

²⁶⁰ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 82.

²⁶¹ Записка директора департамента печати и информации правления ЕА И. Клинова директору политического департамента правления ЕА М. Шертоку. 30 августа 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 47.

принималась советским дипломатом исключительно как пропаганда антисоветского в своей сущности сионизма²⁶².

Важным моментом «просвещения» сионистскими деятелями партийно-советского руководства было представление мирового еврейства как единой национальной общности, а сионизма – как национально-освободительного движения еврейского народа. «Полмиллиона евреев-воинов – и это по приблизительным и минимальным подсчетам – сражаются на противонацистских фронтах. Удельный вес количества еврейских солдат сравнительно с общей численностью мирового еврейства вовсе не мал», – отмечал в этой связи в августе 1943 г. «Palestine Correspondence», номера которого регулярно отправлялись в Москву²⁶³. «Невозможно, чтобы Вы не почувствовали, что в этой стране растет освободительное и социальное движение еврейского народа, и что оно является естественным союзником того могучего процесса национального и социального освобождения, который вызван к жизни в Вашей стране», – говорил представитель Хашомер Хацаир Меир Яари на встрече с Михайловым и Петренко в «коммунистическом квуче» Мааборот²⁶⁴. Один из лидеров Лиги «V» Зерубавел высказывал надежду, что «советские люди, свободные от предрассудков, способны понять освободительный характер сионистского строительства Палестины во всем его историческом аспекте»²⁶⁵.

Некоторые ответы из СССР воспринимались в «еврейском национальном очаге» как свидетельство готовности Москвы принять такую трактовку сионизма. Зерубавел, например, ссылался на приветственную телеграмму ЕАК съезду Лиги «V», в которой говорилось: «в Палестине евреи своей творческой инициативой и энергией создали для себя условия независимой и сво-

²⁶² Из письма первого секретаря посольства СССР в Турции С.С.Михайлова члену правления ВОКС Л.Д.Кисловой и заведующему Ближневосточным отделом НКВД СССР И.В.Самысловскому. 9 августа 1944 г. // Советско-израильские отношения... С. 95-96.

²⁶³ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.1.

²⁶⁴ Еврейство Палестины – народам СССР... С.83.

²⁶⁵ Еврейство Палестины – народам СССР.... С.6.

бодной национальной жизни»²⁶⁶. Однако такие оценки могли звучать лишь в специальных внешних заявлениях. Ничего подобного внутри Советского Союза не говорилось²⁶⁷. Утверждения о национальном единстве мирового еврейства и позиционирование сионизма в качестве еврейского национально-освободительного движения ни только не принималось Москвой, но и явно раздражало партийно-советское руководство. Для него сионизм всегда был исключительно «буржуазным», «колонизаторским», «антисоветским» движением²⁶⁸.

Еще более возмутительными представлялись Москве настойчивые просьбы лидеров СО и «еврейского национального очага» разрешить проживающим в СССР евреям выезд в Палестину. С этим требованием столкнулись также Михайлов и Петренко. С.Цирюльников вспоминал: «Довольно скоро между ними [Михайловым и Петренко] и мной установились дружеские отношения и атмосфера полного доверия. Они жаловались, что во время их встреч в Еврейском Агентстве и Национальном совете им неизменно предъявляли требования – отпустить евреев из Советского Союза в Палестину, и это вызывало у них возмущение. Они говорили, что евреи Советского Союза входят в многонациональную братскую семью народов, от которой их не следует отрывать»²⁶⁹.

²⁶⁶ Зерубавел. Историческая встреча // Еврейство Палестины – народам СССР... С. 7.

²⁶⁷ В изданном в 1944 г. Государственным научным институтом «Советская энциклопедия» справочнике «Страны Ближнего и Среднего Востока» определение «национальное движение» применялось только по отношению к арабам, деятельность евреев в Палестине обозначалась как «сионистская колонизация». Страны Ближнего и Среднего Востока. М., 1944. С.12.

²⁶⁸ См.: Из письма первого секретаря посольства СССР в Турции С.С.Михайлова члену правления ВОКС Л.Д.Кисловой и заведующему Ближневосточным отделом НКВД СССР И.В.Смысловскому. 9 августа 1944 г. // Советско-израильские отношения... С. 95-96; Записка заведующего Ближневосточным отделом НКВД СССР И.В.Смысловского заместителю Народного комиссара иностранных дел СССР В.Г.Деканозову // Советско-израильские отношения... С. 103; Записка заместителя Народного комиссара иностранных дел СССР С.И.Кавтарадзе народному комиссару иностранных дел СССР В.М.Молотову. 31 марта 1945 г. // Советско-израильские отношения... С. 112-113 и др.

²⁶⁹ Цирюльников С. Исповедь на пепелище. Из воспоминаний бывшего секретаря Общества советско-израильской дружбы // Время и мы. 1979. №42. С. 181.

Особое значение для ЕА имела позиция советских дипломатов по «арабскому вопросу». С речью по проблеме еврейско-арабских отношений в Палестине на одной из встреч Михайлова и Петренко с кибуцниками выступил представитель коммуны Кфар Гилади Мани Шайхет. Его оценки отражали позицию сионистской левой. «Наша историческая участь, – сказал Мани Шайхет, – жить с этим народом в этой стране всегда, желаем ли мы этого или нет. Необходимо найти политическую и практическую форму взаимоотношений, где два народа разных культур могли бы автономно и свободно развиваться не борясь друг с другом, а помогая один другому». Главной помехой на пути сближения между еврейскими и арабскими массами докладчик назвал «империалистический режим на Ближнем Востоке, оставшийся верным своему старому римскому обычаю "Разделяй и властвуй"». Кроме того, негативное влияние на арабов оказывали «религиозные арабские круги» и «фашистская систематическая пропаганда». Разрешение «арабского вопроса» Мани Шайхет связывал с цивилизаторской миссией сионизма, которую, поняв, «что эмиграция еврейских масс в Палестину необходима и неизбежна», должны поддержать «прогрессивный мир и Советская Россия»²⁷⁰.

25 августа 1942 г. в Вифлееме первый секретарь советского посольства в Анкаре Михайлов встретился с палестинскими арабами. ЕА получило инсайдерскую информацию о беседе советского дипломата с арабскими деятелями. Некий «Левите из Эйн-Харода» сообщил главе департамента печати и информации ЕА Клинову: «В этой встрече участвовало более 30 арабов, среди них студенты и интеллигенция. Возможно, что среди них также были и коммунисты. Один из арабов говорил... что, хотя "на период войны мы заключили перемирие с империалистами и сионистами, мы надеемся, что после войны продолжим нашу традиционную борьбу". Однако Михайлов не проявил желания продолжать разговор в том же духе. Напротив, он говорил о том, что эта прекрасная земля предназначена для двух народов... Он отметил, что и евреи, и арабы исторически связаны с этой землей, здесь хватит

²⁷⁰ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 94-96.

места для обоих народов... Он подчеркнул, что новый мировой порядок будет основан на Атлантической хартии». Таким образом, Михайлов высказался за сосуществование в Палестине двух народов. «Левите из Эйн-Харода» считал, что заявление Михайлова было следствием его впечатлений от «больших достижений ишшува»²⁷¹. При том, что успехи сионистской колонизации явно не оставили Михайлова равнодушным, думается, что его высказывание определялось в первую очередь стремлением не испортить отношений с англичанами. Главной задачей советской дипломатии в тот период было укрепление и развитие союзнических отношений, на это указывает и ясная ссылка на Атлантическую хартию.

Визит Михайлова и Петренко в Палестину, их знакомство с положением дел в стране, участие в съезде Лиги «V», беседы с представителями ЕА, Ваад леуми и Гистадрута стали важным этапом в развитии отношений Москвы с «еврейским национальным очагом». Как отмечал в этой связи в своей записке Клинов, «они [Михайлов и Петренко] многое узнали здесь..., и можно с уверенностью предположить, что они представят свои доклады советскому послу в Анкаре и даже выше...»²⁷². Действительно, начиная с лета 1942 г. в среде советского руководства стал пробуждаться и нарастать интерес к сотрудничеству с еврейскими организациями Палестины²⁷³.

В октябре 1943 г. Палестину посетил видный советский дипломат, в 1932–1943 гг. полпред, чрезвычайный и полномочный посол СССР в Великобритании И.М. Майский. В июле 1943 г. Майский был вызван в Москву «для консультации по послевоенным вопросам»²⁷⁴. В Москве Майский узнал

²⁷¹ Записка директора департамента печати и информации правления ЕА И. Клинова директору политического департамента правления ЕА М. Шертоку. 30 августа 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 47.

²⁷² Записка директора департамента печати и информации правления ЕА И. Клинова директору политического департамента правления ЕА М. Шертоку. 30 августа 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 47.

²⁷³ Цфасман А. Евреи Палестины и Советский Союз в годы Второй мировой войны // Материалы Восьмой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 1. М., 2001. С. 122.

²⁷⁴ Майский Иван Михайлович. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943: в 2 кн. Кн.2, ч.2: 22 июня 1941–1943 год. М., 2006. С.322.

о своем назначении заместителем главы советского внешнеполитического ведомства. В сентябре он вернулся в Лондон, чтобы передать дела своему приемнику на посту посла СССР в Великобритании Ф.Т. Гусеву. Из Лондона Майский должен был вернуться в Москву «не самолетом, а морем и сушей... по маршруту Лондон – Каир – Иерусалим – Дамаск – Багдад – Керманшах – Тегеран – Тавриз»²⁷⁵. В своих воспоминаниях советский дипломат объясняет это турне состоянием здоровья своей супруги, которой «врачи запретили летать»²⁷⁶. Однако вряд ли это была единственная причина. Перед Майским стояли как минимум две задачи. Во-первых, восстановить дипломатические отношения между СССР и Египтом²⁷⁷ и, во-вторых, познакомиться с обстановкой в Палестине. Накануне отъезда Майского из Великобритании он имел «продолжительную беседу» с президентом СО Вейцманом, целью которой была подготовка визита нового заместителя наркома иностранных дел СССР в Палестину²⁷⁸.

14 сентября 1943 г. Майский с супругой отбыли из Шотландии на одном из судов английского конвоя, направлявшегося в Индию. В начале октября они прибыли в Каир, откуда утром 2 октября уже сухопутным путем отправились в Тегеран. Майский так описывал свое путешествие: «Англичане брали на себя ответственность за благополучие моего следования от Каира до Тегерана (ибо в то время на всем этом расстоянии не было еще никаких советских дипломатических учреждений), а в Тегеране они «сдавали» меня с рук на руки советскому посольству в Иране... Всего было четыре легковые машины и один грузовик. Наш первый перегон от Каира до Иерусалима оказался очень мучительным... Жара, несмотря на октябрь, была совершенно нестерпима! Солнце все время жгло немилосердно, до металлических частей

²⁷⁵ Майский И. М. Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. М., 1965. С. 387.

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Обстоятельства возобновления отношений с Египтом изложены в воспоминаниях Майского. Вопрос о советско-египетских отношениях Майский считал тогда «одним из первых дел». Там же. С. 372.

²⁷⁸ Из протокола заседания Лондонского бюро правления ЕА. 14 сентября 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 85.

автомобиля нельзя было дотронуться – они обжигали... Только к восьми часам вечера мы прибыли, наконец, в Иерусалим»²⁷⁹.

В Иерусалиме Майский остановился в доме-резиденции верховного комиссара Палестины Макмайкла. В своих воспоминаниях Майский описывает верховного комиссара как «опытного колониального администратора типично британского стиля... Судя по целому ряду признаков, он был настроен проарабски и антиеврейски. Это чувствовалось в его разговорах, в высказываниях членов его семьи и собиравшегося у них за столом общества». 3 октября Майский с супругой провели в Иерусалиме и его пригородах. «Весь следующий день, – вспоминал советский дипломат, – был посвящен осмотру окрестностей». С настроениями палестинских арабов Майского познакомил сотрудник мандатной администрации, «араб по национальности, который, не смотря на свою приверженность к Магомету, превосходно знал все христианские "святые места"». В «Воспоминаниях» Майский приводит рассказ своего «арабского гида» о ситуации в Иерусалиме: «В Иерусалиме 150 тысяч жителей... Арабы говорят: больше половины арабов, евреи говорят больше половины евреев, есть арабский город и есть еврейский город, между ними постоянная вражда»²⁸⁰.

Вечером 3 октября по просьбе Майского английские власти предоставили ему возможность посетить «еврейские поселения». Программа экскурсии была составлена по указанию верховного комиссара Палестины Макмайкла сотрудниками Иерусалимской штаб-квартиры ЕА. Она включала посещение двух поселений возле Иерусалима – Кирьят-Анавим и Маале-Хахамиша. Гидами Майского во время этой поездки были председатель правления ЕА Бен-Гурион и директор Департамента финансов и администрации ЕА Каплан. Сионистские лидеры придавали встрече с Майским большое значение. «Сейчас он [Майский] третий по значимости человек во внешней политике [СССР] сразу после Сталина и Молотова», – докладывал на

²⁷⁹ Майский И.М. Воспоминания советского посла. Война 1939-1943. М., 1965. С. 387-388.

²⁸⁰ Там же. С. 388.

следующий день Бен-Гурион правлению ЕА²⁸¹. Как следует из отчета Бен-Гуриона о его встрече с Майским, высокопоставленного советского дипломата интересовали следующие вопросы:

1. Позволят ли экономические возможности Палестины переселение туда после окончания войны новых еврейских эмигрантов?
2. Каковы планы СО на послевоенный период в отношении Палестины?
3. Какой социально-политический характер имеет деятельность сионистов в Палестине и каков ее конкретный результат?
4. Какую позицию по палестинскому вопросу занимают английская мандатная администрация и арабские лидеры?

Цель своего пребывания в Палестине Майский сформулировал в беседе с Бен-Гурионом следующим образом: «После войны еврейская проблема будет очень сложной, придется ее решать, мы должны выработать подходы, должны знать все. Нам говорят [англичане], что здесь в Палестине нет свободного места, – мы хотим знать, правда ли это, хотим составить себе представление о возможностях этой страны»²⁸². По сведениям Бен-Гуриона администрация верховного комиссара стремилась убедить Майского в невозможности расселения в пределах Палестины новых евреев-переселенцев. При этом английские чиновники ссылались на выводы комиссии Вудхеда²⁸³. Напротив, сионистское руководство в лице Бен-Гуриона и Каплана убеждало Майского в том, «что здесь [в Палестине] есть возможности для расселения [еще] двух миллионов евреев». По просьбе Майского ему была передана литература и статистические данные, «которые доказывали... возможности страны для приема новых репатриантов». Чтобы убедить советского дипломата в верности своих расчетов, Бен-Гурион и Каплан ознакомили его с дос-

²⁸¹ Из протокола заседания правления ЕА. 4 октября 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 89.

²⁸² Цит. по: Из протокола заседания правления ЕА. 4 октября 1943 г. // Советско-израильские отношения... С.88.

²⁸³ Из протокола заседания правления ЕА. 4 октября 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 87.

тижениями еврейских колонистов – «посаженными нами лесами, плодовыми деревьями и всем прочим [там, где раньше была пустыня]». Особое внимание Майский уделил сионистским программами дальнейшего освоения Палестины: «общим идеям заселения и ирригации»²⁸⁴.

Для руководства ЕА особенно важным было продемонстрировать советскому дипломату «социалистический аспект» еврейской колонизации Палестины. Несомненно, что он живо интересовал и самого Майского. «Он [Майский] все время задавал вопросы о коллективных хозяйствах, – писал Бен-Гурион в своем отчете, – Еще в Лондоне (Бен-Гурион встречался с Майским в Лондоне в октябре 1941 г. – М.А.) мне показалось, что он нас подозревает в выдумках, – ведь мы здесь сделали то, что они не осмеливаются сделать у себя в России». Успехи сионистских коллективных хозяйств были представлены Майскому в Кирьят-Анавим. Бен-Гурион отмечал в этой связи: «Когда мы туда ехали, он [Майский] был просто поражен. Там действительно очень показательный маршрут, можно сравнить, что было раньше и что есть теперь. Молодые ребята все рассказали, показали хозяйство, объяснили, как организуется работа и распорядок дня. В Маале-Хахамиша он увидел более раннюю стадию создания хозяйства – и это произвело на него огромное впечатление»²⁸⁵.

Утром 4 октября Майский покинул Иерусалим. Визит в столицу Палестины «третьего по значимости человека во внешней политике [СССР] сразу после Сталина и Молотова» и его переговоры с высшим сионистским руководством в Лондоне и Иерусалиме открыли новую страницу в отношениях Москвы и СО. С начала 1944 г. НКВД СССР вплотную приступил к анализу палестинской проблемы как одного из вопросов послевоенного урегулирования. Значение переговоров с Майским в октябре 1943 г. понимали и сионистские лидеры. Бен-Гурион отмечал в этой связи: «Сейчас нам надо работать с

²⁸⁴ Там же. С. 88.

²⁸⁵ Там же.

максимальной отдачей, поскольку появилось еще одно государство, проявившее заинтересованность в этом [палестинском] вопросе»²⁸⁶.

Во время Великой Отечественной войны были сделаны шаги к восстановлению между Советским Союзом и Палестиной торговых отношений, пресекшихся в конце 1930-х гг. В декабре 1941 г. состоялась встреча сотрудника политического департамента ЕА Э. Эпштейна с торгпредом СССР в Стамбуле А. Потаповым. «По словам Потапова, – сообщал Эпштейн, – особый интерес для русских представляет медицинская, химическая и фармацевтическая промышленность Палестины... Наконец, надо решить вопрос об открытии в Палестине представительства "Совкино" для продажи советских фильмов, поскольку, по словам Потапова, поступает все больше заказов от владельцев кинотеатров, особенно в Тель-Авиве». По свидетельству Эпштейна, ссылавшегося на посла СССР в Турции С.А. Виноградова и торгпреда Потапова, в январе 1942 г. у Москвы было намерение «отправить в Палестину представителя, который занимался бы прежде всего экономическими вопросами»²⁸⁷. В связи с регулярными обращениями в торгпредство СССР в Турции деловых кругов «еврейского национального очага» с предложениями о торговле с Советским Союзом временно поверенный в делах СССР в Турции М.А. Костылев писал 22 июня 1942 г. заведующему Средневосточным отделом НКВД СССР С.И. Кавтарадзе о желательности «иметь в Палестине советского человека, хотя бы под видом постоянного представителя какой-либо торговой организации СССР». Важно отметить, что при этом советский дипломат подчеркивал «не столько торговое, сколько политическое значение» коммерческих отношений СССР с еврейской Палестиной²⁸⁸. Действительно, налаживание

²⁸⁶ Из протокола заседания правления ЕА. 4 октября 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 89.

²⁸⁷ Отчет сотрудника Политического департамента ЕА Э. Эпштейна о беседах с послом СССР в Турции С.А. Виноградовым. 25 января 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 36.

²⁸⁸ Письмо временного поверенного в делах СССР в Турции М.А. Костылева заведующему Средневосточным отделом НКВД СССР С.И. Кавтарадзе. 22 июня 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 46-47.

разнообразных контактов с «еврейским национальным очагом» способствовало постепенному наращиванию советского влияния в Палестине.

Действуя в этом направлении, посольство СССР в Турции еще в октябре 1941 г. предлагало НКВД открыть в Палестине советское консульство для облегчения процесса регистрации проживающих там около 400 советских граждан. Наркомат счел постановку этого вопроса по инициативе СССР невыгодной, «так как англичане могут попросить разрешение на открытие консульства в Баку или во Владивостоке». В декабре 1941 г. Виноградов получил разрешение от британского посла в Анкаре Хьюгессена на визит в Палестину консульского работника советского посольства, однако «по дополнительному указанию НКВД поездка в Палестину была отложена»²⁸⁹. В июле 1943 г. в ответ на новое обращение посольства СССР в Турции по тому же вопросу Форин Офис разрешил лишь краткосрочную поездку в Палестину советского консульского работника, подчеркнув при этом, что «о постоянном консульском представителе в британской колонии, пока нам не будет позволено иметь британских консулов в России, не может быть и речи»²⁹⁰. Весной 1945 г. в связи с ростом интереса Москвы к ситуации в Палестине и вокруг нее НКВД СССР инициировал через советского посла в Лондоне переговоры с Форин Офис об открытии в Палестине советского консульства²⁹¹. Однако первое дипломатическое представительство СССР на «святой земле» появилось только после возникновения Государства Израиль.

Предприятия еврейской Палестины были заинтересованы в приобретении ими в СССР хлопковых, льняных, конопляных и свекловичных

²⁸⁹ Записка консульского отдела НКВД СССР заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В.Г. Деканозову. 15 мая 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 73.

²⁹⁰ PRO FO 371/35046

²⁹¹ Записка заместителя народного комиссара иностранных дел СССР С.И.Кавтарадзе народному комиссару иностранных дел СССР В.М.Молотову. 31 марта 1945 г. // Советско-израильские отношения... С. 113.

семян, буковых или дубовых бочек, удобрения и тысячу тонн железа в обмен на медикаменты и химико-фармацевтические товары²⁹². Однако, наркомат внешней торговли (НКВТ) СССР был вынужден отклонить предложение палестинской стороны «в силу невозможности удовлетворить в настоящее время их запрос»²⁹³. В 1942 г. палестинская фирма «Шенфельд» заключила договор с советским торгпредством в Турции на продажу ей 20 длиннометражных и 8 короткометражных фильмов и 100 киножурналов всего на сумму около 24 тыс. ам. долларов. Вся выручка от сделки должна была пойти на «закупку в Палестине... медикаментов, химико-фармацевтические товаров и медприборов». Сделка не состоялась, т.к. «вследствие каких-то новых распоряжений, касающихся выезда из Палестины евреев, Шенфельд не смог выехать в Стамбул»²⁹⁴. Интерес к еврейской Палестине проявляли и различные советские торговые организации. Так, летом 1943 г. Государственное объединение розничной торговли (Розторг) обращалось к Лиге «V» с запросом о возможности закупки в Палестине большой партии одеял²⁹⁵. В 1944 г. в Палестине было организовано бюро по установлению торговых отношений с СССР²⁹⁶.

В целом в годы войны торговые отношения между СССР и «еврейским национальным очагом» так и не были восстановлены. Причиной этого являлось, прежде всего, отсутствие излишков или ограниченные возможности экспортного производства в СССР тех товаров, которые желали приобрести «палестинские купцы». Кроме того, из-за войны были прерваны

²⁹² Письмо временного поверенного в делах СССР в Турции М.А. Костылева заведующему Средневосточным отделом НКВД СССР С.И. Кавтарадзе. 22 июня 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 46.

²⁹³ Письмо временного поверенного в делах СССР в Турции М.А. Костылева заведующему Средневосточным отделом НКВД СССР С.И. Кавтарадзе. 22 июня 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 46.

²⁹⁴ Письмо временного поверенного в делах СССР в Турции М.А. Костылева заведующему Средневосточным отделом НКВД СССР С.И. Кавтарадзе. 22 июня 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 46.

²⁹⁵ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.24.

²⁹⁶ Записка заместителя народного комиссара иностранных дел СССР С.И.Кавтарадзе народному комиссару иностранных дел СССР В.М.Молотову. 31 марта 1945 г. // Советско-израильские отношения... С. 113.

наиболее удобные морские пути коммуникации СССР и Палестины. Наконец, серьезные затруднения для торговых операций создавали введенные британской администрацией ограничения на перемещения евреев Палестины и отсутствие на «земле обетованной» советского консульства и советского торгового представительства. Возобновление торгово-экономических отношений между СССР и еврейской Палестиной Правление ЕА связывало с окончанием войны: «Эта тенденция – роста палестинской внешней торговли – выявится после войны ... в связи с ожидающейся иммиграцией, возобновлением жилищного и промышленного строительства и дальнейшим расширением и интенсификацией сельского хозяйства. Этот рост будет сопровождаться, в первую очередь, развитием торговых сношений со странами, географически близкими к Палестине ... Среди этих стран видное место принадлежит СССР»²⁹⁷.

Итак, установление в годы Великой Отечественной войны постоянных контактов между советским руководством и СО, знакомство советских дипломатов с достижениями и проблемами еврейской Палестины позволили Москве составить более ясное представление о целях международного сионистского движения, ситуации в «еврейском национальном очаге» и вокруг него. Это обстоятельство, а также широкое движение солидарности евреев Палестины с Советским Союзом, развернувшееся с самого начала Великой Отечественной войны, способствовали переосмыслению советским руководством места Палестины в новом послевоенном мире и в советской внешней политике.

²⁹⁷ Палестина: ее хозяйство и внешняя торговля. Сборник посвященный вопросам развития торговых сношений между Палестиной и Советским Союзом. Ерусалим, 1944. С.3.

2.3. Движение в поддержку СССР в еврейской Палестине

Отношение еврейской Палестины к Советскому Союзу, всегда неоднозначное, в период с заключения советско-германского пакта о ненападении до вторжения германских войск в СССР было крайне противоречивым. С одной стороны, советское правительство прилагало немало усилий к искоренению антисемитизма как явления, по словам Сталина, «глубоко враждебного советскому строю»²⁹⁸, с другой – находилось, как писала западная пресса, фактически в союзнических отношениях с нацистской Германией. Вплоть до 22 июня 1941 г. вопрос о том, на чьей стороне Советский Союз вступит в конечном итоге в войну, оставался открытым. Поэтому начало масштабной битвы на «фронте от Арктики до Черного моря» было воспринято палестинским еврейством одновременно и с облегчением, и с надеждой, и с готовностью мобилизовать все свои силы на бескомпромиссную борьбу с нацизмом. Вот как выразил эти чувства один из лидеров Поалей Цион (рабочих Сиона), яркий публицист Я. Зрубавел: «...еврейство Палестины, независимо от его общественной и политической дифференциации, восторженно приветствовало вступление Советского Союза в войну против Гитлера; оно осознало, что лишь теперь война примет ясно выраженный характер борьбы против фашизма, оно поняло, что будет это война на жизнь или смерть, война без компромиссов и уклонов, ибо нет и не может быть компромисса между фашизмом и Советским Союзом. Столкновение между ними могло – по тем или иным расчетам и мотивам – быть отсрочено, но раз обе эти силы столкнулись – нет пути к отступлению»²⁹⁹.

Нельзя не заметить определенной симметрии в международном положении «еврейского национального очага» и СССР в 1939–1941 гг. Крах надежд сионистов на сотрудничество с Великобританией в деле противостояния «арабскому терроризму» (Сент-Джеймская конференция, февраль – март

²⁹⁸ Сталин И.В. Об антисемитизме: ответ на запрос Еврейского телеграфного агентства из Америки // Сталин И.В. Сочинения. Т.13. С. 28.

²⁹⁹ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 4-5.

1939 г.) привел их, как и Советский Союз, после провала имевших целью обуздание германской агрессии в Европе англо-франко-советских переговоров (Московская конференция, апрель–август 1939 г.), к необходимости налаживания отношений с Германией. При всей разности масштабов и целей такого сотрудничества, Москва и еврейская Палестина в указанный период приобрели типологически схожий опыт «компромиссов и уклонов». Гитлеровский антисемитизм поначалу расценивался лидерами еврейской Палестины в духе классических сионистских идеологов конца XIX в., согласно которым антисемитизм считался вполне закономерной реакцией на «обособленность» евреев среди других народов, вызванную отсутствием у евреев собственной национальной жизни, в то время как все прочие народы уже представляли собой самостоятельные нации или переживали «национальное возрождение». «... наше положение останется навеки непрочным и жалким, пока в нем не совершится коренной переворот, – писал Л. Пинскер. – Не гражданское равноправие в той или другой стране будет в состоянии произвести этот переворот, но только образование еврейской нации, народа, живущего на своей земле, равноправие которого с другими народами будет обеспечено путем нового обретения им своей древней родины»³⁰⁰. Желание евреев стать «нормальным» народом должно было, по мнению Т. Герцля, встретить понимание и поддержку со стороны других наций³⁰¹. Считалось, что на этой основе можно было договориться о содействии сионистскому движению с государственными деятелями-антисемитами. Вспомним переговоры Т. Герцля с министром внутренних дел Российской империи В.К. Плеве в 1903 г. В глазах лидеров «еврейского национального очага» антисемитизм Гитлера зачастую мало чем отличался от антисемитизма Плеве. «...даже в 1944 году, когда всем уже был известен масштаб нацистских зверств, [Берл Кацнельсон, один из создателей Гистадрут и Рабочей партии Эрец-Исраэль

³⁰⁰ Пинскер Л.С. Автоэмансипация. Призыв русского еврея к своим соплеменникам. Одесса, 1899. С.42.

³⁰¹ Герцль Теодор. Еврейское государство. Опыт новейшего разрешения еврейского вопроса. Одесса, 1896. С.41.

(МАПАЙ)] по-прежнему сравнивал их с кишневскими погромами – каплей в море вековых еврейских страданий – приводя этот пример, как самый значимый и показательный»³⁰². Этим обстоятельством во многом объясняется и сотрудничество ЕА с нацистскими спецслужбами в деле организации эмиграции евреев из нацистской Германии и подчиненных ей территорий в Палестину до осени 1940 г.

В 1930-е гг. в Палестину прибыли около 60 000 «бездомных, исторгнутых из привычной почвы беженцев от нацизма»³⁰³. Испытавшие на себе действие Нюрнбергских законов «о гражданстве Рейха» и «об охране германской крови и германской чести», лишившиеся вследствие «ариизации» германской экономики бизнеса и/или работы, прошедшие через моральные и физические унижения эмигранты из Германии являлись носителями того жизненного опыта, который исключал возможность «понимания» гитлеровского антисемитизма в духе Пинскера – Герцля. В тоже время антисемитизм успешно возвращался нацистскими пропагандистами в самой Палестине. В ходе «Великого арабского восстания» 1936–1939 гг. страны «Оси» выступили в роли союзников и, в определенной мере идеологов, повстанцев.

Наконец, осенью 1940 г. итальянская агрессия против Египта открыла непосредственные военные действия в Северной Африке, в ходе которых итальянские, а с весны 1941 г. – итало-германские войска стремились прорваться к Суэцкому каналу. В результате установления во Франции режима Виши еще один очаг угрозы войскам Великобритании и ее союзников на Ближнем Востоке возник в Сирии и Ливане. «Командование союзников потеряло не только важную базу в восточной части средиземноморского бассейна и надежный тыл вблизи нейтральной Турции, но и численность находившихся в его распоряжении сил сократилась после того, как значительная часть французской армии во главе с офицерами выразила верность прави-

³⁰² Рубинштейн А. От Герцля до Рабина и дальше. Сто лет сионизма. Мн., 2002. С.128.

³⁰³ Меир Г. Моя жизнь. Чимкент, 1997. С. 176.

тельству маршала Петена»³⁰⁴. В июле 1941 г. при поддержке британских войск Сирия и Ливан были заняты подразделениями «Свободной Франции». Однако угроза фашистского завоевания довлела над Палестиной вплоть до разгрома итало-германских войск в битве при Эль-Аламейне в ноябре 1942 г. В этих условиях все ведущие общественно-политические силы «еврейского национального очага» сошлись в оценке гитлеризма как их общего со всеми демократическими странами и чрезвычайно опасного врага.

Только с открытием североафриканского театра военных действий Ваад леуми возобновил сотрудничество с мандатной администрацией. Руководство Хаганы (ивр. – оборона, защита) – полуподпольных вооруженных сил «еврейского национального очага», подчинявшихся ЕА и насчитывавших около 20 000 чел. – призвало ее членов вступать в добровольные еврейские подразделения, создаваемые в рамках британской армии. О прекращении диверсионных операций и партизанских действий против находящихся в Палестине частей британской армии объявило командование Эцела – военной организации сионистов-ревизионистов, объединявшей около 1 000 чел. Вооруженную борьбу против англичан продолжила лишь выделившаяся из Эцела группировка Лехи – Борцы за свободу Израиля, члены которой продолжали поддерживать связи с нацистской Германией и ее союзниками³⁰⁵.

Нападение Германии на СССР породило в общественном мнении еврейской Палестины чувство глубокой сопричастности борьбе Советского Союза против гитлеризма. Сообщения о военных действиях на советско-германском фронте заняли центральное место на страницах палестинских еврейских газет. Общеизвестным стало мнение, что сражения на восточном фронте окажут решающее воздействие на исход всей войны³⁰⁶. Агрессия Германии против СССР зачастую прямо связывалось с битвой за Ближний Восток. «Как сейчас кажется совершенно ясным, – писала The Palestine Post

³⁰⁴ Кохен И. Всегда в строю. Записки израильского офицера. Иерусалим, 1987.

³⁰⁵ Heller J. The Stern Gang: ideology, politics, and terror, 1940–1949. L., 1995. P. 85; Sasson Sofer. Zionism and the foundations of Israeli diplomacy. N.Y., 1998. P. 254.

³⁰⁶ The Palestine Post. June, 24. 1941.

16 февраля 1942 г. в статье «Зона опасности – Кавказ», – нападение Германии на СССР определялось двумя мотивами – страхом перед советскими силами, которые могли стать угрозой флангу [итало-германских войск], если бы стратегический план захвата Суэца был доведен до конца; и стремлением захватить русскую нефть и продовольственные ресурсы, необходимые [странам Оси] для ведения затяжной войны»³⁰⁷. Позже, во время битвы за Кавказ летом 1942 – осенью 1943 гг., он часто назывался в еврейско-палестинской прессе «общим оплотом Советского Союза и Британской империи»³⁰⁸.

С начала Великой Отечественной войны еврейские сообщества активно включились в развернувшиеся на Западе общественные компании в поддержку СССР. Консолидации движения солидарности евреев разных стран с Советским Союзом способствовало организованное отделом пропаганды ЦК ВКП(б) обращение группы всемирноизвестных советских деятелей науки и культуры еврейской национальности. Обращение было опубликовано в «Правде» от 25 августа 1941 г. под заголовком «Братья евреи во всем мире!»³⁰⁹. В ответ на призыв советских евреев развернуть «широкую агитацию за солидарность и действенную помощь Советскому Союзу» в западных странах возник целый ряд еврейских организаций, поставивших своей задачей оказание всесторонней поддержки СССР в борьбе с нацистской Германией и ее союзниками. В США были образованы Еврейский совет военной помощи России и Американский комитет еврейских писателей, артистов и ученых (Комитет писателей) под председательством А. Эйнштейна, в Великобритании – Еврейский фонд для Советской России, в ЮАС – Еврейский фонд помощи СССР.

Ответ палестинского еврейства на обращение из Москвы прозвучал уже 28 августа в эфире иерусалимской радиостанции. От имени «еврейского национального очага» с речами в поддержку СССР выступили главный

³⁰⁷ The Palestine Post. February, 16. 1942.

³⁰⁸ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.8. Л.4.

³⁰⁹ Правда. 25 августа 1941. Автором обращения был писатель Д.Р. Бергельсон. Допрос подсудимого Д.Р. Бергельсона // Неправедный суд. Последний сталинский расстрел (стенограмма судебного процесса над членами ЕАК). М., 1994. С. 84

раввин Палестины И.Герцог, президент Сионистского конгресса и Исполкома СО М.М. Усышкин, президент Ваад леуми Бен-Цви, глава департамента труда ЕА Гринбаум, главный редактор печатного органа Гистадрута «Давар» Б. Кацнельсон, лидер Объединения земледельцев Эрец-Исраэль М. Смилянский, поэт С. Черниховский и актриса театра «Габима» Х. Ровина. 2 октября 1941 г. Исполком Гистадрута объявил срочный сбор средств на помощь Красной Армии. В течение двух недель трудящиеся еврейской Палестины собрали 10 000 фунтов стерлингов. 18 октября 1941 г. глава Политического департамента Лондонского представительства ЕА Б.Локкер вручил послу СССР в Великобритании И.М. Майскому от имени Гистадрута чек Англо-Палестинского банка на указанную сумму. Деньги пошли на приобретение двух дезинфекционных камер. Снабженные надписями на идиш, иврите и русском языке «Народам С.С.С.Р. – Всеобщая организация еврейских рабочих в Эрец-Исраэль (Палестина). Объединенными силами – к победе над общим врагом!» они были посланы Красной Армии³¹⁰.

Необходимо особо подчеркнуть, что еврейская Палестина ни в коей мере не являлась в годы Второй мировой войны сторонним наблюдателем. Палестинские евреи, включившиеся в сбор средств помощи Советскому Союзу, на собственном опыте знали, что такое мобилизация и труд в условиях военного времени. На войну с фашизмом, как заметил Я. Зрубавел, «палестинское еврейство почувствовало себя мобилизованным самой судьбой»³¹¹. В качестве военнообязанных в Палестине зарегистрировалось 130 000 евреев³¹². Более четверти из них поступили на службу в различные роды войск британской армии. Главным образом это были вспомогательные отряды. В том числе, при содействии Морского отдела ЕА и Еврейской морской лиги, более 700 евреев-добровольцев поступило на службу в британский ВМФ,

³¹⁰ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 12-14.

³¹¹ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 4.

³¹² Аллон И. Щит Давида. Иерусалим, 1990. С. 119.

включая подводный³¹³. Женщины-добровольцы из «еврейского национального очага» несли службу во вспомогательных частях британских ВВС, работали шоферами в скорой помощи³¹⁴. Сверх этого еще около 5 000 палестинских евреев мобилизовались как подданные соответствующих стран, в другие союзные армии, расположенные на Ближнем Востоке. Идеиные руководители «еврейского национального очага» вдохновляли палестинских евреев на борьбу с фашизмом примерами из древней и современной истории: «Летопись еврейского героизма со времен царя Давида и освободительных войн Маккавеев и Бар-Кохбы ... продолжается и в современной эпохе. Всем памятна история ... еврейской самообороны против царских, петлюровских и иных погромщиков», – писал в августе 1943 г. «Palestine Correspondence»³¹⁵.

Десятки тысяч еврейских рабочих были заняты на военных общественных работах и соответствующих отраслях сельского хозяйства³¹⁶. Существенный вклад в борьбу с врагом внесли и ученые еврейской Палестины. Сотрудниками Хайфского политехнического института (Техниона) было разработано специальное оборудование для систем ПВО, налажено производство трансформаторов и железнодорожных шпал из цемента. Мастерские профессионально-технической школы Техниона были переориентированы на изготовление токарных станков для нужд военной промышленности³¹⁷.

Консолидация всех ресурсов еврейской Палестины, усиление самообороны, развитие международных связей на основе антифашистского сотрудничества было подчинено задаче укрепления «еврейского государства в пути». Показательной в этой связи является концепция «трех главных фронтов еврейского народа», сформулированная создателем Хаганы и членом ее Центрального командования Э. Голомбом: «1. Фронт против общего врага сво-

³¹³ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.26, 37.

³¹⁴ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.45, 48.

³¹⁵ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.1.

³¹⁶ Палестина: ее хозяйство и внешняя торговля. Сборник, посвященный вопросам развития торговых сношений между Палестиной и Советским Союзом. Ерусалим, 1944. С. 6.

³¹⁷ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.22.

бодного человечества; 2. Фронт за признание наших прав свободлюбивыми народами; 3. Фронт усиленного строительства и укрепления нашей родины – Палестины»³¹⁸. Таков был общий фон развития движения солидарности с СССР в «еврейском национальном очаге» в годы войны.

Уже осенью 1941 г. в еврейской Палестине были предприняты первые шаги по организационному оформлению движения солидарности с Советским Союзом. Инициатива исходила одновременно от нескольких групп. Наиболее влиятельными среди которых были группа С.Цирюльникова в Тель-Авиве и группа А.Цвейга – С.Капланского в Хайфе. Соломон Цирюльников был активным участником сионистского движения в СССР. По прибытию в 1928 г. в Палестину он вступил в партию Ахдут ха-Авода (с 1930 г. – МАПАЙ), из которой в 1932 г. был исключен вместе со своими немногочисленными сторонниками – «социалистами-интернационалистами». «Идеологически мы принадлежали к марксистскому лагерю, – характеризовал платформу своего кружка С.Цирюльников, – а политически ориентировались на сионизм, который ... выступал против господства евреев над арабами в Палестине ... [тогда как] Бен-Гурион [лидер МАПАЙ] был бескомпромиссен: евреи должны составить большинство Палестины, без этого не может быть сионизма». На призыв С.Цирюльникова «развернуть массовое движение солидарности с Советским Союзом» первоначально откликнулись лишь левые Поалей Цион (Рабочие Сиона). Остальные, как вспоминал Цирюльников, «явно опасались коммунистического подвоха». В «еврейском национальном очаге» не забывали о преследованиях сионистов в СССР в 1920-1930-е гг. Тяжелой травмой для всей еврейской Палестины и сионистской левой в особенности был тот факт, что во время волнений 1936–1939 гг. Москва и Коминтерн открыто поддерживали «арабских погромщиков». И тогда, и позже в рядах сионистской левой «велись жаркие споры об отношении к Советскому

³¹⁸ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.37.

Союзу, к [московским 1936–1938 гг.] процессам, к террору Сталина»³¹⁹. Цирюльников и его сторонники организовали Лигу помощи Советскому Союзу в войне. Под ее эгидой в октябре 1941 г. был создан Общественный комитет помощи СССР в его войне с фашизмом. В комитет вошли известные общественные деятели и представители культуры: ветеран российской социал-демократии, видный меньшевик, после прибытия в Палестину – сионист-социалист, врач В.Е.Мандельберг; активный участник российского сионистского движения, выдающийся пианист Д.Шор, актриса театра «Габима» Х.Ровина и др.

Одновременно с созданием Общественного комитета помощи СССР в Тель-Авиве группа А.Цвейга – С.Капланского организовала Антифашистскую лигу в Хайфе. Арнольд Цвейг – немецкий писатель, близкий друг Зигмунда Фрейда, после прихода нацистов к власти покинувший Германию и иммигрировавший в 1934 г. в Палестину, оказался там, как и С.Цирюльников, в определенном смысле маргиналом. А.Цвейг был сторонником двунациональной (арабо-еврейской) Палестины и противником иврита, который, во многом из-за частичной потери зрения, он так и не смог освоить. «Цвейг ненавидел фашизм и в борьбе с ним видел главную цель жизни. А Советский Союз он принимал как грубую, мужицкую, однако реальную силу. Которая может переломать кости европейскому утонченному варварству XX века»³²⁰. С.Капланский, инженер, один из идеологов и создателей рабочего сионистского движения, в 1920-е гг. – глава Поселенческого департамента ЕА, с 1932 г. директор Техниона, являлся представителем истеблишмента «еврейского национального очага». Общественные организации помощи СССР возникли и в других городах еврейской Палестины. Они активно взаимодействовали друг с другом. 2 мая 1942 г. по результатам встречи их представителей в Хайфе было принято

³¹⁹ Цирюльников С. Исповедь на пепелище. Из воспоминаний бывшего секретаря Общества советско-израильской дружбы // Время и мы. 1979. №42. С. 172.

³²⁰ Цирюльников С. Исповедь на пепелище. Из воспоминаний бывшего секретаря Общества советско-израильской дружбы // Время и мы. 1979. №42. С. 179. В 1950 г. А.Цвейг переселился в ГДР, где стал президентом Германской академии искусств.

решение об объединении всех групп под названием Лига помощи СССР (Лига «V», от английского Victory).

Первоначально ядро Лиги «V» составляли просоветские марксистские группы (группа С.Цирюльникова) и движения (Га-Шомер Га-Цаир)³²¹. Однако их влияние в «еврейском национальном очаге» было явно недостаточным для организации широкого движения солидарности с Советским Союзом и оказания ему «действенной помощи». Для решения этой задачи создателям Лиги «V» необходимо было объединить свои усилия с ведущими социал-демократическими силами еврейской Палестины. Сближению враждебных друг другу лагерей во многом способствовал стремительный рост симпатий еврейского населения страны к борьбе СССР против фашизма. Весной – летом 1942 г. в Лигу «V» вошла МАПАЙ, что означало получение поддержки и со стороны Гистадрута. По требованию сионистской левой программа Лиги «V» – «оказание помощи Советскому Союзу в его борьбе с фашизмом» – была дополнена пунктом о «завоевании поддержки Советского Союза сионистскому делу в Палестине». «Я пошел на это во имя создания широкого фронта солидарности, – вспоминал много лет спустя С.Цирюльников. – Последовало исключительно бурное собрание активистов Лиги – в большинстве ими были коммунисты – на котором я защищал заключенное с другими партиями соглашение. Меня открыто обвиняли в том, что я "продал" Лигу. Потребовались колоссальные усилия, чтобы сломить сопротивление коммунистов, но и по сей день я горжусь этим соглашением»³²².

25 августа 1942 г. в Иерусалиме в здании театра «Эдисон» открылся Первый всепалестинский съезд Лиги «V». В президиум съезда вошли руководители «еврейского национального очага», известные лево-сионистские политики: член исполкома СО, генеральный секретарь Гистадрута Д.Ремез, член исполкома Гистадрута Я.Зрубавел; научные и

³²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 821. Л. 2.

³²² Цирюльников С. Исповедь на пепелище. Из воспоминаний бывшего секретаря Общества советско-израильской дружбы // Время и мы. 1979. №42. С. 180-181.

культурные деятели: философ М.Бубер, писатель А.Цвейг и др. Председателем съезда был избран один из зачинателей движения в поддержку СССР в войне против фашизма С.Капланский³²³. Многие лидеры Лиги «V» были выходцами из России, некоторые из них принимали активное участие в российском революционном движении. В целом, состав руководителей Лиги «V» свидетельствовал о ее достаточно высоком статусе в общественно-политической жизни еврейской Палестины.

В работе съезда в качестве почетных гостей участвовали «делегаты Советского Союза» (так они именовались в сборнике материалов Лиги «V») – первый секретарь советского посольства в Анкаре С.С. Михайлов и пресс-атташе посольства Н.А. Петренко. Приветствие откликнувшимся на призыв СССР евреям Палестины направил ЕАК³²⁴. Таким образом, уже на первом своем форуме участники Лиги могли заявить об их «международном признании».

Присутствие на съезде «делегатов Советского Союза» – небывалое событие в жизни еврейской Палестины – вызвало широкий ажиотаж в «еврейском национальном очаге» и привлекло внимание к Лиге «V». Во время открытия съезда в помещении рассчитанного на 1 700 мест кинотеатра «Эдисон», «зал едва мог вместить всех делегатов и гостей. Толпы людей, стремившихся попасть на торжественное заседание открытия, заполнили прилегавшие к театру улицы и переулки, развлекаясь пением палестинских еврейских песен и "Интернационала"»³²⁵.

Съезд собрал 250 делегатов из 79 филиалов Лиги «V». По данным самой организации летом 1942 г. в нее входило около 10 000 чел. Съезд объявил Лигу «V» «всемирной и самостоятельной организацией», участниками которой могли стать как общественные группы, партии, так и индивидуумы «вне зависимости от национальной и социальной

³²³ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 15.

³²⁴ Приветствие съезду от Еврейского антифашистского комитета в Куйбышеве // Еврейство Палестины – народам СССР... С. 51-53.

³²⁵ Первый всепалестинский съезд Лиги «Ви». Ерусалим. 25 – 26 августа 1942 г. // Еврейство Палестины – народам СССР... С. 40.

принадлежности», «принимающие ее программу и готовые оказать ей помощь»³²⁶. В окончательной редакции программа Лиги «V» состояла из двух пунктов:

а) Усиление участия еврейства Палестины в помощи, оказываемой мировой демократией Советскому Союзу в его борьбе с фашизмом.

б) В процессе своей деятельности Лига стремится заполучить поддержку и симпатии Советского Союза к сионистскому строительству, социальному освобождению еврейского народа в Палестине³²⁷.

В деятельности Лиги «V» обе задачи связывались друг с другом теснейшим образом. Осознавая «скромные размеры материальной помощи Красной Армии с нашей стороны», лидеры движения солидарности палестинского еврейства с Советским Союзом стремились, прежде всего, к «психологическому и идейному сближению» еврейской Палестины и СССР. Ведущие деятели Лиги «V» являлись одновременно идеологами и руководителями еврейского социалистического рабочего движения. В лице Москвы они хотели видеть «естественного союзника» не только в «войне за уничтожение фашизма», но и в борьбе «за создание нового социалистического мира, в котором будет царить строй, который один только сделает возможным претворение в жизнь и идеалов возрождения еврейского народа на нашей древней родине Палестине ...»³²⁸.

С целью сбора денежных средств Лига «V» учредила «Фонд помощи и солидарности Советскому Союзу и Красной Армии, ведущей героическую борьбу». Первый сбор средств был приурочен ко «дню Октябрьской Революции» (7 ноября 1942 г.), следующий – ко второй годовщине начала войны СССР с Германией (22 июня 1943 г.). Оба сбора дали около 20 000 фт.ст. Вместе с 10 000 фт.ст., собранных на помощь РККА Гистадрутом в октябре 1941 г., общая сумма пожертвований палестинского еврейства составила к

³²⁶ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 17, 21.

³²⁷ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 17, 21.

³²⁸ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 5.

середине 1943 г. около 30 000 фт.ст.³²⁹ Всего за годы Великой Отечественной войны палестинские евреи передали советскому правительству 750 000 долл.³³⁰

Для сравнения укажем, что только за первое полугодие 1943 г. в учрежденный Собранием депутатов (Асефат Ханивхарим) «еврейского национального очага» Фонд самообложения и спасения, средства которого использовались, прежде всего, для финансирования Хаганы, поступило около 320 000 фт. ст.³³¹ В апреле 1943 г. отчисление по решению Исполкома Гистадрута однодневного заработка «в пользу борцов гетто» дало 35 000 фт.ст.³³² Естественно, что в условиях сохраняющейся и постепенно вновь нарастающей конфронтации с арабским окружением палестинское еврейство жертвовало деньги в первую очередь своей «подпольной армии». Совершенно понятна и поддержка палестинской общиной своих братьев в оккупированных нацистами странах. Конечно, эти направления помощи были для «еврейского национального очага» приоритетными. Вместе с тем вклад палестинского еврейства в Фонд Лиги «V» вполне сопоставим со сборами средств на помощь СССР, проведенными, например, еврейскими общинами Южной Африки (600 000 долл) и Аргентины (500 000 долл.)³³³. Иначе говоря, по меркам еврейских общин, близким по своим основным характеристикам палестинской, поддержка последней Советского Союза представляется довольно существенной.

³²⁹ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 17.

³³⁰ Еврейский народ против фашизма. Материалы III Антифашистского митинга представителей еврейского народа и III пленума Антифашистского Еврейского Комитета М., 1945.

³³¹ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.37.

³³² АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.26.

³³³ Феликс Кандель. Земля под ногами. Из истории заселения и освоения Эрец Исраэль. 1918–1948. М.–Иерусалим, 2008.

Таблица 1. Сбор средств на помощь СССР в Великой Отечественной войне еврейскими общественными организациями и общинами по данным ЕАК

СССР	Евреи СССР собрали в фонд обороны	3 294 823 руб.
США	Комитет помощи России в войне (нееврейская организация)	16 млн. долл.
	Еврейский совет помощи России в войне	ок. 3 млн. долл.
	Еврейское бессарабское землячество	500 тыс. долл. Для Молдавской ССР
Канада	еврейская община	100 тыс. долл.
Мексика	еврейская община	1 млн. пез для Красной Армии
Куба	еврейская община	50 тыс. долл.
Колумбия	«с еврейским населением всего несколько сот человек»	6 тыс. долл
Южная Африка	«Еврейско-советский призыв»	600 тыс. долл.
Аргентина	еврейская община	продукты, одежда и медикаменты на 500 тыс. долл.
Бразилия	еврейская община	40 тыс. долл.
Австралия	еврейская община	50 тыс. долл.
Палестина		«Собрала около 750 тыс. долл. и отправила в Советский Союз несколько

		прекрасно оборудованных амбулансов, а также транспорты ценных медикаментов для Красной Армии»
Великобритания		Еврейский фонд для Советской России, являющийся активной секцией фонда имени госпожи Черчилль, провел успешную кампанию по посылке в СССР амбулансов и рентгеновских установок на 200 тыс. долл. (всего «Фонд помощи России в войне имени госпожи Черчилль собрал 15 млн. долларов») ³³⁴

Помощь палестинского еврейства Советскому Союзу оказывалась соответственно насущным потребностям Москвы. В ходе встреч с советскими дипломатами, как это было, например, во время беседы председателя правления ЕА Д. Бен-Гуриона с И.М. Майским 9 октября 1941 г., лидеры «еврейского национального очага» интересовались, в содействии какого рода со стороны еврейской Палестины советское правительство заинтересовано прежде всего. Исходя из нужд текущего момента в «земле обетованной» прово-

³³⁴ Отчетный доклад ответственного секретаря ЕАК т. Шахно Эпштейна на третьем пленуме ЕАК 8-11 апреля 1944 г., Москва // Еврейский народ против фашизма. Материалы III Антифашистского митинга представителей еврейского народа и III пленума Антифашистского Еврейского Комитета М., 1945. С. 88-89.

дились целевые сборы средств на помощь СССР. В приветствии ЕАК съезду Лиги «V» содержался призыв послать Красной Армии «на имя наших борцов за свободу» «танки и бомбометы». В июле 1942 г. из Палестины в Лондон на имя посла СССР в Великобритании И.М. Майского было переведено 1050 фт.ст. для передачи Фонду на бомбовозы и танки. Зимой 1943 г. Лига «V» организовала сбор шерстяных вещей, по итогам которого солдатам советской армии было передано 500 шерстяных одеял³³⁵.

С 1942 г. основным видом помощи еврейской Палестины Советскому Союзу стали лекарства и врачебные инструменты. Сбор средств на их приобретение осуществлялся Лигой «V» по запросу советского посольства в Тегеране, «предпочитавшего помощь медикаментами и медицинскими инструментами всем другим видам помощи»³³⁶. С призывом усилить помощь советским солдатам лекарствами и врачебным оборудованием обращались через ЕАК к палестинским врачам и еврейские врачи, и медицинские работники СССР.³³⁷

Исходя из острой потребности советской армии в медицинских материалах, Лига «V» образовала специальную медицинскую комиссию, которая весной 1943 г., изучив «силы и возможности палестинской химической и фармацевтической промышленности», пришла к выводу, что они «позволяют в течение короткого времени выработать для СССР, без всякого сокращения в обслуживании местного рынка, ряд фармацевтических продуктов на сумму 500 000 фунтов». Работа над заказом Советского Союза, отмечалось в заключении Медицинской комиссии, позволяла поставить в Палестине и ряд новых, ранее невостребованных, производств. В этой связи Лига «V» обратилась к заграничным еврейским организациям помощи СССР с предложением направить в Палестину часть их средств на финансирование производства необходимых Красной Армии лекарств и их пересылки в СССР. На призыв откликнулся «Фонд госпожи Черчилль». Он заказал в Палестине посредст-

³³⁵ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 18.

³³⁶ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 18.

³³⁷ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.6.

вом Лиги «V» партию брома³³⁸, добыча которого на Мертвом море была налажена еврейскими предпринимателями еще в 1920-е гг. Заказ был выполнен – Лига «V» отправила в СССР 2 т брома. В годы войны Лига «V» неоднократно проводила сбор средств на приобретение перевязочных материалов, хирургических инструментов, медикаментов и медицинского оборудования. С целью сбора средств на перевязочные материалы были выпущены специальные марки. Особой гордостью палестинского еврейства, жертвовавшего свои деньги на помощь Советскому Союзу, были 3 амбуланса – два санитарных автомобиля и мобильная операционная установка с полным хирургическим оборудованием – переданные Лигой «V» посольству СССР в Тегеране для отправки на советско-германский фронт³³⁹.

Амбулансы были отправлены из Иерусалима в Тегеран собственным ходом. Группа представителей Лиги «V» и еврейские шоферы-добровольцы преодолели на них более 2 000 км сложнейшего пути через Палестину, Заирдандье, пустыни Сирии и Ирака, доставив транспорт в конечный пункт в полной исправности, о чем свидетельствовал акт принятия амбулансов представителями «частей РККА, дислоцированных в городе Тегеране»³⁴⁰. Эта акция являлась не только делом помощи Советскому Союзу, но одновременно и важным пропагандистским и дипломатическим мероприятием, призванным, как отмечалось выше, «заполучить поддержку и симпатии Советского Союза к сионистскому строительству». Сколь важное значение руководство «еврейского национального очага» придавало отправке амбулансов в Тегеран, видно из того, что главой сопровождающей их делегации Лиги «V» был назначен генеральный секретарь Гистадрута Д.Ремез. Однако в последний момент он не смог поехать и был заменен Г. Агронским – основателем и редактором «The Palestine Post»³⁴¹.

³³⁸ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.42.

³³⁹ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 17-18. Для сравнения укажем, что тогда же Международная женская сионистская организация подарила британским войскам в Палестине 12 амбулансов. АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.48.

³⁴⁰ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 20.

³⁴¹ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.49.

Торжественные проводы, устроенные еврейскими трудящимися амбулансному транспорту в Иерусалиме и, по пути его следования, в Тель-Авиве, Хайфе и Петах-Тикве, были засняты на киноплёнку, копии которой Лига «V» отправила в посольство СССР в Анкаре и в ВОКС³⁴². Благожелательное отношение к акции палестинского еврейства выразил посол СССР в Иране Смирнов – вместе с некоторыми другими сотрудниками советского посольства он выехал из Тегерана на встречу амбулансам. Этот знак внимания, равно как и тёплый прием, оказанный советскими дипломатами и военными посланникам еврейской Палестины в Тегеране, преисполнили представителей Лиги «V» самыми радужными надеждами. Они были приглашены Смирновым в посольство СССР на первый показ фильма «Сталинград», «на котором присутствовали члены иранского правительства, члены дипломатического корпуса, высшие военные чины и военные атташе союзных стран». Посланники Лиги «V» были приглашены на парад дислоцированных в Тегеране частей РККА в честь 1 мая, во время которого состоялась торжественная передача 3 амбулансов советской стороне. Во время церемонии с речью на иврите выступил глава делегации Лиги «V» Г.Агронский. В частности, он сказал: «Преподнося вам этот скромный символический дар, считаем нужным отметить, что мы видим в нем лишь начало нашим стараниям и задачам, которые мы возложили на себя по оказанию помощи, в пределах возможностей, народам Советского Союза и Красной Армии». Гершон Аргонский подчеркнул политическое значение этого акта. «После посещения Палестины товарищами Петренко и Михайловым – эта встреча представляет собой вторую ступень нашего непосредственного контакта. Мы надеемся, что завязанные между нами дружественные отношения будут крепки и долговечны». С ответной речью от лица командования частей советской армии в Тегеране выступил подполковник Хорошев. Он отметил интернациональный характер Красной Армии, вклад в ее победы евреев-солдат и тружеников советского тыла. «Прошу вас передать еврейскому народу Палестины теплое, русское спасибо,

³⁴² Еврейство Палестины – народам СССР... С. 18-19.

– сказал подполковник Хорошев в заключении. – Я вижу в этом [даре] доказательство великого содружества народов в борьбе против германского фашизма, я вижу в этом стремление еврейского народа Палестины помочь народам СССР в борьбе против общего врага»³⁴³.

Сообщение о передаче Лигой «V» амбулансов Красной Армии в Тегеране появилось во всех ведущих еврейских газетах Палестины. Как знак дружеского расположения советского правительства к «еврейскому национальному очагу» расценили участники палестинского движения помощи Советскому Союзу публикацию в «Правде» от 2 мая 1943 г. информации корреспондента ТАСС из Тегерана: «Рабочие, земледельцы и интеллигенция Палестины с энтузиазмом участвуют в сборе средств для медицинской помощи Красной Армии»³⁴⁴. Говоря словами секретаря Лиги «V» Л. Тарнополера, это был «ободрительный признак того, что разделявшие нас [сионистов и СССР] в прошлом средостения устранены, что растет и укрепляется сознание общности наших целей и судеб в этой войне»³⁴⁵. Далекое не все евреи Палестины разделяли столь оптимистичные оценки. Однако всякий положительный ответ из Советского Союза на акции Лиги «V», всякий шаг Москвы навстречу палестинскому еврейству, несомненно, способствовал укреплению среди него надежд на улучшение отношения Москвы к сионизму. Само же советское правительство, как справедливо указывает Габриэль Городецкий, было заинтересовано не столько в материальной помощи со стороны еврейства Палестины, сколько в его содействии распространению советского влияния в регионе³⁴⁶.

Действительно, деятельность Лиги «V» разворачивалась на волне роста симпатий широких кругов палестинского еврейства к Советскому Союзу. За первый год работы число ее участников увеличилось вдвое и составило 20 000 чел. Вокруг Лиги «V» консолидировались лево-сионистские группы, в

³⁴³ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.28, 43.

³⁴⁴ Правда. 2 мая 1943.

³⁴⁵ Тарнополер Л. Первые итоги // Еврейство Палестины – народам СССР... С. 16.

³⁴⁶ Gabriel Gorodetsky. The Soviet Union's role in the creation of the State of Israel // The Journal of Israeli history. Vol. 22. № 1. P.7. (Всего 4-20)

том числе молодежные – «Трудовая молодежь», «Лагерь пионеров», «Марксистский кружок имени Борохова», молодежное отделение Га-Шомер Га-Цаир. Под эгидой Лиги «V» был создан всепалестинский комитет молодежи³⁴⁷. Референтура по Палестине Ближневосточного отдела НКВД СССР внимательно отслеживала «рост просоветских настроений» среди палестинского еврейства. В этой связи отмечалось, например, празднование в Палестине Дня РККА: «[23 февраля 1942 г.] в Хайфе большой портрет Сталина, советская эмблема и слова "Да здравствуют Красная Армия и Сталин" был помещен по Герцль-стрит в ознаменование 24-й годовщины Красной Армии»³⁴⁸. Летом 1943 г. внимание советских референтов привлекли организованные Лигой «V» и Гистадрутом «в ряде городов и населенных пунктов народные митинги в ознаменование годовщины войны Советского Союза с гитлеровской Германией»³⁴⁹. В годы войны традиционными стали митинги и сборы средств на помощь СССР 22 июня и 7 ноября³⁵⁰.

Еврейская Палестина никогда не была чужда культурному влиянию СССР. В годы войны одним из его проводников стала тема антифашистской борьбы советского народа. Большим успехом в палестинском кинопрокате пользовались советские фильмы, в частности – документальный фильм «Сталинград»³⁵¹. Пьесы советских писателей и драматургов шли в годы войны на театральных подмостках Палестины с неизменным аншлагом. Театр «Габима» поставил пьесы К. Симонова «Русские люди» и О. Берггольц «Хочу жить!». Театр «Гоэл» – пьесу Л. Леонова «Нашествие»³⁵². В Тель-Авиве была поставлена «советская опера "Иван Сусанин"». «Программа последнего в текущем сезоне концерта Палестинского симфонического оркестра была целиком русская: прелюдия оперы А.Бородина "Князь Игорь", концерт Чайков-

³⁴⁷ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 21.

³⁴⁸ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.8. Л.50.

³⁴⁹ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.8. Л.15.

³⁵⁰ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 21.

³⁵¹ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.36.

³⁵² Цфасман А. Евреи Палестины и Советский Союз в годы Второй мировой войны // Материалы Восьмой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 1. М., 2001. С. 125.

ского для скрипки и оркестра и первая симфония Шостаковича. Концерт транслировался Ерусалимской радиовещательной станцией», – сообщал «Palestine Correspondence» 8 мая 1943 г. Седьмая симфония Д. Шостаковича вошла в репертуар Палестинского симфонического оркестра. С нею оркестр выступал перед американскими и британскими войсками в Каире, Александрии и в военных лагерях в Египте. Титаническая борьба СССР с нацистской Германией и ее союзниками вдохновляла деятелей культуры еврейской Палестины. Так, композитор М. Лаври создал симфонию «Сталинград». Одноименное панно написал художник Френкель³⁵³.

Чувство сопричастности евреев Палестины к войне Советского Союза имела совершенно конкретное человеческое измерение. У многих из них в СССР были родственники. Весной 1943 г. тель-авивское издательство «Ам Овед» («Трудовой народ») выпустило сборник стихов Элиши Абрама Радина «Лабен» («Сыну»), посвященных памяти его единственного сына Григория Абрамовича Радина, уроженца Москвы, ушедшего на фронт добровольцем и погибшего в сражении под Калинин в марте 1943 г.³⁵⁴ По линии ЕАК в Палестину регулярно поступали направленные на поддержание энтузиазма палестинских евреев в деле оказания помощи СССР сведения о героизме советских воинов-евреев, подвигах еврейских партизан, производственных достижениях евреев-труженников тыла. Настоящим кошмаром была поступающая из Советского Союза информация о массовом истреблении евреев гитлеровцами и их пособниками еврейского населения на оккупированных территориях³⁵⁵.

Следует заметить, что в годы войны широкое хождение в еврейских общинах мира, в том числе и в Палестине, получило представление о том, что летом 1941 г. советское правительство якобы организовало массовую эвакуацию еврейского населения из районов, оказавшихся под угрозой оккупации с тем, чтобы спасти его от расправ со стороны гитлеровцев. «Мы ни-

³⁵³ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.48.

³⁵⁴ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.40.

³⁵⁵ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.2, 9.

когда не забудем Советскому Союзу его исторической заслуги, – писал в 1943 г. Я.Зрубавел, – того, что он, не в пример империалистическим государствам, планомерно и сознательно, своевременно эвакуировал сотни тысяч евреев из мест, которым угрожала оккупация врага»³⁵⁶.

Обратим внимание на замечание об «империалистических государствах». Дело в том, что Я.Зрубавел восхвалял заслуги СССР в то самое время, когда в «еврейском национальном очаге» набирала силу кампания протеста против бездействия стран антигитлеровской коалиции в отношении истребления гитлеровцами европейского еврейства. В мае 1943 г. Гистадрут созвал конференцию в целях оказания помощи евреям в оккупированных странах и «особенно евреям, оказывающим нацистам сопротивление с оружием в руках». Тогда же Асефат Ханивхарим заявил, что «еврейский народ не успокоится, пока не будет пробита брешь в индифферентности правительств союзных стран по отношению к катастрофе еврейства»³⁵⁷. С целью оказания давления на западные страны 15 июня 1943 г., объявленного днем протеста и траура, еврейские трудящиеся Палестины провели однодневную забастовку³⁵⁸. На этом фоне «целенаправленное спасение» советским правительством «сотни тысяч евреев» не могло не вызвать в еврейской Палестине чувство глубокой признательности.

Однако в действительности, как показал в своем исследовании Г.В. Костырченко, никаких экстренных мер по эвакуации еврейского населения из опасных районов летом 1941 г. ни советским правительством, ни командованием РККА не осуществлялось. «Поэтому рассуждения о намерении Сталина предпринять в годы войны специальные акции по спасению советских евреев можно однозначно квалифицировать как политическое мифотворчество... Подобные толки явились во многом следствием пропагандистского турне в 1943 г. в США С. Михозлса и И. Фефера, которым перед поездкой А.

³⁵⁶ Зрубавел. Историческая встреча // Еврейство Палестины – народам СССР... С. 9.

³⁵⁷ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.8. Л.41-42.

³⁵⁸ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.19.

Щербаков и С. Лозовский поручили заявить в США о том, что «"Советский Союз спас много евреев"»³⁵⁹.

Согласно подсчетам С.Швейбиша, из 4 095 тыс. евреев, проживавших на оккупированной германскими войсками территории, в советский тыл было эвакуированы 1 200–1 400 тыс. евреев³⁶⁰. Но даже те исследователи, которые отмечают, что «процент эвакуированных от общей численности еврейского населения, проживавшего в западных областях СССР, был несколько выше, чем у представителей других народов, кроме русского», подчеркивают, что «советское руководство не создавало особых условий представителям какой-либо национальности»³⁶¹. Действительно, согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» от 27 июня 1941 г., эвакуации в первую очередь подлежали квалифицированные кадры рабочих и служащих³⁶². Успевшие эвакуироваться евреи, те самые, доля которых, по данным ЦСУ СССР, из учтенного по спискам на 15 сентября 1941 г. эвакуонаселения (кроме детей из эвакуированных детских учреждений), согласно подсчетам М.Н. Потемкиной, была равна 24,8%, «они шли на втором месте после составлявших основную часть рабочих на заводах русских – 52,9%», – добавляет автор³⁶³, в основной своей массе составляли категорию «квалифицированные кадры рабочих и служащих». Основная масса еврейского населения, проживавшая в западных приграничных районах, «откуда вследствие быстрого продвижения противника организовать более или менее полный вывоз населения и мате-

³⁵⁹ Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2009.

³⁶⁰ Швейбиш С. Эвакуация и советские евреи в годы Катастрофы // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 2 (9). С. 53.

³⁶¹ Потемкина М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2002. №3.

³⁶² Постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» от 27 июня 1941 г.

³⁶³ Потемкина М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2002. №3.

риальных ценностей не представлялось возможным»³⁶⁴, стала жертвой гитлеровских палачей.

Важным этапом в институциональном развитии движения в поддержку Советского Союза в еврейской Палестине стало создание в апреле 1943 г. Комитета культурных связей с СССР. В него вошли Лига «V», Союзы писателей, журналистов и художников Палестины, Иерусалимский университет, театры «Габима» и «Гозель», культурный отдел Гистадрута. Одним из руководителей Комитета культурных связей с СССР был Д.Пинес. В 1920-е гг. он являлся лидером действовавшего в СССР еврейского молодежного движения Хе-Халуц (в Библии – «вооруженный [передовой] отряд» (Чис. 32:32), ивр. – пионер, первопроходец), ставившего своей целью подготовку молодых сионистов к поселению в Палестине. В июле 1926 г. Пинес был арестован. В марте 1930 г. при содействии Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) ему удалось получить разрешение на выезд из СССР в Палестину. Вероятно, руководство Восточного сектора ВОКС рассчитывало, что Пинес станет там «их человеком». Основания для этого были. Настаивая на пересмотре его дела, Пинес писал из сибирской ссылки в Президиум ВЦИК: «Я являлся с 1918 г. с первых дней пребывания в Гехолуце сторонником советской власти ... Я всегда считал, считаю и сейчас, что интересы еврейских трудящихся и будущей социалистической Палестины лежат всецело в плоскости советского социалистического строительства»³⁶⁵. В дневнике референта по Ближнему Востоку за март 1930 г. было отмечено: «Он [Пинес] едет туда с целью ознакомиться с положением и организовать там, если возможно, Общество сближения с СССР»³⁶⁶. Как видим, такое общество возникло только 13 лет спустя.

Комитет культурных связей с СССР установил интенсивные отношения с ЕАК и ВОКС. Крупным событием общественно-политической и куль-

³⁶⁴ Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941 – 1942 гг. // Новая и новейшая история. 2006. №6.

³⁶⁵ Pinhas Lavon Institute for Labour Movement Research (Israeli Labour Archives). Tel-Aviv. Israel. IV-208-3-4A.

³⁶⁶ ГАРФ. Ф.5283. Оп.4. Д. 53. Л. 100 (об.)

турной жизни «еврейского национального очага» стала организованная Лигой «V» и Комитетом культурных связей с СССР летом 1943 г. передвижная выставка «СССР и еврейская Палестина в войне». Выставка открылась 18 июля в Тель-Авиве в помещении Художественной Галереи вблизи здания театра «Габима» – главного центра культурной жизни «еврейского национального очага». Вход на выставку был украшен флагами Великобритании, СССР и бело-голубым со щитом Давида в центре флагом сионистского движения (с 1948 г. – флаг Государства Израиль)³⁶⁷. В день открытия выставки состоялась получившая широкий резонанс в палестинской печати пресс-конференция ее организаторов: члена секретариата Лиги «V» и исполкома Гистадрута Я.Зрубавела, секретаря Лиги «V» Л. Тарнополера, главы Комитета культурных связей с СССР и члена редакции «Давар» Д.Пинеса, председателя Союза еврейских писателей Палестины Я.Фихмана, председателя Союза еврейских врачей Палестины Шермана, художника-оформителя выставки Френкеля и др. На открытии выставки присутствовали видные деятели еврейской общественности: писатели, актеры, музыканты, «много юношей и девушек в военной форме»³⁶⁸. Организаторы выставки получили к ее открытию приветственные телеграммы от послов СССР в Турции и Иране.

С официальной речью открытия выставки выступил один из основоположников еврейского рабочего движения в Палестине, лидер левого крыла («фракция бет») МАПАЙ, генеральный секретарь Лиги «V» и член исполкома Гистадрута А. Цизлинг. Говоря о важности установления взаимопонимания и дружбы между еврейством Палестины и Советским Союзом, он особо отметил общность – несмотря на различие форм и путей развития – культурных и социальных ценностей «пионеров еврейской свободной трудовой Палестины и строителей СССР». Выставка «СССР и еврейская Палестина в войне» была призвана наглядно подтвердить этот тезис. Она должна была рассказать палестинскому еврейству о «гигантской борьбе народов Советско-

³⁶⁷ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.7.

³⁶⁸ Выставка «С.С.С.С.Р. и Палестина в войне» // Еврейство Палестины – народам СССР... С. 24.

го Союза за независимость и свободу», а советским народам – о жизни и строительстве еврейской Палестины, ее земледельческом коллективном хозяйстве, кооперативном движении, рабочих организациях, об участии палестинского еврейства в войне. Необходимо подчеркнуть, что по замыслу организаторов выставки она должна была пройти сначала на «земле обетованной», а затем и в Советском Союзе. Советское турне экспозиции планировалось начать с ее развертывания на «Выставке Народов в Москве». Комитет культурных связей с СССР вел переговоры об этом с ВОКС и ЕАК³⁶⁹, однако в Москве выставка так и не побывала. В течение пяти недель она проходила в Тель-Авиве. Только там ее посетило 20 000 чел. Позже она экспонировалась в Хайфе, в Большом зале Техниона³⁷⁰.

Выставка «СССР и еврейская Палестина в войне» состояла из двух основных отделов – «советского» и «палестинского». «Советская» часть экспозиции была подготовлена на основе материалов, полученных от ВОКС и ЕАК. В ней посредством статистических диаграмм представлялись «достижения советского государства в области экономики, промышленности, земледелия». Демонстрировался «социально-культурный подъем трудящихся масс» Советского Союза: развитие народного образования, советской издательской деятельности, театров, музыкального просвещения. В нескольких «литературных уголках» разместились экспонаты, «посвященные Пушкину, Горькому и лауреатам сталинской премии 1934 г.». Особое место занимали «экспонаты войны и труда», передающие «атмосферу неутомимой борьбы и напряжения всех сил народов СССР для уничтожения гитлеризма» и материалы, характеризующие «удельный вес советского еврейства в настоящей войне». Аналогичную структуру имел и «палестинский» отдел выставки. «В ряде диаграмм, фотоснимков, портретов, надписей и лозунгов» в нем демонстрировались «хозяйственное и культурное строительство и достижения палестинского еврейства». Отдельные стенды были посвящены разноплановой

³⁶⁹ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.15.

³⁷⁰ Выставка «С.С.С.Р. и Палестина в войне» // Еврейство Палестины – народам СССР... С. 26.

деятельности Гистадрута. Они были призваны показать высокий уровень развития сионистского рабочего движения. В «литературных уголках» были представлены экспонаты, связанные с жизнью и творчеством Х.Бялика, Шолом-Алейхема и М. Мойшер-Сфорима. Центральной темой «палестинского» отдела также была «военная и хозяйственная мобилизация», в данном случае, палестинского еврейства³⁷¹. «Строительство, культурные достижения, максимальная мобилизация сил для фронта и в тылу – общи и С.С.С.Р. и палестинскому еврейству»³⁷² – такова была главная идея выставки.

На стыке между «советским» и «палестинским» отделами выставки был устроен специальный «Черный Павильон», в котором размещались предоставленные ЕАК «материалы о бесчинствах и злодеяниях гитлеровцев». Таким образом, судьба еврейского населения СССР, насчитывавшего по данным переписи 1939 г. 3 020 тыс.чел.,³⁷³ а накануне Великой Отечественной войны в результате расширения границ СССР уже 4 095 тыс.чел.,³⁷⁴ т.е. третью часть мирового еврейства, позиционировалась организаторами выставки как предмет общей тревоги и заботы СО и правительства СССР. И хотя в целом для Москвы такой подход был совершенно неприемлем, в 1942 г., в тяжелейший период войны, когда германские войска рвались к Волге и предгорьям Большого Кавказа, советское правительство разрешило ЕА совместно с Джойнтом³⁷⁵ оказывать помощь советским евреям, находящимся в эвакуации. Так перед руководством еврейской Палестины открылась возможность

³⁷¹ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.7.

³⁷² Выставка «С.С.С.С.Р. и Палестина в войне» // Еврейство Палестины – народам СССР... С. 25.

³⁷³ БСЭ. Союз Советских Социалистических Республик. М., 1948. С.60.

³⁷⁴ Швейбиш С. Эвакуация и советские евреи в годы Катастрофы // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 2 (9). С. 53.

³⁷⁵ Американский объединенный еврейский комитет по распределению фондов (American Jewish Joint Distribution Committee) – Джойнт был основан 27 ноября 1914 г. на базе трех организаций: Американского еврейского комитета помощи (основанного влиятельными еврейскими деятелями, главным образом немецкого происхождения), Центрального комитета помощи (созданного лидерами американской ортодоксии) и Народного комитета помощи (основанного еврейскими рабочими организациями) с целью содействия евреям, пострадавшим от войны. По отношению к сионизму вплоть до начала Второй мировой войны Джойнт сохранял нейтралитет. В 1920-1930-е гг. Джойнт финансировал создание еврейских сельскохозяйственных поселений на Украине и в Крыму.

наладить непосредственный контакт с советским еврейством. «Наше участие в общей борьбе с гитлеризмом обостряет необходимость и облегчает возможность связей между еврейством СССР и евреями Палестины», – писала в этой связи «Давар»³⁷⁶.

В апреле 1942 г. через бюро ЕА в Тегеране в СССР было отправлено 2 100 продовольственных и вещевых посылок от «еврейского национального очага» евреям СССР. Единственным условием советской стороны была «оплата соответствующих пошлин». В результате переговоров ЕА с британской администрацией в Палестине, Иране и Индии весной 1942 г. им было получено разрешение на отправку в Советский Союз на адреса отдельных лиц еще 7 000 посылок. «Сотни благодарственных писем, полученных от эвакуированных евреев, свидетельствуют о том, что посланные вещи и продукты оказали существенную помощь еврейским беженцам, в особенности старикам и детям», – сообщала еврейско-палестинская печать. Для дальнейшего ведения дела помощи и отправки посылок в СССР была создана специальная комиссия в составе представителей ЕА – Э.Добкин, «Джойнта» – Ц.Вителес и палестинского Совета землячеств – Пасман. В июле 1942 г. в Тель-Авиве открылось «Информационное бюро о евреях СССР». Благодаря работе бюро к лету 1943 г. «1 250 евреев, проживавших в СССР, отыскивали своих родственников, проживающих в Палестине». В июле 1943 г. ЕА получило от британской администрации в Палестине, Иране и Индии лицензию на вывоз еще 10 000 продуктовых и вещевых посылок для еврейских беженцев в СССР³⁷⁷.

Стремление лидеров движения солидарности палестинского еврейства с СССР наладить связь с советским еврейством, тем более их настойчивые просьбы разрешить выезд евреев из СССР в Палестину вызывали, как это уже не раз отмечалось выше, крайнее недовольство Москвы на всем протяжении войны. С 1944 г. позиция советского правительства по этому вопросу стала еще более категоричной. Следует заметить, что на завершающем этапе

³⁷⁶ Цит. по: АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.9.

³⁷⁷ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.15-16, 27.

Великой Отечественной войны сталинское руководство все реже использовало в деле обеспечения морально-политической мобилизации населения характерную для 1941–1944 гг. (вплоть до выхода Красной армии на границу СССР) национально-патриотическую риторику, в русле которой звучал голос и представителей советского еврейства, находивший столь живой отклик на «земле обетованной». Новым *credo* сталинской пропаганды была избрана идея «советского патриотизма». «Национальная политика [советского правительства] стала склоняться к использованию концепции "советского народа как новой исторической общности", впервые отчетливо выраженной в выступлении М.В. Нечкиной на совещании историков в ЦК ВКП(б) летом 1944 г. В этом выступлении утверждалось: "Советский народ – это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории человечества прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой общей хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой несмотря на многочисленность языков. Однако это не нация, а нечто новое и более высокое"»³⁷⁸. Одновременно с этим в 1944–1945 гг. были заложены основы политики борьбы с «низкопоклонством перед Западом» и «космополитизмом». В новых условиях всякого рода заявления о вкладе евреев в разгром врага и/или их особых жертвах в войне, являвшиеся неотъемлемой частью дискурса движения солидарности палестинского еврейства с СССР, резко диссонировали с главной линией советской пропаганды.

По мере приближения триумфального для СССР окончания войны сталинское руководство уже не нуждалось в организации специальных мер для обеспечения поддержки Советского Союза общественным мнением зарубежных стран. Благодаря победам Красной армии авторитет СССР был как никогда высок. И прежде требовательная к своим «друзьям», теперь Москва ставила перед ними еще более строгие условия. С точки зрения сталинского ру-

³⁷⁸ Сеницын Ф.Л. Проблема национального и интернационального в национальной политике и пропаганде в СССР в 1944–первой половине 1945 года // Российская история. 2009. № 6. С.50.

ководства «дружба» с Советским Союзом могла выражаться лишь в полном принятии советских идеологических стандартов и в беспрекословном следовании указаниям из Москвы. Быть «другом» Советского Союза значило быть проводником его идеологического влияния, апологетом его политического курса. Применительно к еврейской Палестине данный подход раскрывается в характеристике основных групп движения палестинского еврейства в поддержку СССР, представленной 9 августа 1944 г. первым секретарем посольства СССР в Турции С.С.Михайловым. Советский дипломат писал: «Палестинское общество "Лига "V" за Советскую Россию" за последний год-полтора приобрело еще более явный сионистский характер. Его можно назвать обществом пропаганды сионизма, а не обществом для культурной связи с СССР и помощи бойцам Красной армии. Оно не только не ведет никакой работы по популяризации СССР и укреплению связей с ним, а даже употребляет собранные им на помощь Красной армии средства для публикации различных изданий на русском языке через ЕА для пропаганды сионизма ... Лига совершенно перестала использовать материалы, присылаемые ей вами [ВОКСом] и Еврейским антифашистским комитетом»; «Палестинский комитет культурной связи с СССР [-] по сути дела, антисоветская организация, находящаяся в ведении Еврейского агентства, [он] является худшим видом сионистской пропаганды о Советском Союзе, не заслуживает, конечно, никакого внимания с нашей стороны, а только принятия соответствующих мер против его деятельности»³⁷⁹.

Особое место в движении солидарности палестинского еврейства с СССР занимала группа С. Цирюльникова. Будучи одним из создателей Лиги «V», С.Цирюльников считал союз с сионисткой левой вынужденной мерой, необходимой для «создания широкого фронта солидарности». Убедившись в ходе визита Михайлова – Петренко в Палестину в августе 1942 г., что «сионистский уклон» Лиги «V» вызывает глубокое недовольство представителей

³⁷⁹ Из письма первого секретаря посольства СССР в Турции С.С.Михайлова члену правления ВОКС Л.Д.Кисловой и заведующему Ближневосточным отделом НКВД СССР И.В.Самысловскому. 9 августа 1944 г. // Советско-израильские отношения... С. 95-96.

СССР, С.Цирюльников вместе со своими сторонниками решил создать «параллельную ей [Лиги "V"] организацию, эквивалентную ЕАК, которая поддерживала бы с ним самые тесные отношения. Этой организацией стала Levant Publishing Company (Lepak): ее главная цель состояла в том, чтобы распространять в Палестине советскую литературу и информацию»³⁸⁰. «Левантийцы» поддерживали теснейшие связи с ЕАК и советским посольством в Турции, они переводили на иврит и публиковали журнал «Война и рабочий класс»³⁸¹. Издания Lepak, выходившие также и на арабском языке, являлись проводником советских оценок, зачастую неприемлемых для Лиги «V». Так, например, хотя и после жарких споров, «левантийцы» опубликовали статью И.Эренбурга, «где он утверждал, что нет никакой связи между советскими евреями и мировым еврейством»³⁸². Деятели Lepak, по определению Михайлова, «подлинны активисты Лиги, дорожающие ее идеей...», ставили перед ним вопрос, «не следует ли им выйти из Лиги и организовать настоящее общество друзей Советского Союза в Палестине, в котором был бы изгнан сионистский дух». БВО НКВД СССР не поддержал эту инициативу. При всей своей симпатии к «издательству "Левант"», Михайлов вынужден был констатировать, что «это "издательство", если его так можно назвать, организованное любителями и без денег ("основной и оборотный капитал" его всего около 50 фунтов), не может, конечно, вести сколько-нибудь широкую издательскую деятельность, тем более что отношение к нему еврейских властей, ратующих за сионизм, является весьма большим препятствием для этого, т.к. в их руках находится распределение бумаги»³⁸³.

³⁸⁰ Цирюльников С. Исповедь на пепелище. Из воспоминаний бывшего секретаря Общества советско-израильской дружбы // *Время и мы*. 1979. №42. С. 185.

³⁸¹ Из письма первого секретаря посольства СССР в Турции С.С.Михайлова члену правления ВОКС Л.Д.Кисловой и заведующему Ближневосточным отделом НКВД СССР И.В.Самысловскому. 9 августа 1944 г. // *Советско-израильские отношения...* С. 96.

³⁸² Цирюльников С. Исповедь на пепелище. Из воспоминаний бывшего секретаря Общества советско-израильской дружбы // *Время и мы*. 1979. №42. С. 185

³⁸³ Из письма первого секретаря посольства СССР в Турции С.С.Михайлова члену правления ВОКС Л.Д.Кисловой и заведующему Ближневосточным отделом НКВД СССР И.В.Самысловскому. 9 августа 1944 г. // *Советско-израильские отношения...* С. 96.

Глава 3. Создание Государства Израиль и советская ближневосточная политика

3.1. Палестина в советских проектах послевоенного устройства

Коренной перелом во Второй мировой войне в пользу стран антигитлеровской коалиции, ставший очевидным после разгрома гитлеровских армий под Сталинградом и на Курской дуге и вступления англо-американских войск в Италию, вызвал качественное изменение в соотношении сил на международной арене. В частности, в мировой политике значительно возросла роль «советского фактора». Грандиозные победы Красной Армии обеспечили СССР статус новой великой державы. Летом 1943 г. «Нью-Йорк Геральд Трибьюн» констатировала в передовой статье «Россия и будущее»: «Окончание войны выдвинет Россию как одну из трех или четырех могущественных военных держав мира. Любые попытки перестроить международный порядок без участия России в качестве полноправного партнера будут обречены на неминуемый провал»³⁸⁴.

Уже в январе 1942 г. решением Политбюро ЦК ВКП(б) была создана Комиссия по послевоенным проектам государственного устройства стран Европы, Азии и других частей мира во главе с В.М. Молотовым. В составе комиссии были образованы три рабочие группы: (1) по Западной и Северной Европе и Британской империи под руководством первого заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского; (2) по Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, Ближнему и Среднему Востоку под руководством заместителя наркома иностранных дел В.Г. Деканозова; (3) по Западному полушарию, Тихоокеанскому бассейну и Восточной Азии под руководством заместителя наркома иностранных дел С.А. Лозовского. В сентябре 1943 г. накануне Тегеранской конференции название комиссии было изменено, она стала именоваться более дипломатично – Комиссия по вопросам мирных до-

³⁸⁴ РГАСПИ.Ф.71. Оп.10. Д.327. Л.65.

говоров и послевоенного устройства. Ее председателем был назначен специально для этого отозванный из США заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов.

Главной задачей сталинской внешней политики было получить согласие союзников на закрепление за СССР территорий, вошедших в его состав в 1939–1940 гг. Однако этим список пожеланий советского руководства не исчерпывался. По существу, Сталин предлагал Великобритании и США глобальное сотрудничество, контуры которого напоминали геополитический проект, обсуждавшийся Гитлером и Молотовым в ноябре 1940 г. в Берлине³⁸⁵. В Кремле с удовлетворением отмечали поступающие из-за рубежа свидетельства признания глобальной роли Советского Союза, такие, как, например, редакционная статья в «Нью-Йорк Дейли Ньюс» от 16 октября 1943 г., сообщавшая, что «Черчилль и Рузвельт могут сколько угодно намечать послевоенные границы, но Сталин заявляет, что они не могут намечать ни его границы, ни границы тех территорий, которые, по его мнению, находятся в орбите России. Поскольку Россия является обширной страной, можно утверждать, что она имеет и обширную орбиту»³⁸⁶.

В октябре 1943 г. Московская конференция министров иностранных дел «открыла великолепные перспективы в отношении будущего сотрудничества [СССР, Великобритании и США] ... Перед началом заключительного этапа в войне с Германией ... существовала вероятность достигнуть соглашения по нерешенным вопросам ... и продолжить сотрудничество в мирной жизни»³⁸⁷. На Тегеранской конференции впервые в рамках «большой тройки» состоялся обмен мнениями о важнейших проблемах послевоенного мироустройства. В центре внимания лидеров великих держав находились европейские дела, тем не менее, стороны обсудили перспективы будущего развития и некоторых восточных стран. Достаточно вспомнить, что в Тегеране Черчилль

³⁸⁵ Данилов А.А., Пъжиков А.В. Рождение сверхдержавы: 1945–1953 гг. М., 2002. С.11.

³⁸⁶ РГАСПИ.Ф.71. Оп.10. Д.327. Л.329.

³⁸⁷ Фейс Герберт. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М., 2003. С.218–219.

и Рузвельт познакомили Сталина с подписанной ими в Каире декларацией о целях войны с Японией, по итогам Тегеранской конференции была принята Декларация трех держав об Иране.

Начиная с Тегерана, внешняя политика СССР приобрела все основные черты великодержавности, проявившиеся, во-первых, в притязаниях Москвы на равное с Великобританией и США участие в делах послевоенного мироустройства и регулирования международных отношений; во-вторых, в стремлении СССР обзавестись собственными сферами влияния и «подопечными территориями»; в-третьих, в выдвижении советской дипломатией собственных инициатив по решению сложных международных вопросов. Именно в этом ключе следует рассматривать и ближневосточную политику СССР того периода.

Если ко времени окончания Второй мировой войны Великобритания и США уже обладали сильными позициями на Ближнем Востоке, то Советский Союз, как справедливо замечал И.М. Майский 10 января 1944 г. в записке В.М. Молотову по вопросам будущего мира и послевоенного устройства, до сих пор никакого влияния там не имел. Вместе с тем, по мнению Майского, укрепление позиций СССР в странах региона, вкупе с пактами взаимопомощи с балканскими государствами (Болгария и Румыния), обеспечило бы Советскому Союзу выход к Средиземному морю «в обход Турции и проливов»³⁸⁸.

Идея открытия Средиземного моря для советского торгового и военного флотов, создание там советских военно-морских баз стала овладевать Сталиным уже в 1943 г., когда по его инициативе была создана межсоюзническая средиземноморская комиссия. Хотя ее главной задачей было «рассмотрение вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии»³⁸⁹ – тогда речь шла, прежде всего, об Италии – Сталин считал необходимым «через некоторое время ... уточнить функции [комиссии] как в

³⁸⁸ АВП РФ. Ф.06. Оп.6. П.14. Д.145. Л. 35.

³⁸⁹ № 174 Послание Сталина от 22 августа 1943 // Переписка И. В. Сталина с У. Черчиллем и К. Эттли в годы войны

отношении Италии, так и соответственно в отношении других стран»³⁹⁰. Учитывая имевшуюся осенью – зимой 1943 г. крайнюю заинтересованность союзного командования во вступлении в войну Турции³⁹¹, этот вопрос вполне мог войти в повестку заседаний Средиземноморской комиссии, на что, по видимому, и рассчитывал Сталин. Однако, зная о стремлении Москвы ослабить «позиции Турции как "часового" на проливах» (выражение его³⁹²), на переговорах в Тегеране Черчилль дал понять Сталину, что не допустит этого. Тогда Майский и предложил стратегию «обхода Турции и проливов» через страны Балканского полуострова и Ближнего Востока.

Майский был неплохо знаком с положением дел в арабском мире. Напомним, что осенью 1943 г. по пути из Лондона в Москву он посетил Египет, Палестину, Сирию, Ирак, Иран. Благодаря проведенным им переговорам с премьер-министром Египта Мустафой ан-Наххасом, 26 августа 1943 г. между Египтом и СССР были установлены дипломатические отношения. Майский считал, что «объективные условия» для усиления позиций Советского Союза на Ближнем Востоке существуют, «их надо только использовать». В частности, он предлагал незамедлительно открыть советские диппредставительства в Ираке, Сирии, Ливане и Палестине. В условиях, когда практически весь регион был разделен на «зоны интересов» Великобритании и США, наиболее перспективной линией Майский считал торгово-экономическую и культурную дипломатию³⁹³.

В силу несопоставимости политического веса Великобритании и СССР в регионе стратегия «обхода Турции и проливов» через страны Ближнего Востока была нереализуема изначально. В условиях, когда Лондон контролировал правительства ряда арабских стран, имел там свои воинские контингенты, никакие предпринимаемые Москвой «меры дипломатического и культурно-политического характера» не могли помочь ей потеснить англичан в

³⁹⁰ № 193 Послание Сталина от 12 сентября 1943 // Переписка И. В. Сталина с У. Черчиллем и К. Эттли в годы войны

³⁹¹ Эрман Дж. Большая стратегия. М., 1995. С 118-121, 129-131

³⁹² АВП РФ. Ф.06. Оп.6. П.14. Д.145. Л.35.

³⁹³ АВП РФ. Ф.06. Оп.6. П.14. Д.145. Л.36.

жизненно важном для Британского Содружества Восточном Средиземноморье. Кроме того, план Майского отличался внутренней противоречивостью – невозможно было проложить путь к гаваням Средиземного моря через страны Ближнего Востока, не осложнив при этом отношения с Англией, что, по мнению самого Майского, «на данном этапе не соответствовало бы нашим интересам»³⁹⁴.

Тем не менее, когда в июле–августе 1944 г. вслед за Египтом дипломатические отношения с СССР установили Сирия и Ливан, Москва получила возможность расширить пределы своего присутствия на Ближнем Востоке. Открывшиеся в указанных странах советские представительства поставили сбор информации о развитии ситуации в регионе на регулярную основу. Доклады БВО НКВД, из раза в раз сообщавшие о предпринимаемых Великобританией и США усилиях в направлении сателлизации ближневосточных стран, установления контроля над их ресурсами³⁹⁵, позволили партийно-советскому руководству сделать вывод о начале между Великобританией и США борьбы за доминирование в арабском мире. Вероятнее всего, именно это обстоятельство стало решающим в формировании устойчивого интереса Сталина к ближневосточным делам. В то время, когда хозяин Кремля серьезно опасался сговора английских и американских правящих кругов по ключевым вопросам послевоенного мироустройства за спиной Советского Союза, всякая конфронтация между Лондоном и Вашингтоном привлекала его особое внимание.

В этой связи в поле зрения сталинского руководства вошла и Палестина. 31 марта 1945 г. замнаркома иностранных дел С. Кавтарадзе высказал в записке главе советского внешнеполитического ведомства Молотову предположение, «что именно на территории Палестины пройдут новые мощные нефтепроводы». Тот отмеченный Кавтарадзе факт, что «английский и американский капитал проявляют к Палестине повышенный интерес», способство-

³⁹⁴ АВП РФ. Ф.06. Оп.6. П.14. Д.145. Л.39.

³⁹⁵ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.8. Л.27; Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.39 и др.

вал увеличению значимости последней в расчетах советской ближневосточной политики. Кавтарадзе предлагал открыть в Палестине советское консульство. Формальным основанием для этого шага являлись имущественные интересы СССР на «земле обетованной» и потребность проживавших в Палестине «более двухсот советских граждан» в консульских услугах³⁹⁶.

Действительно, во второй половине XIX–начале XX вв. усилиями Российского правительства и церкви в Палестине была создана инфраструктура храмов, монастырей, земельных участков и подворий, обозначавшаяся в документах того времени как «Русская Палестина». Арабы называли этот островок российского мира «Москобийе-эль-Кадиме»³⁹⁷. По данным НКВД СССР, к 1914 г. Россия владела в Палестине 35 земельными участками общей площадью до 2 кв. км. с возведенными на них зданиями (подворья, гостиницы, больницы, храмы и т. п.). Согласно турецким законам, иностранные общества, компании и частные лица не могли владеть недвижимым имуществом, поэтому купчие на многие земельные участки и другое имущество России в Палестине были оформлены на возглавлявшего Императорское православное палестинское общество (ИППО) великого князя Сергея Александровича – для членов российского царствующего дома турецкие власти сделали исключение. После убийства великого князя в 1905 г. часть российского имущества в Палестине на основании фирмана (именного указа) султана Абдул-Хамида II была переоформлена на российского генконсула в Палестине, который, в свою очередь, передал ее в бессрочное управление ИППО и Духовной миссии РПЦ в Палестине. Таким образом, юридически все российское имущество в Палестине состояло из 4-х групп:

1. Имущество, принадлежащее царскому правительству;
2. Имущество, принадлежавшее ИППО;

³⁹⁶ Записка заместителя народного комиссара иностранных дел СССР С.И.Кавтарадзе народному комиссару иностранных дел СССР В.М.Молотову. 31 марта 1945 г. // Советско-израильские отношения... С. 113.

³⁹⁷ Лисовой, Н.Н. Русское присутствие в Святой Земле: учреждения, люди, наследие // Отечественная история. 2003 г. № 2. С. 20.

3. Имущество, принадлежавшее Духовной миссии РПЦ;
4. Имущество, фиктивно оформленное на имя частных лиц, но приобретенное Духовной миссией РПЦ или ИППО.

По данным НКВД СССР, стоимость земельных участков «Русской Палестины» с возведенными на них зданиями исчислялось в миллион фунтов стерлингов³⁹⁸.

После начала Первой мировой войны подворья ИППО, а также больницы и здания Духовной миссии РПЦ перешли в распоряжение турецкого военного командования. В 1917 г. они были заняты вступившей в Палестину британской армией. В соответствии со статьей 13 мандата Лиги наций на Палестину «вся ответственность в отношении Святых Мест и религиозных зданий или комплексов в Палестине, включая сохранение существующих прав и обеспечение свободного доступа к Святым Местам» передавалась британским властям³⁹⁹ [7, с. 86]. В мае 1923 г. нарком внешней торговли СССР Л.Б. Красин обратился в МИД Великобритании с требованием передачи Советскому правительству имущества ИППО и Духовной миссии РПЦ в Палестине. Л.Б. Красин ссылался на положение декрета СНК от 20 января 1918 г. об отделении церкви от государства, согласно которому религиозные общества не могли владеть частной собственностью, их прежние частнособственнические владения национализировались, следовательно, имущество ИППО и Духовной миссии РПЦ в Палестине объявлялись собственностью СССР. Начиная с «меморандума Красина» вопрос о церковном имуществе в Палестине неоднократно ставился в 1920-е гг. НКВД СССР перед английским правительством⁴⁰⁰.

Демарши Москвы вызвали в Лондоне длительные разбирательства, породившие, в свою очередь, серию ответов, которые оказались эффективными в подрыве советских притязаний на церковное имущество в

³⁹⁸ Справка Ближневосточного отдела НКВД СССР. 20 октября 1945 г. // Советско-израильские отношения... С. 130.

³⁹⁹ The Palestine mandate. Geneva: League of Nations, 1930.

⁴⁰⁰ ДВП СССР. Т. IX. С. 546; ДВП СССР. Т. XII. С. 522 – 523

Палестине. Англичане не могли полностью положиться на ст.13 мандата, т.к. они не могли быть вполне уверены, что палестинские правовые организации своей собственной властью не могли бы найти некоторую законность в советских притязаниях⁴⁰¹. Британские власти решили, что в Палестине должен быть создан специальный устав, регламентирующий статус благотворительных земель. «Устав о благотворительных фондах» 1924 г. закрепил за мандатными властями полномочия в отношении благотворительных (вакуфных) земель и религиозных фондов в Палестине. Решающее значение для советско-британского спора по вопросу церковного имущества в Палестине имела статья 37 Устава, согласно которой суд в оценке «любого владения в Палестине находящегося в руках владельца, при условии, что использование владения и доходы от него будут отданы на благотворительные цели ... может объявить эту собственность содержащейся на доверии». Таким образом Великобритания стала попечительницей имущества ИППО и Духовной миссии РПЦ в Палестине. Попытки советского правительства направить в Палестину своего уполномоченного были заблокированы англичанами⁴⁰². В итоге Москва возложила на британское правительство «ответственность за сохранение имущества СССР в Палестине» и оставило за собой право «потребовать от Британского Правительства компенсации за любые потери, которые СССР может понести в результате этого отказа [допустить в Палестину представителя советского правительства]»⁴⁰³

Весной 1945 г. Советский Союз решительно потребовал от Великобритании «скорейшей передачи всей [бывшей церковной] собственности, равно как и доходов, полученных от ее эксплуатации, советской дипломатической миссии в Египте». Мотивы советской дипломатии раскрывает докладная записка заведующего Ближневосточным отделом НКВД СССР И.В. Самылов-

⁴⁰¹ Баталден, Стефен К. Судьба русского землевладения в Иерусалиме во время Палестинского мандата / Стефен К. Баталден // Палестинский сборник. Вып. 31 (94). М., 1992. С. 27.

⁴⁰² РГА. Ф.5263. Оп.2. Д.2. Л.60, 79, 81, 85.

⁴⁰³ ДВП СССР. Т. IX. С. 546

ского и заместителя заведующего Вторым европейским отделом В.Я. Ерофеева заместителю наркома иностранных дел СССР С.И. Кавтарадзе от 12 мая 1945 г., в которой в частности говорится: «Из хода переговоров посла в Лондоне т. Гусева с [заместителем] министра иностранных дел Кадоганом видно, что англичане не склонны удовлетворить наши претензии о возврате нашего имущества в Палестине... вопрос о возврате нам палестинского имущества неизбежно приобретет затяжной характер и не будет исключена возможность попыток со стороны англичан передать это имущество в третьи руки. Следовательно, нам нужно установить наблюдение за этим имуществом»⁴⁰⁴.

Советское руководство было озабочено составлением максимально полной описи имущества ИППО и Духовной миссии РПЦ в Палестине. Еще в августе 1944 г. посланник СССР в Египте Н.В. Новиков обращался к британским мандатным властям с просьбой о предоставлении подробной информации о бывшей российской собственности в Палестине. Великобритания предоставила опись церковного имущества через посольство СССР в Лондоне, которая, однако, по оценкам НКВД СССР оказалась неполной. Поэтому в октябре 1945 г. во время своего визита в Палестину, новый посланник СССР в Египте А.Д. Щиборин вновь обратился к британским мандатным властям с просьбой о предоставлении подробной информации о бывшей российской собственности в Палестине. По всей видимости, вскоре эта информация была получена – уже 20 октября 1945 г. БВО НКВД СССР подготовил «Справку о нашем имуществе в Палестине», с приложением «Списка русского имущества в Палестине» на 3 листах. Список включал в себя: 33 «участка земли», 6 «подворий», 5 «церквей» (Св. Александра, Св. Царицы Александры, Вознесения, Богородицы, Св. Петра), 1 «собор» (Св. Троицы), 1 «храм» (Св. Марии Магдалины), «здание консульства», а также около десятка «приютов для паломников» и сорока «домиков». Список был чрезвычайно подробен – в него входили, например, «узкая полоска земли против сада, разделенная от него

⁴⁰⁴ АВП РФ. Ф.118. Оп.8. П.4. Д.2. Л.7–8.

дорогой» в предместье Яффы Себиль-у-Шифа и «цистерна» на склоне масличной горы, близ Гефсимании⁴⁰⁵.

Для завоевания позиций на «святой земле» Кремль использовал и «церковную дипломатию». Так, в мае 1945 г. впервые в истории РПЦ патриарх Московский и всея Руси Алексей (Симанский) прибыл с официальным визитом к Иерусалимскому патриарху. Патриарх Алексей (Симанский) попытался убедить монастыри и общины, находившиеся с 1920-х гг. в юрисдикции РПЦЗ, перейти под омофор Московской Патриархии, однако глава Русской духовной миссии архимандрит Антоний (Синькевич) занял твердую позицию и на уговоры не поддавался⁴⁰⁶.

Практически все «советские граждане», проживавшие в Палестине, входили в Славянский комитет, который, в свою очередь, являлся коллективным участником Лиги «V». Славянский комитет издавал собственный бюллетень «Славянский голос», номера которого через советскую миссию в Каире направлялись в Москву⁴⁰⁷. Однако, главным образом не церковное имущество и потребности бывших подданных Российской империи привлекали внимание советского руководства к «земле обетованной». Прежде всего, писал Кавтарадзе, «наличие нашего представителя в Иерусалиме или другом пункте Палестины ... диктуется необходимостью наблюдения за политикой Англии и США в этом районе»⁴⁰⁸.

Поскольку подключение Москвы к обсуждению вопросов развития ближневосточного региона и, в частности, палестинской проблемы, которая, по верному замечанию С. Кавтарадзе, «тесно переплетается со всеми важ-

⁴⁰⁵ Справка Ближневосточного отдела НКВД СССР. 20 октября 1945 г. // Советско-израильские отношения... С. 130-134.

⁴⁰⁶ Тальберг Н.Д. Святая Русь на Святой Земле // Православная Русь. 1958. № 16. С.8.

⁴⁰⁷ АВП РФ. Ф.118. Оп.8. П.3. Д.1. Л.1.

⁴⁰⁸ Записка заместителя народного комиссара иностранных дел СССР С.И.Кавтарадзе народному комиссару иностранных дел СССР В.М.Молотову. 31 марта 1945 г. // Советско-израильские отношения... С. 113.

нейшими послевоенными проблемами Ближнего Востока»⁴⁰⁹, происходило в условиях активизации всех субъектов и треков ближневосточной политики, представляется необходимым дать общую характеристику расстановки основных сил в регионе на завершающем этапе Второй мировой войны.

Великобритания стремилась сохранить за собой статус «протектора» Ближнего Востока посредством создания там под своей эгидой союза арабских государств. Таким образом Лондон пытался использовать в своих интересах популярную идею «арабского единства». А. Иден представил этот курс как «новую политику» Великобритании на Ближнем Востоке. Арабский мир откликнулся на инициативу Лондона рядом проектов, главными среди которых были «план Благодатного полумесяца» и «план Великой Сирии». Автором первого, официально представленного в декабре 1942 г., был премьер-министр Ирака Нури Саид. Его проект включал в себя два этапа. Сначала предлагалось создать государство «Великая Сирия» (Сирия, Ливан, Трансиордания и Палестина), а затем путем его объединения с Ираком – конфедерацию «Благодатного полумесяца». «План Великой Сирии» принадлежал королю Трансиордании Абдаллаху. Он был предложен в апреле 1943 г. и представлял собой «усеченный» вариант «плана Благодатного полумесяца» – объединение четырех названных государств под властью Абдаллаха. Если выдвинутый Амманом проект был разработан при поддержке британских дипломатов и имел выраженную пробританскую направленность – «Великая Сирия» должна была заключить с Лондоном союзный договор по образцу британско-египетского 1936 г., то проект Нури Саида был нацелен на освобождение арабского мира от «опеки» англичан. Так, в соответствии с Багдадским проектом объединение арабских стран планировалось осуществить под эгидой ООН.

Форин оффис не поддержал выдвинутые арабскими лидерами проекты, сославшись на то, что ни один из них не получил одобрения большинства

⁴⁰⁹ Записка заместителя народного комиссара иностранных дел СССР С.И.Кавтарадзе народному комиссару иностранных дел СССР В.М.Молотову. 31 марта 1945 г. // Советско-израильские отношения... С. 112.

арабских государств. Действительно, Сирия и Ливан, добившиеся в годы войны независимости, стремились к ее укреплению, к тому же на республиканских началах. Возможность появления на Ближнем Востоке сильного хашимитского государства, в каком бы то ни было виде, вызывала тревогу Саудовской Аравии – Хашимиты могли потребовать возвращения им Хиджаза. Наконец, свои амбиции были у Каира, стремившегося закрепить за собой статус лидера арабского мира. Благодаря умелой дипломатии египетского премьер-министра Мустафы ан-Наххаса Каиру удалось захватить политическую инициативу в ходе начавшихся в июле 1943 г. консультаций глав ближневосточных государств по вопросу достижения арабского единства. Именно Мустафа ан-Наххас, осознав, «что для сохранения за Египтом позиции "матери арабских стран" необходимо отказаться от идеи союза в пользу сотрудничества ... впервые выступил с позицией создания Лиги арабских государств»⁴¹⁰.

Существенную роль в повышении внимания Вашингтона к ближневосточному региону сыграли американские нефтяные компании, потребовавшие от госдепартамента еще в 1930-е гг., когда в Саудовской Аравии были обнаружены первые нефтяные месторождения, обеспечить им «доступ» к ближневосточным запасам нефти, разумеется, в соответствии с «национальными интересами» США. В 1933 г. крупнейшие нефтяные компании США создали Калифорнийскую арабскую нефтяную компанию (California Arabian Standard Oil Co), с 1944 г. – Арабско-американская нефтяная компания (Arabian American Oil Co, ARAMCO), ставшую со временем крупнейшим добытчиком и транспортировщиком нефти в регионе. В годы войны Белый дом постепенно пришел к выводу о необходимости включения Ближнего Востока в сферу «жизненно важных интересов» США. Укреплению американских позиций в регионе способствовали активно действовавшие там при поддержке нефтяного бизнеса американские культурно-просветительские и благотворительные организации. Только в 1942 г. Американский Красный крест «напра-

⁴¹⁰ Исаев Л.М. Лига арабских государств: история создания // Восток. 2011. №3. С.93.

вил в страны Ближнего Востока 50 млн. долл. ... распределил 6 000 т продуктов среди египтян и сирийцев»⁴¹¹. В 1943 г. Вашингтон установил дипломатические отношения с Саудовской Аравией и распространил на нее закон о ленд-лизе.

В 1944–1945 гг. ради сохранения своего политического влияния в регионе Лондон пошел на заключение с Вашингтоном ряда нефтяных соглашений, «которые гарантировали американскому капиталу благоприятные условия для экспансии в сфере жизненных интересов Британской империи взамен на готовность Вашингтона разделить с Англией политическую и военную ответственность в решении вопросов международной и региональной политики»⁴¹². Правительство Великобритании предлагало президенту США Рузвельту выступить с совместным заявлением и по Палестине, нацеленным на предупреждение эскалации арабо-еврейского конфликта. Рузвельт не поддержал инициативу Лондона – Белый дом стоял на позиции невмешательства в палестинские дела в силу «высокой степени их сложности и запутанности»⁴¹³.

В то же время Американская СО требовала от правительства США активной поддержки сионистского проекта. Созданный ею Чрезвычайный сионистский совет смог консолидировать широкие круги американского еврейства на сионистской платформе и, в частности, добиться принятия Американской еврейской конференцией (АЕК)⁴¹⁴ резолюции, требующей от Белого

⁴¹¹ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.8. Л.27.

⁴¹² Валиахметова Г.Н. Ирак в нефтяной политике Великобритании в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 2009. №10. С.126.

⁴¹³ Принципиальные факторы, касающиеся Палестины. Государственный департамент США. Отдел по делам Ближнего Востока. 25 ноября 1941 г. // Колобов О.А., Корнилов А.А., Сергунин А.А. Документальная история арабо-израильского конфликта: Хрестоматия. Н.Н., 1991. С.51. В датированном 15 октября 1943 г. меморандуме помощника начальника Отдела по делам Ближнего Востока Госдепа США «Палестинский вопрос» отмечалось: «Несмотря на все ошибки, допущенные англичанами, ни одна страна, включая нашу собственную, не способна лучше их управлять страной [Палестиной]». Там же. С.52.

⁴¹⁴ Литвинов характеризовал АЕК как влиятельную ассоциацию, «представлявшую 65 различных еврейских организаций, насчитывавших 2 250 000 членов». АВП РФ. Ф.0512. Оп.1. П.4. Д.37. Л.25.

дома оказать содействие созданию еврейского государства в Палестине. В этих условиях в ходе электоральной кампании 1944 г. обе ведущие партии США сочли необходимым заявить о своей поддержке сионистской программы. В марте 1944 г. Рузвельт напомнил АЕК, что «правительство США никогда не одобряло английскую Белую книгу 1939 г. ... наше правительство и американский народ всегда глубоко сочувствовали идеи создания еврейского национального очага...». Согласно оценке М.М. Литвинова как председателя комиссии НКВД СССР по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства, США, таким образом, превратились в «центр борьбы за создание еврейского государства в Палестине»⁴¹⁵. Однако, если внутри страны администрация Рузвельта стремилась заручиться расположением еврейских общин, то в сфере внешней политики она последовательно проводила курс на укрепление отношений с арабскими государствами.

В целом до резкого обострения ситуации на «земле обетованной» весной 1944 г. палестинский вопрос оставался в тени англо-американских, англо-французских, англо-арабских и межарабских противоречий в регионе. Впрочем, характер заявлений глав арабских государств и деятелей сионистского движения не оставлял сомнений в том, что начало решающей битвы за страну – вопрос времени. Арабские лидеры категорически отвергали возможность создания в Палестине еврейского государства. Они требовали отмены декларации Бальфура и прекращения еврейской иммиграции, в некоторых случаях – выселения всех евреев, прибывших в страну после 1917 г. В арабских проектах устройства Ближнего Востока допускалось лишь образование автономных областей для некоторых немусульманских общин, например, как это предусматривалось планом короля Абдаллаха, для маронитов и иудеев. Иначе говоря, арабская элита соглашалась с присутствием евреев в своих странах исключительно в качестве «традиционных религиозных меньшинств».

⁴¹⁵ АВП РФ. Ф.0512. Оп.1. П.4. Д.37. Л.25.

Позиция СО базировалась на Билтморской декларации (Biltmore Declaration)⁴¹⁶, в которой насущной задачей сионистского движения провозглашалось учреждение в Палестине «Еврейской республики (Jewish Commonwealth), полностью интегрированной в структуру нового демократического мира». Декларация подтверждала абсолютное неприятие сионистами положений Белой книги 1939 г. и призвала Объединенные нации признать право палестинских евреев на «защиту своей страны при помощи еврейских вооруженных сил, сражающейся под собственным флагом и под командованием Объединенных наций». Основная идея Билтморской декларации состояла в утверждении, что «установить новый международный порядок на принципах мира, справедливости и равенства не удастся до тех пор, пока не будет полностью решена проблема неустроенности еврейского народа». Исходя из этого, авторы декларации требовали от Объединенных наций, «чтобы ворота в Палестину открылись; чтобы Еврейское агентство получило контроль над иммиграцией в Палестину и необходимые полномочия для развития страны»⁴¹⁷. По существу, Билтморская декларация провозгласила лозунг «еврейское государство сейчас»⁴¹⁸, выдвижение которого до окончания войны лондонский и палестинский центры сионистского движения считали преждевременным. Однако, Билтморскую декларацию поддержал Д.Бен-Гурион. Заметим, что она во многом перекликалась со статьей будущего первого главы правительства Израиля «Направления сионистской политики», опубликованной в январе 1942 г. в «Foreign Affairs». В итоге Правление ЕА и Исполнительный комитет СО заявили о своей поддержке Билтморской декларации.

⁴¹⁶ Билтморская декларация была принята 11 мая 1942 г. чрезвычайной конференцией сионистских организаций США и Канады, название декларации происходит от названия нью-йоркского отеля, в котором проходила конференция.

⁴¹⁷ Biltmore Declaration // Jewish Post-war Problems. American Jewish Committee. Research Institute on Peace and Post-War Problems. Indiana, 1943. P.61

⁴¹⁸ В общении с представителями Госдепа США сионистские лидеры прямо говорили, что под Jewish Commonwealth ими подразумевается Jewish State. АВП РФ. Ф.0512. Оп.7. П.42. Д.77. Л.13.

«Борьба вокруг палестинского вопроса вступила в новую стадию весной 1944 г., т.е. как раз в тот момент, когда заканчивался предусмотренный Белой книгой [1939 г.] пятилетний иммиграционный период», – отмечал М.М. Литвинов в подготовленной им летом 1945 г. записке «Палестинский вопрос»⁴¹⁹. Напомним, что в 1939 г. британское правительство заявило о своем намерении «основать в течение 10 лет независимое палестинское государство». При этом в первые 5 лет иммиграция евреев в Палестину ограничивалась, а в следующий «пятилетний иммиграционный период», который начался весной 1944 г., допускалась только в случае отсутствия возражений со стороны палестинских арабов⁴²⁰. Пока президент СО Х.Вейцман безуспешно пытался «путем переговоров и выдвигания аргументированных доводов убедить ... Черчилля сделать публичное заявление о том, что после окончания войны в Палестине будет образовано еврейское государство»⁴²¹, правое сионистское подполье в Палестине – Эцел и Лехи – развернуло под лозунгом «национального восстания» кампанию террора против англичан⁴²². Руководство «еврейского национального очага», не без основания опасаясь, что действия Эцел и Лехи могут дискредитировать сионизм в глазах международного сообщества, провело совместно с британской администрацией операцию «Сезон» с целью ликвидации правого сионистского подполья.

Обострение ситуации на «земле обетованной» потребовало от всех заинтересованных сторон определить свою позицию по вопросу будущего го-

⁴¹⁹ АВП РФ. Ф.0512. Оп.1. П.4. Д.37. Л.25.

⁴²⁰ Palestine Statement of Policy Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. May 1939. L., 1939.

⁴²¹ Гилберт М. Черчилль и евреи. М.–Иерусалим, 2010. С.275.

⁴²² Атакам боевиков Эцел, которыми руководил Менахем Бегин, будущий премьер-министр Израиля (1977–1983 гг.), подверглись полицейские участки, налоговая инспекция, английская радиостанция и нефтепровод. Bowyer J. Bell. Terror out of Zion: the fight for Israeli independence 1929-1949: P. 86,87. В феврале 1944 г. Лехи организовала покушение на Верховного комиссара Палестины Гарольда Альфреда МакМайкла Nachman Ben-Yehuda. Political assassinations by Jews: a rhetorical device for justice. P.203. 6 ноября 1944 г. в Каире боевиками Лехи был убит британский министр по делам Ближнего Востока Уолтер Гиннесс лорд Мойн. Наибольший резонанс вызвал организованный Эцел взрыв располагавшейся в отеле «Царь Давид» штаб-квартиры британской администрации Палестины 22 июля 1946 г. В результате акции 91 человек погиб, 250 были тяжело ранены.

сударственного устройства Палестины. 4 ноября 1944 г. в беседе с Вейцманом Черчилль высказался за «раздел Палестины ... и включение Негева в еврейскую территорию, впрочем, он дал понять, что до завершения войны никаких официальных заявлений им сделано не будет»⁴²³. Вплоть до окончания срока своего премьерства Черчилль, вопреки ожиданиям сионистских лидеров, так и не дезавуировал Белую книгу 1939 г. Официальный биограф У.Черчилля М.Гилберт приводит в своем исследовании личное письмо британского премьера его ближайшему советнику Гастингсу Лайонелу от 25 января 1945 г., в котором Черчилль сформулировал основной принцип британской ближневосточной политики того времени: «Наша позиция должна состоять в сосредоточенности и сдержанности. Реально мы не можем предпринять действий, которые остановили бы этих кровожадных людей [арабских и еврейских боевиков] и не позволили им убивать друг друга, если они подобным образом понимают демократию и систему взаимоотношений народов в мире. Главное для нас – держаться важных стратегических позиций. Я склонен думать, что в этих странах [Палестине и Сирии] могут произойти гражданские войны, если только обстановку там не станут контролировать три великие державы-победительницы. Мы очень немного получаем от наших ближневосточных подопечных и платим за это необычайно высокую цену»⁴²⁴.

После того как в 1944 г. съезд лейбористской партии Великобритании поддержал идею создания еврейского государства в Палестине, сионистская левая возложила надежды на новый британский кабинет. Однако «13 ноября 1945 г. лейбористское правительство официально отказалось от своих обещаний аннулировать Белую книгу [1939 г.], предложив вместо этого создать ... еще одну комиссию»⁴²⁵. Разработанные Э. Бевином основные принципы ближневосточной политики нового кабинета едва ли отличались от тех, ко-

⁴²³ Weizmann Chaim. Trial and Error. The Autobiography of Chaim Weizmann. N.Y., 1949. P.413.

⁴²⁴ Гилберт М. Черчилль и евреи. М.–Иерусалим, 2010. С. 283.

⁴²⁵ Weizmann Chaim. Trial and Error. The Autobiography of Chaim Weizmann. N.Y., 1949. P.417.

торым следовало правительство Черчилля. Во главу угла Бэвин ставил сохранение важнейших колониальных ресурсов Великобритании, главное место среди которых занимала арабская нефть. Реализация этого политического курса требовала сохранения дружественных отношений с арабами.

Позиция арабских государств по палестинскому вопросу была изложена в специальной резолюции Александрийской конференции, подписанной главами правительств Сирии, Трансиордании, Ирака, Ливана и Египта 7 октября 1944 г. Она была подготовлена присутствовавшим на конференции в качестве наблюдателя представителем основных арабских партий Палестины публицистом и общественным деятелем Мусой аль-Алами. Участники конференции заявили, что «Палестина является важной составной частью арабского мира и что права арабов Палестины не могут быть затронуты без угрозы для мира и стабильности в Арабском мире». Конференция продекларировала поддержку «дела арабов Палестины» и потребовала от правительства Великобритании скорейшего выполнения его обязательств по Белой книге 1939 г.: «прекратить еврейскую иммиграцию, сохранить арабские земли, предоставить независимость Палестине». Опираясь на резолюцию Александрийской конференции и поддержку Лиги арабских государств (ЛАГ), Муса аль-Алами создал «Арабский национальный фонд» с целью противодействия сионистской колонизации посредством скупки земель в Палестине.

Особо следует заметить, что на встрече в Александрии представители арабских стран впервые официально сформулировали принцип отдельного решения проблемы Палестины и еврейских беженцев из стран Европы: «проблема этих евреев не должна соединяться с сионизмом, ибо не может быть большей несправедливости и вероломства, чем решение проблемы европейских евреев при помощи еще одной несправедливости, т.е. наложения несправедливости на арабов Палестины...»⁴²⁶. В то же самое время в общественном мнении США благодаря активной пропагандистской работе как АЕК,

⁴²⁶ The Alexandria Protocol. October 7, 1944 // Basic documents of the League of Arab States. N.Y.: Arab Information Center, 1955. P. 5-7

так и Американского палестинского комитета (объединения христиан – сторонников идеи «возвращения» евреев на «землю обетованную»), наоборот, утвердилась идея трансфера еврейских беженцев из стран Европы в Палестину.

Президент Рузвельт вплоть до встречи с королем Саудовской Аравии Абдель Азизом II, состоявшейся в феврале 1945 г., полагал, что сможет склонить арабских лидеров уступить требованиям сионистов. Однако в результате переговоров, во время которых Рузвельт, по его собственным словам, «за пять минут узнал о проблемах мусульманско-еврейских отношений больше, чем узнал бы, обменявшись двадцатью или тридцатью письмами», глава Белого дома изменил свое мнение. По возвращению в Вашингтон Рузвельт заявил президенту АЕК И. Проскаруэру, что «позиция арабов не позволяет [ему] предпринять какие-либо действия по отношению к Палестине». Действительно, поддержка Белым домом сионистских требований могла бы серьезно осложнить отношения Вашингтона с арабским миром, в частности, поставить под угрозу реализацию «пакта Куинси», предоставившего США монопольные права на разведку, разработку месторождений и добычу саудовской нефти⁴²⁷. Следует особо подчеркнуть: бесспорным приоритетом ближневосточной политики США как в эпоху Рузвельта, так и в период президентства Трумэна оставалось развитие отношений с арабскими странами⁴²⁸.

Таким образом, ни сионистам, ни панарабистам не удалось к окончанию войны заручиться однозначной поддержкой ни одной из великих держав. В этой ситуации, не оставляя усилий по привлечению на свою сторону симпатий правящих кругов и общественного мнения Великобритании и США, как представители СО, так и лидеры панарабистского движения активизировали деятельность по укреплению связей с СССР в расчете на его помощь.

⁴²⁷ Пакт был подписан 14 февраля 1945 г. на борту американского крейсера «Куинси»

⁴²⁸ Носач О.В. Позиция США по вопросу создания Государства Израиль // США-Канада. 2009. № 4. С. 75–76.

Весной 1944 г. только дипмиссия СССР в Египте получила от арабских общественных организаций, главным образом Аль-Ихван аль-Муслимун (Братьев-мусульман), «более 230 писем протеста против попыток превращения Палестины в "еврейское государство"». Эти обращения являлись частью большой, как сейчас бы сказали, пиар-кампании, развернутой при поддержке египетского правительства партиями и общественными движениями ряда арабских стран в ответ на «сионистскую кампанию по мобилизации общественного мнения союзников за отмену Белой книги и за неограниченную иммиграцию [евреев] в Палестину»⁴²⁹. Арабы явно проигрывали сионистам в борьбе за влияние на умонастроения западных журналистов и политиков. Это стало очевидно в феврале 1944 г., когда сенаторы Р.Вагнер и Р.Тафт внесли в верхнюю палату Конгресса США проект резолюции, требующей от Белого дома активно содействовать открытию для европейских евреев свободного доступа в Палестину и превращению последней в демократическое еврейское государство. Хотя проект Вагнера–Тафта так и не стал резолюцией, сам факт его появления свидетельствовал об усилении влияния сионистского лобби в Вашингтоне.

Как следует из составленной посланником СССР в Египте Н.В. Новиковым подборки «основных положений» из полученных миссией «писем по вопросу о Палестине», арабские деятели обращали внимание Москвы на то, что, во-первых, по их мнению, «евреи не имеют ни исторических, ни моральных прав претендовать на Палестину»; во-вторых, «содействие союзников созданию еврейского государства в Палестине противоречит Атлантической хартии, кладет конец надежде и доверию арабов к обещаниям союзников»; в-третьих, «создание еврейского государства в Палестине, в этом центре арабских стран, направлено на разрыв всеарабского единства», однако, заверяли Братья-мусульмане советское правительство, «всякие выступления и маневры, направленные на разрешение палестинской проблемы за счет арабов, об-

⁴²⁹ Письмо посланника СССР в Египте Н.В. Новикова заместителю народного комиссара иностранных дел СССР С.И. Кавтарадзе. 15 апреля 1944 г. // Советско-израильские отношения ... С. 90–91.

речены на провал, ибо арабы готовы встать как один на защиту своих исконных прав на Палестину»⁴³⁰.

Лидеры арабской Палестины прекрасно понимали, что одной решимости для победы их дела будет недостаточно. В беседе с секретарем миссии СССР в Египте А.Ф. Султановым, состоявшейся вскоре после завершения Александрийской конференции, Муса аль-Алами сказал, что «арабы возлагают большие надежды как на отдельные арабские государства, так и на союзническую мирную конференцию». В частности, «делегат от палестинских арабов» выразил уверенность в поддержке Советским Союзом «справедливых требований арабов на мирной конференции». Свой вывод о позиции СССР по палестинской проблеме Муса аль-Алами обосновывал тем, что «Советский Союз не является заинтересованной стороной в этом вопросе, не имеет империалистических целей в арабских странах и отрицательно относится к сионистскому движению»⁴³¹. Однако расчеты Мусы аль-Алами, как выяснилось позже, оказались ошибочными.

Дело в том, что к панарабскому движению в советских верхах относились довольно скептически. Возможность воплощения панарабского проекта ставилось под сомнение. «Трудно сказать, в какой мере данная идея осуществима на практике, – писал Майский в уже цитировавшейся записке Молотову по вопросам будущего мира и послевоенного устройства. – Здесь на пути имеется много трудностей, коренящихся в вековой раздробленности арабских племен и в династическом соперничестве их руководителей»⁴³². Кроме того, сотрудники БВО НКВД отмечали крайне слабое влияние идеологии панарабизма на широкие слои населения: «Среди самих арабов это движение охватывает лишь круги правящей верхушки и интеллигенции». Но основной

⁴³⁰ Письмо посланника СССР в Египте Н.В. Новикова заместителю народного комиссара иностранных дел СССР С.И. Кавтарадзе. 15 апреля 1944 г. // Советско-израильские отношения ... С. 91.

⁴³¹ Запись беседы второго секретаря миссии СССР в Египте А.Ф. Султанова с делегатом от палестинских арабов на конференции по созыву Панарабского конгресса Мусой аль-Алами. 11 октября 1944 г. // Советско-израильские отношения ... С. 105.

⁴³² АВП РФ. Ф.06. Оп.6. П.14. Д.145. Л. 38.

причиной внешне сдержанного, внутренне – негативного отношения Москвы к панарабскому движению был его проанглийский и даже антисоветский характер, о чем докладывали главы миссий СССР в странах Ближнего Востока. «Стремление арабов к объединению и созданию единой панарабской федерации подогреваются и поддерживаются англичанами в той мере, поскольку это отвечает их планам укрепления своего влияния на Ближнем Востоке и создания барьера против возможного проникновения туда влияния Советского Союза», – сообщали заведующий БВО НКВД И.В. Самыловский и посланник СССР в Египте А.Д. Щиборин замнаркома иностранных дел В.Г. Деканозову в специальной записке по данному вопросу. «... лидеры движения, несомненно, люди проанглийские», – заключали авторы записки. В итоге делался следующий вывод: «Ввиду того, что фактически все арабские страны не являются независимыми государствами, всякого рода их соединение возможно лишь под эгидой господствующей державы, т.е. в настоящее время Англии»⁴³³.

Отношение высшего партийно-советского руководства к сионистам было в рассматриваемый период не столь однозначным, как это представлялось лидерам арабской Палестины, исходившим в своих прогнозах касательно позиции СССР по палестинскому вопросу из коминтерновских инвокаций в адрес «арабского национально-освободительного движения» 1930-х гг. Хотя, как было отмечено в предыдущих разделах, в годы войны Кремль не изменил своего отрицательного отношения к идеологии сионизма, практические успехи еврейской колонизации «земли обетованной» и, главное, решительный настрой еврейской Палестины на борьбу за национальную независимость как с арабами, так и с англичанами, подвигли сталинское руководство к переоценке региональной роли «еврейского национального очага» в духе *Realpolitik*.

⁴³³ Записка заведующего БВО НКВД СССР И.В. Самыловского и посланника СССР в Египте А.Д. Щиборина замнаркома иностранных дел В.Г. Деканозову. 25 ноября 1944 г. // Советско-израильские отношения ... С. 108.

Собранные палестинской референтурой БВО НКВД данные о внутреннем положении и социально-экономическом развитии «еврейского национального очага» свидетельствовали о том, что за время войны он укрепил свои позиции регионального промышленного, научно-технического и культурного центра. Опираясь на информацию ПАЛКОРа, палестинская референтура сообщала в мае 1943 г.: «Общая стоимость продукции еврейских промышленных предприятий Палестины за 1942 г. исчисляется в 40 млн. пал. фунтов. В еврейских промышленных предприятиях заняты в настоящее время 60 000 рабочих, не считая работающих на военных заводах. Еврейская промышленность выплачивает в течение года 13½ млн. пал. фунтов заработной платы»⁴³⁴. «Интенсивное развитие палестинской промышленности», как знали в Москве, отмечалось и экономическими обозревателями соседних стран. В частности, ссылаясь на бюллетень египетского министерства по делам промышленности, палестинская референтура БВО НКВД докладывала об «индустриальном прогрессе Палестины»: «[в 1941–1943 гг.] были основаны новые предприятия – химической, текстильной, пищевкусовой, деревообделочной, писчебумажной, кожевенной и металлической отраслей промышленности ... наиболее процветающие отрасли – фармацевтическая и химическая ... Значительный шаг вперед сделала текстильная промышленность ..., судостроительство»⁴³⁵. Предприятия практически всех названных отраслей входили в производственную структуру «еврейского национального очага». Общее число еврейских промышленных предприятий Палестины по отдельным отраслям и времени их создания представлено, соответственно данным Торгово-промышленного департамента ЕА, в таблице 2.

⁴³⁴ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.47.

⁴³⁵ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.29.

Таблица 2.

Название отрасли	Общее количество предприятий	В том числе основанные в годы войны (до 1943 г.)
Металлическая	458	105
Текстильная	252	109
Пищевкусовая	215	50
Химическая	187	67
Деревообделочная	166	0
Конфекционная (готового платья)	148	36
Писчебумажная и типографская	115	0
Кожевенная	107	0
Промышленных стройматериалов	53	0
Электротехническая промышленность	42	0
Обработка драгоценных камней	32	27
Прочее	89	83
Всего	1864	477 ⁴³⁶

Как видно, около четверти предприятий металлической, трети – химической и чуть менее половины текстильной отраслей производства были основаны в военный период. По данным ПАЛКОРа, 60% «из новых еврейских промышленных предприятий работали для нужд войны». В 1943 г. они получили кредит в размере 1 500 000 ф.ст. от консорциума «Керен-Хасиод», Анг-

⁴³⁶ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.11.

ло-Палестинского банка и Палестинского промышленного банка⁴³⁷. Иначе говоря, в еврейской Палестине, являвшейся в прежний период преимущественно сельскохозяйственной страной, в годы войны была заложена база для комплексного промышленного развития. Индустриализация «земли обетованной» была связана также с прибытием туда высококвалифицированных научно-технических кадров – евреев-беженцев из европейских стран. Отмечая это обстоятельство, Бен-Гурион писал в августе 1944 г. замнаркому иностранных дел СССР Майскому: «Опыт последних лет показал, что Палестина с иммиграцией еврейских технических и иных специалистов способна стать крупным промышленным центром, благодаря которому весь Ближний Восток, вероятно, сможет получить существенные выгоды в послевоенный период»⁴³⁸.

Лидеры международного сионистского движения и руководители «еврейского национального очага» в Палестине уделяли значительно большее, нежели арабские деятели, внимание контактам с представителями советского правительства. В сентябре 1943 г. президент СО Вейцман приложил немало сил для того, чтобы убедить Майского, тогда еще посла СССР в Великобритании, в необходимости подключения Советского Союза к обсуждению палестинской проблемы как одного из важнейших вопросов послевоенного урегулирования. Президент СО всячески подчеркивал, «что англичане не станут действовать в одиночку [в Палестине], что они нуждаются в моральной поддержке со стороны Америки и России..., [но] что они не знают позиции России». Играя на великодержавных амбициях Кремля, Вейцман дал понять советскому послу, что Лондон и Вашингтон могут прийти к соглашению по палестинскому вопросу и без участия СССР. В подтверждение своих слов президент СО сообщил Майскому о состоявшихся в июне 1943 г. переговорах СО с президентом США

⁴³⁷ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.26.

⁴³⁸ Письмо председателя Правления ЕА Д.Бен-Гуриона заместителю народного комиссара иностранных дел СССР И.М. Майскому. 8 августа 1944 г. // Советско-израильские отношения ... С. 94.

Рузвельтом, во время которых обсуждалась возможность организации встречи арабских и сионистских лидеров с участием Рузвельта и Черчилля. Наконец, Вейцман прямо заявил, что сионисты «дружественно относятся к России и надеются, что советское правительство поймет их цели»⁴³⁹.

С конца 1943–начала 1944 гг. сионисты, выражаясь словами главы Ближневосточного отдела Политического департамента Правления ЕА Э.Эпштейна, «начали систематически развивать»⁴⁴⁰ контакты с сотрудниками советских посольств и миссий в странах Ближнего Востока и США. ЕА стремилось к налаживанию постоянных каналов связи с Москвой для регулярного информирования советского правительства о развитии ситуации в Палестине «с той целью, чтобы оно имело ввиду нашу точку зрения, когда придет время для определения политической линии [СССР в палестинском вопросе]»⁴⁴¹. В том, что это время скоро наступит, лидеры еврейской Палестины не сомневались, равно как и в том, что Советский Союз будет одним из главных архитекторов послевоенного мира. Сионисты рассчитывали заручиться поддержкой Кремля в следующих вопросах.

Во-первых, важнейшим условием укрепления и дальнейшего развития «еврейского национального очага» ЕА считало переселение туда выживших, но «совершенно разоренных» восточно-европейских евреев. «Мы должны лишь получить согласие великих держав на это», – сказал директор Политического департамента правления ЕА М.Шерток секретарю советской миссии в Египте А.Ф. Султанову в декабре 1943 г.⁴⁴² Сионисты старались убедить Москву в том, что ставший для стран Центральной и Восточной Европы камнем преткновения «еврейский вопрос» не перестанет быть

⁴³⁹ Из протокола заседания Лондонского бюро правления ЕА. 14 сентября 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 85.

⁴⁴⁰ Отчет сотрудника Политического департамента ЕА Э.Эпштейна о беседах с советником миссии СССР в Египте Д.С.Солодом. 3 сентября 1944 г. // Советско-израильские отношения... С. 102.

⁴⁴¹ Запись беседы представителя ЕА в Вашингтоне Н.Гольдмана с послом СССР в США А.А.Громыко. 23 сентября 1944 г. // Советско-израильские отношения... С. 85.

⁴⁴² Из записи беседы второго секретаря миссии СССР в Египте А.Ф.Султанова с директором Политического департамента ЕА М. Шертоком. 21 декабря 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 90.

дестабилизирующим фактором в общественно-политической жизни этих стран и после окончания войны. В подготовленном Вейцманом для советского правительства «Меморандуме о СССР и целях сионистов» отмечалось, что гитлеровскому фашизму не удалось бы «достичь такого успеха, если бы не существовала еврейская проблема, которую не удалось решить странам Центральной и Восточной Европы». Поэтому Советский Союз, «который ближе всего соседствует со странами, где эта [еврейская] проблема наиболее остра», должен быть, по мнению сионистского руководства, в большей мере, чем другие государства, заинтересован в ее решении.

Снять «еврейский вопрос» с восточно-европейской повестки можно было, утверждал Вейцман, только посредством эмиграции евреев: «немцы начали массовое уничтожение евреев, их изгнание из мест постоянного проживания, заключение в концентрационные лагеря, полное экономическое разорение. Совершенно невозможно восстановить то, что было до войны, и хотя часть еврейского населения может вернуться назад, нет сомнений в том, что необходимость эмиграции резко возрастет». Поскольку предпринятые в годы войны попытки решения проблемы беженцев показали, что «не существует такой страны на земном шаре с обширными освоенными территориями, которая была бы готова принять от 2 до 3 миллионов евреев, организовать их компактные поселения в пределах своих границ, – ни США, ни какой-либо британский доминион, ни одна из южноамериканских республик, ни, как мы понимаем, СССР», то единственным местом, куда могли бы переселиться восточно-европейские евреи, оставалась Палестина.

Президент СО акцентировал внимание советского руководства на том, что «исторические связи еврейского народа с Палестиной получили международное признание» (имелась ввиду декларация Бальфура и мандат Лиги Наций на управление Палестиной). «Сионизм, направляя еврейские массы в Палестину, ставит цель – перевоспитать их в обычных людей, свободных от любых аномалий еврейской экономической жизни в условиях диаспоры, с

тем, чтобы они активно участвовали во всех отраслях производства... Альтернативы у Палестины нет», – заключал Вейцман⁴⁴³.

Во-вторых, допуская, в целом, возможность «здоровых экономических и социальных отношений [евреев] с арабским населением [Палестины]»⁴⁴⁴, сионисты предпринимали меры по дискредитации арабских политических деятелей в глазах советского руководства. Представители ЕА постоянно обращали внимание Москвы на то, что «лидеры арабских государств открыто или тайно занимают пронацистские или профашистские позиции». «Так, например, бывший муфтий Иерусалима и бывший премьер-министр Ирака Рашид аль-Гайлани перешли на сторону нацистов и сегодня, скрываясь от правосудия, проводят яростную пропаганду нацизма, – писал в «Памятной записке об отношениях между сионистским движением и Советской Россией представитель ЕА в Вашингтоне Н.Гольдман. – Однако даже те арабские лидеры, которые заняли более осмотрительную позицию, никогда не оказывали действенной поддержки Объединенным Нациям в войне против стран оси. Египет ... оставался на нейтральной позиции даже тогда, когда войска нацистов приближались к Александрии ... Ирак сначала предпринял неудавшуюся попытку переворота против англичан и, наконец, спустя три года, объявил войну странам оси только после того, как его участие не имело какого-либо значения ... Ибн-Сауд все еще сохраняет нейтралитет»⁴⁴⁵.

Прогерманским арабским режимам противопоставлялась еврейская Палестина, поддержка которой, утверждали руководители ЕА, необходима «с точки зрения сохранения позиций союзников на Ближнем Востоке и укреп-

⁴⁴³ Письмо президента Всемирной сионистской организации Х.Вейцмана послу СССР в Великобритании И.М. Майскому. 2 марта 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 43.

⁴⁴⁴ Письмо президента Всемирной сионистской организации Х.Вейцмана послу СССР в Великобритании И.М. Майскому. 2 марта 1942 г. // Советско-израильские отношения... С. 41.

⁴⁴⁵ Памятная записка Н. Гольдмана об отношениях между сионистским движением и Советской Россией. 27 мая 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 79.

пления там прогрессивных элементов»⁴⁴⁶. Как правило, направляемые различными сионистскими инстанциями правительству СССР памятные записки, меморандумы и иные послания не содержали просьб о прямой поддержке Москвой борьбы сионистов за создание еврейского государства в Палестине. Сионистские лидеры старались убедить советское правительство лишь в том, что объективно «Советская Россия, которая имеет естественные интересы на Ближнем Востоке, вряд ли имеет причины возражать против возникновения еврейского сообщества в Палестине»⁴⁴⁷. Вместе с тем ЕА неоднократно выказывало надежды на установление между Советским Союзом и сионистским движением не только взаимопонимания, но и прочных дружественных отношений.

Далеко не все сионистские партии мечтали о тесной дружбе будущего еврейского государства с СССР. Просоветский настрой был характерен для идеологически мотивированных активных участников развернувшегося в годы войны в «еврейском национальном очаге» движения солидарности с Советским Союзом. Он укреплялся благодаря знакам внимания, оказываемым движению со стороны Москвы, такими, например, как участие советских дипломатов С.С. Михайлова и Н.А. Петренко в качестве почетных гостей в работе I съезда Лиги «V» в августе 1942 г. Основой дружественных отношений СССР и еврейской Палестины, по мнению сионистской левой, должны были стать тесные связи советского и палестинского еврейства. Показательным в этой связи является высказывание видного поалей-циониста, в годы Гражданской войны в России – бойца Красной Армии, Ицхака Ицхаки (Ицхока Лишовского) на встрече с Михайловым и Петренко в кибуце Кфар Гилади: «... теперь, в период войны, и после нее, стоит и требует ответа следующий вопрос; разве соответствует политическим интересам Советского Союза – и советского еврейства в частности, чтобы развивающийся еврейский центр в

⁴⁴⁶ Памятная записка Н. Гольдмана об отношениях между сионистским движением и Советской Россией. 27 мая 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 79.

⁴⁴⁷ Памятная записка Н. Гольдмана об отношениях между сионистским движением и Советской Россией. 27 мая 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 79.

Палестине находился под исключительным влиянием только лишь американского и английского еврейства, и чтобы только одно советское еврейство было лишено всякого влияния и всякой возможности направлять наше строительство тут?». По мнению Ицхака Ицхаки, участие «воспитанного на заветах октябрьской революции» советского еврейства в строительстве еврейского государства в Палестине должно было способствовать стиранию различий «в условиях политической и социальной жизни» между нею и СССР, т.е. превращению «земли обетованной» в «рабочую социалистическую страну»⁴⁴⁸.

Однако такая радикальная установка не являлась ведущей даже в сионистской левой, более того, она отвергалась сталинским руководством как нацеленная на вовлечение советских евреев в сионистский проект. Собственно последнее обстоятельство являлось главным камнем преткновения в отношении Москвы к сионистскому движению. Настойчивые просьбы ЕА о направлении ее представителей в Советский Союз, оговорки о том, что «в отношении российских евреев вопрос об эмиграции пока не встает»⁴⁴⁹, свидетельствовали о том, что сионисты будут и впредь, а в случае создания еврейского государства, очевидно, и с большей силой, добиваться установления связей с советскими евреями.

Вместе с тем, начиная с середины 1944 г., борьба сионистов за «землю обетованную» стала учитываться сталинским руководством при определении курса советской ближневосточной политики как один из важнейших параметров развития ситуации в регионе. «... Не стоит думать, будто в Москве не знают о вас или не интересуются вами», – говорил советник миссии СССР в Египте Д.С. Солод Э. Эпштейну в сентябре 1944 г. Незадолго до этой беседы НКВД СССР запросил у своего представительства в Каире дополнительную

⁴⁴⁸ Еврейство Палестины – народам СССР... С. 92.

⁴⁴⁹ Памятная записка Н. Гольдмана об отношениях между сионистским движением и Советской Россией. 27 мая 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 79.

информацию о еврейской Палестине⁴⁵⁰. Прежде всего, Кремль интересовали вопросы перспектив развития еврейской Палестины и ее жизнеспособности. Небольшие размеры страны и недостаточность человеческих ресурсов для ее колонизации заставляли советское руководство сомневаться в возможности превращения еврейской Палестины, даже с учетом уже имеющихся у нее достижений, в сильный региональный центр, на который можно было бы делать политические ставки.

Действительно, вопрос о том, позволят ли небольшие размеры Палестины разместить там значительное количество евреев, озвучивался советскими дипломатами в беседах с сионистскими деятелями чаще всего. Отвечая в сентябре 1943 г. Майскому, Вейцман «предъявил ряд аргументов в пользу того, что, по самым скромным подсчетам, они [сионисты] могут перевести туда [в Палестину] еще около 2 миллионов евреев»⁴⁵¹. Во время посещения Палестины в октябре 1943 г. Майский попросил Бен-Гуриона «дать авторитетное заключение о возможностях размещения новых еврейских поселенцев в Палестине». В августе 1944 г. Бен-Гурион отправил Майскому меморандум по данному вопросу, подготовленный сотрудником экономического бюро ЕА Д. Горовицом. «... На основе очень осторожных подсчетов в области сельского хозяйства, промышленного производства, а также развития торговли и коммуникаций, – резюмировал выводы меморандума Бен-Гурион, – в Палестине могли бы быть размещены около 2 500 000 новых поселенцев»⁴⁵².

Однако не мене важным был вопрос о том, где ЕА могло найти столько поселенцев? В беседе с Н.Гольдманом, состоявшейся 15 августа 1944 г. в

⁴⁵⁰ Отчет сотрудника Политического департамента ЕА Э.Эпштейна о беседах с советником миссии СССР в Египте Д.С.Солодом. 3 сентября 1944 г. // Советско-израильские отношения... С. 102.

⁴⁵¹ Из протокола заседания Лондонского бюро правления ЕА. 14 сентября 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 85. Эта же цифра была названа Вейцманом в беседе с сотрудниками Госдепа США по вопросу о будущем Палестины в мае 1943 г. АВП РФ. Ф.0512. Оп.7. П.42. Д.77. Л.12.

⁴⁵² Письмо председателя Правления ЕА Д.Бен-Гуриона заместителю народного комиссара иностранных дел СССР И.М.Майскому. 8 августа 1944 г. // Советско-израильские отношения ... С. 93.

Вашингтоне, видный советский дипломат К.А. Уманский, тогда посол СССР в Мексике, прямо спросил представителя ЕА в США: «... откуда ... будут переселены евреи для создания еврейского государства в Палестине. Неужели еврейская общественность не в курсе того, что произошло с евреями в Европе?» По мнению ЕА, озвученному Гольдманом, в Европе могло остаться еще «около 2,5 миллионов евреев, из которых около миллиона поедут в Палестину». В ответ на просьбу Уманского представить конкретные данные по каждой стране, Гольдман привел следующие цифры:

<i>страна</i>	<i>количество евреев</i>	<i>в том числе готовых переехать в Палестину</i>
Балканы, включая Венг- рию	800 000	около 400 000
Польша	300 000–400 000	
Польские евреи в Рос- сии, которым будет раз- решено вернуться в Польшу или выехать в другую страну	200 000	около 250 000
Страны Центральной и Западной Европы	200 000	«... из которых часть захочет поехать в Пале- стину»

Кроме того, ЕА рассчитывало найти поселенцев для Палестины «в Северной Африке, где условия проживания евреев не очень хорошие, в Ираке и Йемене». Таким образом, делал вывод Гольдман, «цифра в 1 миллион может стать реальной»⁴⁵³.

⁴⁵³ Запись беседы представителя ЕА в Вашингтоне Н.Гольдмана с послом СССР в Мексике К.А. Уманским. 15 августа 1944 г. // Советско-израильские отношения ... С. 97.

Другим важным аспектом, живо интересовавшим Москву, было отношение к возможности создания в Палестине еврейского государства правящих кругов Великобритании и США. В наркомате иностранных дел не без основания полагали, что «[англичане], вероятно, поступят так, как они обычно поступают, – вначале согласуют все с американцами, а затем с русскими, после того как соглашение уже будет достигнуто»⁴⁵⁴. В материалах Комиссии НКВД по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства отложились документы, свидетельствующие о повышенном внимании советской дипломатии к позиции США в палестинском вопросе. По существу, как видно из них, Белый дом интересовали те же самые вопросы, что и Кремль. В целом, советскому руководству было известно, что, несмотря на громкие просионистские заявления американских политиков, Госдеп относился к планам создания еврейского государства на Ближнем Востоке весьма скептически и даже настороженно⁴⁵⁵. Заметно меньшее значение Москва придавала позиции арабов, которых, как отмечалось выше, считала британской клиентурой. В уже цитированной памятной записке Гольдмана прямо говорилось: «Российские дипломаты неоднократно указывали нам на тот факт, что Россию не особо беспокоят требования, выдвигаемые арабами, равно как и особого значения она им не придает»⁴⁵⁶.

Ключевой вопрос, предъявляемый советским руководством сионистским лидерам, касался военных сил «еврейского национального очага»: будет ли способно еврейское государство, когда и если оно возникнет, отстаивать свою независимость? Москву интересовала расстановка и соотношение сил в Палестине. По данным ЕА, направленным в СССР в 1944 г., общее количество мобилизованных за годы войны в Палестине добровольцев достигло 42 000 человек, из них 29 000 евреев и 13 000 арабов и представителей других национальных групп. Из всего взрослого мужского населения Палести-

⁴⁵⁴ Запись беседы представителя ЕА в Вашингтоне Н. Гольдмана с послом СССР в Мексике К. А. Уманским. 15 августа 1944 г. // Советско-израильские отношения ... С. 97.

⁴⁵⁵ АВП РФ. Ф. 0512. Оп. 7. П. 42. Д. 77. Л. 12–13.

⁴⁵⁶ Памятная записка Н. Гольдмана об отношениях между сионистским движением и Советской Россией. 27 мая 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 79.

ны, подчеркивало ЕА, записалось добровольцами среди евреев свыше 20%, среди арабов – 5%⁴⁵⁷. Тем не менее, на протяжении всей войны британское ближневосточное командование предпочитало опираться на арабские вооруженные силы, прежде всего, так называемый Арабский легион, который под началом британского генерала Джона Бэггота Глабба стал боеспособной армией, хорошо проявившей себя при подавлении восстания Айл-Гайлани в Ираке в мае 1941 г. и при оккупации Сирии в июне 1941 г. Части Арабского легиона несли службу по охране коммуникационных линий в Египте, Палестине и Иране. Его офицеры привлекались британским ближневосточным командованием в качестве инструкторов для подготовки воинских формирований в других арабских странах, дружественных Великобритании. К концу войны численность Арабского легиона достигла 16 000 чел.⁴⁵⁸

В сентябре 1940 г. в ходе личной беседы Черчилля с Вейцманом было выработано соглашение о формировании в Палестине и «еврейской армии». В соответствии с ним, объявлялся призыв возможно большего числа палестинских евреев-добровольцев на военную службу с образованием из них еврейских батальонов или более крупных единиц. Офицерский корпус еврейских воинских частей должен был состоять из палестинских евреев, при условии прохождения ими специальной подготовки на английских военных базах в Египте. По настоянию министерства колоний, озабоченного сохранением баланса сил в Палестине, в соглашение Черчилля–Вейцмана был включен пункт о «примерном равенстве числа евреев и арабов, завербованных для службы в специальных еврейских и арабских отрядах в Палестине». «Поскольку набор евреев наверняка окажется больше, – отмечалось далее, – то избыточное число еврейских рекрутов должно быть отправлено в Египет или другую часть Ближнего Востока»⁴⁵⁹.

⁴⁵⁷ Палестина: ее хозяйство и внешняя торговля. Сборник, посвященный вопросам развития торговых сношений между Палестиной и Советским Союзом. Ерусалим, 1944. С. 6.

⁴⁵⁸ История Востока: в 6 т. Т. 5: Восток в новейшее время: 1914–1945 гг. М., 2006. С. 163.

⁴⁵⁹ Weizmann Chaim. Trial and Error. The Autobiography of Chaim Weizmann. N.Y., 1949. P.424–425.

По свидетельству Вейцмана, британская администрация в Палестине, настроенная в основном антиеврейски⁴⁶⁰, всячески препятствовала созданию самостоятельных еврейских воинских частей. В 1941–1942 гг. в британской армии были созданы лишь отдельные вспомогательные еврейские подразделения. Одно из них, еврейский автотранспортный отряд, участвовало в боевых действиях в Северной Африке в составе 8-й британской армии⁴⁶¹. Отвечая весной 1943 г. на вопрос посла СССР в Великобритании И.М. Майского, есть ли у палестинских евреев своя армия, директор Политического департамента ЕА М.Шерток сказал: «[в настоящее время] мы только ведем борьбу за это ... мы требуем хотя бы слияния этих подразделений в крупную еврейскую военную часть»⁴⁶². Еврейский Палестинский полк был сформирован лишь в 1943 г., когда из Палестины были выведены австралийские войска – по просьбе Канберры их перевели на тихоокеанский театр военных действий⁴⁶³. В 1944 г. на основе Палестинского полка была создана Еврейская бри-

⁴⁶⁰ В беседе с Майским в феврале 1941 г. Вейцман охарактеризовал отношение британской администрации в Палестине к евреям следующим образом: «Англичане не любят евреев, особенно их не любят английские колониальные администраторы. Это особенно заметно в Палестине, где живут и евреи, и арабы. Здесь британские "высокие комиссары", безусловно, предпочитают арабов евреям. Почему? Очень просто, почему.

Английский колониальный администратор обычно проходит школу в таких британских владениях, как Нигерия, Судан, Родезия и т.д. Там есть определенный шаблон управления: немножко дорог, немножко суда, немножко миссионерства, немножко медицинской помощи для населения. Все просто, несложно, спокойно. Никаких серьезных проблем, и никаких серьезных претензий со стороны управляемых. Это нравится английскому администратору, и он к этому привыкает. А в Палестине?

- Здесь, - оживляясь, продолжал Вейцман, - на такой программе далеко не уедешь. Здесь есть большие и сложные проблемы. Правда, палестинские арабы являются привычными для администратора опытными кроликами, но зато евреи приводят его в отчаяние. Они всем недовольны, они ставят вопросы, они требуют ответов, подчас нелегких ответов, Администратор начинает сердиться, Начинает смотреть на евреев, как на nuisance. А главное, администратор все время чувствует, что еврей смотрит на него и про себя думает: "Ты умный? ... А я, может быть, в два раза более умный, чем ты". Это окончательно настраивает администратора против евреев, и он начинает хвалить арабов. То ли дело с ними? Ничего не хотят и ничем не беспокоят». Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943: в 2 кн. Кн. 2, ч. 1: 4 сентября 1939 – 21 июня 1941 года. М., 2009. С. 328.

⁴⁶¹ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.37.

⁴⁶² Сообщение директора Политического департамента Правления ЕА М.Шертока о беседе с послом СССР в Великобритании И.М. Майским на заседании исполкома Гистадрута. 29 апреля 1943 г. // Советско-израильские отношения ... С.72.

⁴⁶³ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 4. М., 1998. С. 11.

гада, которая приняла участие в сражениях с германскими войсками в Италии.

В самой Палестине британское военное командование подготовило и сформировало из еврейских добровольцев (в основном бойцов Хаганы) специальные отряды Палмах (ивр. – ударные роты). Пальмах создавался англичанами для военных действий против вишистской Сирии и партизанской войны в Палестине в случае ее захвата «Германским Африканским корпусом». Около 6 000 евреев Палестины добровольно мобилизовались в территориальную милицию (Нотрим), привлекавшуюся британской администрацией к охране железнодорожных линий, военных аэродромов и складов, лагерей военнопленных. 16 000 евреев числилось в резервных частях Нотрим, для них регулярно проводились курсы военной подготовки.⁴⁶⁴ Под эгидой Морского отдела ЕА были сформированы отряды охраны портов и побережья. Еврейские общины палестинских городов создавали службы «корпуса обороны»: отряды Красного Маген Давида, пожарные команды, отряды скорой социальной помощи, службы связи и др.⁴⁶⁵

Фактически Нотрим, отряды охраны портов и побережья и «корпус обороны» действовали под руководством Центрального командования Хаганы. Помимо решения «официальных» задач, которые ставились британской администрацией, они обеспечивали проведение нелегальной иммиграции евреев в Палестину. После разгрома итало-германских войск под Эль-Аламейне в ноябре 1942 г., когда военное сотрудничество британского командования с еврейской Палестиной было постепенно свернуто, в полное подчинение Центрального командования Хаганы также перешел Пальмах⁴⁶⁶. Таким образом, у ЕА были «свои дивизии».

Вопрос о том, поддержит ли Советский Союз сионистов, оставался для последних открытым вплоть до знаменитой речи Громыко в ООН 14 мая

⁴⁶⁴ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.21.

⁴⁶⁵ АВП РФ. Ф.118. Оп.1. П.1. Д.10. Л.30.

⁴⁶⁶ Jonathan R. Adelman. The rise of Israel: a history of a revolutionary state. L., 2008. P. 153–155.

1947 г. Высказывания советских дипломатов в предшествующий период чаще всего отражали их личную точку зрения. Так, в сентябре 1943 г. Майский сказал Вейцману, что СССР, вероятно, поддержит сионистов. Судя по замечанию советского посла, которое приводит Вейцман – «то, что сделали немцы по отношению к евреям, ужасно» – Майский считал геноцид восточноевропейского еврейства весомым доводом в пользу сионистского проекта. В конце беседы он еще раз уверил президента СО, что «Россия, конечно, их [сионистов] поддержит», однако подчеркнул, что «он не может давать обязательства за свое правительство»⁴⁶⁷. 15 августа 1944 г. в беседе с Гольдманом Уманский уже прямо сказал, что в Москве «мнение склоняется в пользу создания еврейского государства в Палестине»⁴⁶⁸. Впрочем, это была сугубо доверительная беседа. В целом, отвечая на запросы сионистов о позиции СССР в палестинском вопросе, советские дипломаты говорили, что в данный момент они не могут дать конкретный ответ, однако, когда палестинский вопрос будет рассматриваться в ООН, советское правительство представит свою позицию по нему.

В настоящее время в нашем распоряжении нет документов, в которых была бы выражена позиция Сталина по палестинскому вопросу в рассматриваемый период. Тем не менее, можно предположить, что уже в начале 1945 г. хозяин Кремля сделал выбор в пользу еврейской Палестины. Дело в том, что именно в это время официальные советские представители впервые публично, в рамках крупного международного форума, выразили поддержку требованиям сионистов относительно Палестины. Соответствующее заявление прозвучало от имени советской делегации на учредительной конференции Всемирной федерации профсоюзов в Лондоне в феврале 1945 г. На встрече с представителями советской делегации Тарасовым, Комасом и Кузнецовым глава Политического департамента правления ЕА в Лондоне Локкер «выра-

⁴⁶⁷ Из протокола заседания Лондонского бюро правления ЕА. 14 сентября 1943 г. // Советско-израильские отношения... С. 85.

⁴⁶⁸ Запись беседы представителя ЕА в Вашингтоне Н.Гольдмана с послом СССР в Мексике К.А. Уманским. 15 августа 1944 г. // Советско-израильские отношения ... С. 97.

зил надежду, что позиция советских представителей на конференции окажет влияние на политику их страны в этом вопросе»⁴⁶⁹. Разумеется, Локкер понимал, что заявление советских делегатов не могло быть сделано без санкции Кремля. В мае 1946 г. в беседе с секретарем еврейско-палестинской Лиги дружественных связей с СССР Л.Тарнополером завконсульским отделом миссии СССР в Ливане Р.Агаронов заметил, что поддержка советской профсоюзной делегацией требований сионистов на конференции в Лондоне не была «лишь незначительным эпизодом»⁴⁷⁰. Дипломатическая игра Сталина состояла, очевидно, в том, чтобы, подав сигнал сионистам, не вызвать конфликт с Великобританией. Советское правительство всегда могло сказать, что ВЦСПС – это общественная организация, точка зрения которой может отличаться от официальной позиции Кремля.

Выбор еврейской Палестины в качестве орудия советской ближневосточной политики, с помощью которого можно было бы ослабить позиции Великобритании на Ближнем Востоке, обуславливался рядом факторов. Прежде всего, в то время, когда Лондон всячески препятствовал проникновению советского влияния на Ближний Восток, сионистов, вступивших в жесткую конфронтацию с англичанами, в Москве стали все чаще воспринимать как потенциальных союзников согласно формуле – враг моего врага мой друг. Поддержка сионистов оказывалась и в пику арабским режимам. Интересную версию в этой связи высказал известный ученый-палестиновед, дипломат Е.Д. Пырлин. По его мнению, «согласившись с внесением "иностранного элемента" в арабский мир, Сталин рассчитывал, прежде всего, раскачать, а затем и разрушить "замшелые" арабские монархии..., создать условия для прихода к власти в ведущих арабских странах прогрессивных националисти-

⁴⁶⁹ Отчет о встрече представителей Гистадрута с советской профсоюзной делегацией на учредительной конференции Всемирной федерации профсоюзов в Лондоне. 25 февраля 1945 г. // Советско-израильские отношения... С. 110.

⁴⁷⁰ Запись беседы генерального секретаря Лиги дружественных связей с СССР Л.Тарнополера с заведующим консульским отделом миссии СССР в Ливане Р.Агароновым. 22 мая 1946 г. // Советско-израильские отношения... С. 148.

ческих сил»⁴⁷¹. Наконец, Москва предъявляла условия и самим сионистам. «Не следует понимать так, что советское правительство, поддержав лондонскую [учредительной конференции Всемирной федерации профсоюзов] заняло просионистскую позицию, - говорил Агаронов Тарнополеру в уже цитированной беседе. – Нам надо еще убедиться, что сионистское движение в качестве движения за национальное освобождение еврейского народа является независимым и автономным ... Хотя мы знаем, что в сионистском движении существуют сильные и влиятельные прогрессивные элементы, движение в целом не является независимым, другими словами, оно не может самостоятельно определять свою политику»⁴⁷².

Итак, в рассматриваемый период сталинское руководство не считало ни панарабистов, ни сионистов самостоятельными политическими силами. Тот факт, что как представители арабских кругов, так и сионисты уверяли советских дипломатов в том, что англичане «подыгрывают» их противникам, еще более утверждал Москву в уверенности – те и другие по большей части являются лишь пешками в традиционной британской игре «разделяй и властвуй». Сионисты заинтересовали Кремль как наиболее последовательные борцы против мандатного режима, однако было бы преувеличением полагать, будто бы Сталин видел в них своих союзников.

В НКВДе существовало два, как бы мы сейчас сказали, «мозговых центра», занимавшихся разработкой палестинского вопроса: аппарат И.М. Майского, бывшего посла СССР в Лондоне, замнаркома иностранных дел и аппарат М.М. Литвинова, бывшего посла СССР в Вашингтоне, замнаркома иностранных дел, председателя Комиссии НКВД по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства. Майский был сторонником «осторожной»

⁴⁷¹ Пырлин Е.Д. 100 лет противоборства. Генезис, эволюция, современное состояние и перспективы решения палестинской проблемы. М., 2001. С. 421. Объяснение Е.Д. Пырлина перекликается со свидетельством высокопоставленного сотрудника НКВД СССР П.А. Судоплатова. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 гг. М., 1998. С. 349.

⁴⁷² Запись беседы генерального секретаря Лиги дружественных связей с СССР Л.Тарнополера с заведующим консульским отделом миссии СССР в Ливане Р.Агароновым. 22 мая 1946 г. // Советско-израильские отношения... С. 148-149.

политики на Ближнем Востоке. Он выступал за наращивание советского влияния в регионе преимущественно «в сфере экономической, культурной и политической» – именно в такой последовательности. Даже при этом, подчеркивал Майский, «необходима известная осторожность, чтобы избежать каких-либо конфликтов с Англией (и США)»⁴⁷³.

М.М.Литвинов, по свидетельству высокопоставленного сотрудника разведывательного управления НКВД П.А.Судоплатова, еще в 1943 г., будучи послом СССР в США, обращал внимание В.М.Молотова на то, что Палестина и создание еврейского государства сделаются одним из главных вопросов послевоенной мировой политики⁴⁷⁴. По мнению патриарха советской дипломатии, успех сионистского движения зависел от поддержки США⁴⁷⁵. Вероятно, исходя из этого М.М. Литвинов «решительно выступал против связей с сионистским движением, а также против нашего активного участия в решении палестинской проблемы, [т.к.] наше возможное воздействие на сионистское движение будет крайне незначительно»⁴⁷⁶. Тем не менее, именно комиссия Литвинова разработала летом 1945 г. первый советский план решения палестинского вопроса. Поскольку он был представлен полгода спустя после «просионистского» заявления советской делегации на Лондонской конференции, можно предположить, что записка Литвинова писалась по прямому заданию Кремля как обоснование и примерная программа действий СССР в палестинском вопросе.

Исходные положения проекта Литвинова были следующими:

1. Великобритания не выполнила своих обязательств по условиям мандата Лиги наций на Палестину, а именно не обеспечила «действительное осуществление идеала сионизма, т.е. создание еврейского государства в Палестине». «Это обстоятельство дает полное право изъять мандат на Палестину из английских рук». Как видно, противодействие англичан созданию на

⁴⁷³ АВП РФ. Ф.06. Оп.6. П.14. Д.145. Л. 38.

⁴⁷⁴ Судоплатов П.А. Спецоперации... С. 467.

⁴⁷⁵ АВП РФ. Ф.0512. Оп.1. П.4. Д.37. Л.25.

⁴⁷⁶ Судоплатов П.А. Спецоперации... С. 467.

«земле обетованной» еврейского государства использовалось как главный довод в пользу лишения Лондона прав на управление Палестиной. Таким образом, идея еврейского государства превращалась в рычаг, при помощи которого Великобританию можно было выдвинуть из Палестины или, по крайней мере, потеснить.

2. Правительства Великобритании и США подвержены влиянию противоборствующих сторон: «Если на палестинской политике Англии должно сильно сказываться главным образом внимание к интересам арабов, то американское правительство более подвержено влиянию могущественного американского еврейства». Последнее утверждение, как было показано выше, являлось преувеличением, впрочем, главным был не посыл, а вывод из него: правительства Великобритании и США затруднены «в поиске правильного пути для разрешения палестинской проблемы».

3. Исходя из сказанного выше, «за разрешение палестинской проблемы скорее всего мог бы взяться СССР, свободный как от арабского, так и еврейского влияния». Более того, сложившиеся обстоятельства дают Советскому Союзу «по крайней мере сделать заявку на предоставление ему временной опеки над Палестиной до более радикального разрешения проблемы».

Литвинов прекрасно понимал, что в силу своего геополитического положения Палестина слишком ценна для Англии, чтобы можно было рассчитывать на согласие Лондона хотя бы на временный переход «земли обетованной» под опеку другого государства, тем более Советский Союз. Речь шла о максимальном завышении требований (опека СССР над Палестиной), от которых в дальнейшем планировалось отказаться. Литвинов полагал, что в качестве «ответной уступки» Лондон и Вашингтон согласятся с передачей Палестины «под коллективную опеку трех государств – СССР, США и Англии». В документе подчеркивалось, что «палестинский вопрос не может быть удовлетворительно разрешен без ущемления прав и желаний либо евреев, либо арабов, а, может быть, и тех и других». По мнению Литвинова, именно

в трехстороннем формате палестинская проблема могла быть разрешена таким образом, чтобы ни одна из заинтересованных сторон (арабы и сионисты) не смогла добиться преференций за счет другой.

Предложенная Литвиновым позиция не была свободна от противоречий. С одной стороны, на основании того, что Великобритания не выполнила своих обязательств по декларации Бальфура, предлагалось «изъять мандат на Палестину из английских рук», с другой – утверждалось, что «условия коллективной опеки не должны быть связаны ни декларацией Бальфура, ни какими либо другими обещаниями, данными ранее Англией в качестве мандатария». Думается, что Литвинов сам видел это противоречие, т.к. отчасти снимал его заявлением о необходимости разрешить палестинскую проблему «по справедливости и в соответствии с интересами всего населения и с новыми требованиями политической жизни и всеобщей безопасности»⁴⁷⁷, иначе говоря, в соответствии с Уставом ООН.

3.2. Политика СССР в отношении еврейско-палестинского сообщества в период обсуждения палестинского вопроса в ООН

Начало деятельности ООН породило у всех сторон, вовлеченных в борьбу за Палестину, уверенность в неизбежности обсуждения палестинского вопроса в органах новой глобальной международной организации. Накануне начала работы ООН сионисты приложили немало усилий для того, чтобы «еврейские представители» были приглашены к участию в деятельности новой глобальной международной организации «на равных основаниях с другими большими и малыми народами, чьи проблемы должны быть рассмотрены с их непосредственным и активным участием». Соответствующая просьба от имени Новой (ревизионистской) сионистской организацией Аме-

⁴⁷⁷ АВП РФ. Ф.0512. Оп.1. П.4. Д.37. Л.37-38.

рики была направлена Сталину 8 апреля 1945 г.⁴⁷⁸ Москва оставила просьбу сионистов-ревизионистов без ответа. Советскому руководству было важно продемонстрировать свою независимость, как от арабского, так и еврейского влияния. Белый Дом предоставил официальный статус делегатам Американской еврейской конференции, возглавлявшейся сионистами, а также в целом поддерживавшей их организации Американский еврейский комитет, при делегации США на конференции ООН в Сан-Франциско⁴⁷⁹.

Роль ООН в урегулировании палестинской проблемы виделась каждой из заинтересованных сторон по-разному. Великобритания, как уже было отмечено выше, стремилась к согласованию своей ближневосточной политики с США. Правительство К. Эттли считало возможным разрешить палестинский вопрос в рамках англо-американского диалога. В этом случае роль ООН свелась бы лишь к утверждению достигнутого результата. В целом США поддерживали тактику «обхода» ООН. В январе 1946 г. по предложению президента Трумэна была сформирована англо-американская комиссия по расследованию ситуации в Палестине, внутри которой, однако, вскоре выявились серьезные расхождения в позициях Лондона и Вашингтона.

Английские эксперты опирались на план заместителя премьер-министра Г. Моррисона, практически повторяющего рекомендации комиссии Пиля 1937 г. Напомним, что комиссия Пиля предлагала разделить Палестину на два государства – еврейское (Галилея, Приморская равнина и Иезраэльская и Эздrelонская долины) и арабское (вся остальная часть Палестины) – связанные с Лондоном договорными отношениями, при сохранении между ними зоны под английским контролем (коридор, соединяющий Иерусалим с побережьем Средиземного моря). Американские эксперты отвергли идею создания арабского и еврейского государств в Палестине, т.к. ее реализация,

⁴⁷⁸ Телеграмма президента Новой сионистской организации Америки М.Мендельсона председателю Совета министров СССР И.В.Сталину. 8 апреля 1945 г. // Советско-израильские отношения... С. 113.

⁴⁷⁹ Дашкевич А.В. Некоторые аспекты деятельности Израиля и еврейских политических организаций в ООН // Ближневосточный конфликт в свете документов Национального архива США (1947–1949 гг.). С.93.

по мнению американской стороны, неизбежно «привела бы к гражданской войне, что поставило бы под угрозу мир во всем мире».

Вместе с тем, Вашингтон настаивал на немедленной выдаче 100 000 иммиграционных свидетельств евреям-жертвам нацистских преследований. Это предложение было принято с оговоркой, что «в Палестине евреи не будут господствовать над арабами и арабы не будут господствовать над евреями». Саму Палестину, согласно итоговому докладу комиссии, представленному 30 апреля 1946 г. и получившему название план Моррисона–Грейди, предлагалось разделить на четыре провинции: арабскую (40%), еврейскую (17%) и две британские – Иерусалимский округ и пустыня Негев (43%). Со временем, сроки которого не оговаривались, Палестина должна была перейти под опеку ООН, а до тех пор управляться страной-мандатарием⁴⁸⁰.

Британское правительство фактически отклонило план Моррисона–Грейди в части американских предложений касательно открытия страны для еврейской иммиграции. Лондон заявил, что не сможет выполнить эти рекомендации комиссии незамедлительно. Одновременно британский кабинет продолжил разработку плана раздела Палестины на два государства, надеясь на поддержку арабов, прежде всего, Хашимитов. Явная ставка Лондона на Амман – в Госдеп США непрерывным потоком шла информация о готовности англичан оказать военную помощь Абдаллаху в деле «объединения» «Великой Сирии»⁴⁸¹ – прямо угрожала региональным интересам США. До перехода под опеку ООН Палестина могла оказаться в составе связанного союзными отношениями с Великобританией объединенного Хашимитского государства. Таким образом, стратегия ближневосточного англо-американского сотрудничества оказалась несостоятельной.

На это обстоятельство обращал внимание Москвы посланник СССР в Ливане Д.С. Солод, который считался в БВО МИД СССР ведущим специали-

⁴⁸⁰ British Government. Report of the Anglo-American Committee of Enquiry. Cmd. 6808 (1946). P. 26-28.

⁴⁸¹ Hart P.T. Saudi Arabia and the United States. Birth of Security Partnership. Indianapolis, 1998. P.44.

стом по ближневосточным делам. Солод подчеркивал «факт наличия англо-американских противоречий в палестинском вопросе, и именно противоречий, связанных со стремлением обеих сторон закрепиться в южной части палестинского побережья Средиземного моря». Рассуждая далее, очевидно, в русле известных ему ожиданий высшего советского руководства, Солод писал: «Правда, еще нельзя полагать, что эти противоречия могут привести к обострению англо-американских отношений, но это уже явная, так сказать, живая весенняя ласточка». По мнению Солода, США искали «такого решения палестинского вопроса, которое позволило бы им вывести аравийский нефтепровод к восточному побережью Средиземного моря вне территорий, находящихся под английским влиянием или вне английских владений ... Но, выделив в особую зону район Негева под английским управлением, англичане довольно-таки открыто отпарировали эти невысказанные, но ярко выраженные американские намерения и этим, собственно говоря, лишили американцев главного элемента, который мог бы оправдать их согласие на раздел Палестины»⁴⁸².

Между тем ситуация в Палестине стремительно обострялась. Эскалация террора как со стороны еврейских, так и со стороны арабских боевиков, раскрутила в стране «спираль насилия», «когда сам акт смерти и ответной мести выводит участника вооруженных действий из-под контроля как высших командиров, так и собственных предыдущих установок и целей воюющих»⁴⁸³. На этом фоне происходила консолидация противоборствующих сил. При содействии Сирии в Палестине был воссоздан Верховный арабский комитет (ВАК) – руководящий центр арабского восстания 1936–1939 гг. В начале 1946 г. британская администрация признала ВАК в качестве высшего органа исполнительной власти (*executive body*) арабской общины Палестины. Под руководством вернувшегося тогда же в страну одного из руководителей ВАК 1930-х гг. Джамал аль-Хусайни началось формирование арабских воо-

⁴⁸² Письмо посланника СССР в Ливане Д.С. Солода заведующему БВО МИД СССР И.В. Самыловскому. 13 августа 1946 г. // Советско-израильские отношения ... С. 158-159.

⁴⁸³ Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. М., 2001. С. 377.

руженных отрядов. В ответ на усиление позиции клана Хусайни ряд палестинских партий, связанных с кланами-противниками семьи Хусайни, образовали Объединенный фронт.

По данным британской администрации в Палестине, «еврейское сопротивление» (Jewish Rebellion) насчитывало там летом 1946 г. в общей сумме до 75 000 человек, мужчин и женщин, из которых 30 000 имели военную подготовку и являлись постоянными членами Хаганы, Пальмаха, Нотрим и других менее многочисленных боевых групп⁴⁸⁴. «Еврейское сопротивление» организовывало массовые демонстрации, его боевики осуществляли диверсионные акты против британской полиции и армии. Главным объектом атак были военные склады и средства борьбы против нелегальной иммиграции (прибрежные полицейские посты, радарные установки и проч.). Широкий резонанс вызвал взрыв боевиками Эцеля офиса британской администрации в иерусалимском отеле «Царь Давид». С целью предотвращения разрастания конфликта 29 июня 1946 г. британская администрация ввела в Палестине военное положение.

В сентябре 1946 г. британское правительство объявило о созыве в Лондоне конференции с участием представителей арабской и еврейской общин Палестины для обсуждения плана Моррисона–Грейди с точки зрения перспективы «федерализации» страны. «Новый план разрешения палестинской проблемы полностью закрепляет Палестину за Англией, заменяя форму мандата особым федеральным устройством страны, при котором наряду с арабами и евреями постоянным членом федерации становится и Англия, – сообщал заместитель заведующего БВО МИД СССР М.А. Максимов заместителю министра иностранных дел СССР В.Г. Деканозову. – Принятие на конференции предлагаемого плана раздела Палестины или сговор англичан с арабами или евреями на иной основе, близкой к плану раздела Палестины, будет означать дальнейшее закрепление за Англией на неопределенное время всей

⁴⁸⁴ Horne Edward. A Job Well Done: (Being a History of the Palestine Police Force 1920-1948). L., 2003. P. 286–289.

Палестины»⁴⁸⁵. Однако уже к октябрю стало ясно, что никакого «сговора» ни с арабами, ни с евреями англичанам достичь не удастся⁴⁸⁶. Непримируемость противоборствующих сторон заставила британских дипломатов объявить перерыв в работе конференции до января 1947 г.

В этой ситуации Москва с еще большей настойчивостью стала добиваться передачи палестинского вопроса в ООН. В частности, Деканозов утвердил предложение БВО донести через советскую печать требования СССР:

1. Установленный английскими войсками военный режим в Палестине и наличие английских войск в Палестине усиливает угрозу безопасности на Ближнем Востоке; необходим отвод английских войск из Палестины.

2. Попытки добиться коренного разрешения палестинского вопроса на основе существующего мандата обречены на неудачу в силу порочности самой основы. Мандат должен быть отменен.

3. Коренное решение палестинского вопроса и создание независимой Палестины на демократической основе должно быть достигнуто через опеку над Палестиной, установленную Организацией Объединенных Наций⁴⁸⁷.

Заметим, что в записке Литвинова речь шла только об установлении коллективной опеки великих держав над Палестиной «до более радикального разрешения проблемы». По-видимому, с осени 1946 г. опека над Палестиной стала рассматриваться Кремлем как первый шаг на пути к предоставлению стране независимости. Наиболее ярко этот подход проявился в демарше советской делегации на заседании Четвертого (по вопросам опеки и самоуправляющихся территорий) комитета Генеральной ассамблеи (ГА) ООН 11 ноября 1946 г. Выступая на нем, член советской делегации Н.В. Новиков указал на то, что не все страны-мандатарии представили в

⁴⁸⁵ Записка заместителя заведующего БВО МИД СССР М.А.Максимова заместителю министра иностранных дел СССР В.Г.Деканозову. 6 сентября 1946 г. // Советско-израильские отношения ... С. 163.

⁴⁸⁶ АВП РФ. Ф.47. Оп.1. Д.245. Л.2.

⁴⁸⁷ Записка заместителя заведующего БВО МИД СССР М.А.Максимова заместителю министра иностранных дел СССР В.Г.Деканозову. 6 сентября 1946 г. // Советско-израильские отношения ... С. 164.

соответствии с резолюцией ГА ООН от 9 февраля 1946 г. проекты соглашений об «условиях опеки для каждой территории, подлежащей включению в систему опеки». Особое внимание в этой связи Новиков обратил на позицию Великобритании, не представившей такого проекта для Палестины и не проинформировавшей ООН о причинах, почему этого не было сделано. Далее советский дипломат заявил: «Одно ясно: попытки правительства Великобритании разрешить вопрос о Палестине путем переговоров с правительством Соединенных Штатов и с представителями арабов и евреев, помимо ООН, не соответствует принципам Устава ООН, устанавливающим систему опеки над самоуправляющимися, в том числе и над бывшими мандатными, территориями. Судьба этой, равно как и других бывших мандатных территорий, после ликвидации Лиги Наций не может оставаться висящей в воздухе. Есть только два возможных законных пути определения их судьбы: либо путем предоставления независимости..., либо путем установления опеки»⁴⁸⁸.

Заявление советского представителя, сформулировавшего проблему в предельно острой форме – либо опека ООН, либо независимость – вызвало неоднозначную реакцию как среди арабов, так и среди сионистов. Как сообщал в Москву посланник СССР в Ливане и Сирии Д.С. Солод, бывший глава Высшего мусульманского совета в Палестине Амин аль-Хусейни резко отверг советское предложение об опеке: «вместо господства над нами одной страны, мы будем подчинены 50 столицам, в которых евреи, безусловно, имеют большее влияние, нежели арабы». Как направленное на поддержку в первую очередь евреев расценили предложение СССР о предоставлении Палестине независимости арабские деятели, полагавшие, что Москва напрямую заинтересована в еврейской колонизации Палестины: «развитие еврейского капитализма обеспечило бы падение нынешней феодальной

⁴⁸⁸ Советско-израильские отношения: Сборник документов. Т. I: 1941-1953: Кн. 1. М., 2000. С. 513-514.

системы и переход к буржуазному обществу, которое затем подготовило бы пути к коммунистическому режиму»⁴⁸⁹.

Выступление Н.В. Новикова породило острые дискуссии и среди сионистов. Советник нью-йоркского представительства ЕА Л. Гелбер воспринял его в качестве претензии СССР «на то, чтобы с ним согласовывали не только предложения по возможной опеке над Палестиной, но и советовались в определении той "действительной независимости", которая удовлетворила бы его правительство». Антибританское по своей сути, как считал Л. Гелбер, заявление Н.В. Новикова позволяло понять, что «в случае раздела Палестины в Москве проявят мало энтузиазма, если доминирующее британское влияние сохранится там»⁴⁹⁰. Однако, если Л. Гелбер приходил к выводу, что заявление советского представителя в ООН «возможно будет работать на сионистов», то американские сионисты, напротив, полагали, что «СССР... совершенно определенно находится в одном лагере со всеми арабскими государствами»⁴⁹¹.

Главной целью заявления Н.В. Новикова 11 ноября 1946 г. была дискредитация британской политики «обхода» ООН в деле решения палестинского вопроса. На это указывает в своем письме в Москву посланник СССР в Ливане и Сирии Д.С. Солод: «прогрессивные арабские круги правильно поняли значение этого заявления. Так, например, газета "Орьян" писала 13 ноября, что советский делегат "высказал по этому случаю мнение, что попытка Великобритании урегулировать палестинскую проблему прямыми перегово-

⁴⁸⁹ Письмо посланника СССР в Ливане Д.С. Солода заведующему Ближневосточным отделом МИД СССР И.В. Самыловскому. 19 февраля 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 181.

⁴⁹⁰ Записка политического советника представительства Еврейского Агентства для Палестины в Нью-Йорке Л. Гелбера. 15 ноября 1946 г. // Советско-израильские отношения... С. 166.

⁴⁹¹ Из стенограммы выступления директора Института еврейских исследований при Всемирном и Американском еврейских конгрессах Я. Робинсона на заседании Американского чрезвычайного сионистского совета. 19 ноября 1946 г. // Советско-израильские отношения... С. 174.

рами с Соединенными Штатами и представителями арабов и евреев противоречит принципам Устава Объединенных Наций"»⁴⁹².

«Положить конец нынешней ситуации [в Палестине] и создать новый режим на основании условий и целей, выраженных в уставе Организации Объединенных Наций» требовали от Лондона и главы арабских государств⁴⁹³. В этой ситуации британский кабинет принял решение о передаче палестинского вопроса в ООН, о чем официально было объявлено 18 февраля 1947 г. «На этом, пожалуй, можно считать законченным определенный период в ходе решения палестинского вопроса», – писал Д.С. Солод. По его мнению, главными итогами этого периода были следующие:

Провал попыток Лондона по налаживанию сотрудничества с Вашингтоном в палестинском вопросе, ставший очевидным благодаря письму президента США Трумэна премьер-министру Великобритании К.Эттли от 4 октября 1946 г., в котором глава Белого дома настойчиво призывал К.Эттли разрешить въезд в Палестину «100 000 перемещенных в Европе евреев». Требование Трумэна, озвученное в то время, когда англичане вели борьбу с еврейскими боевиками, выступавшими, в общем-то, под аналогичным лозунгом – «открыть страну для еврейской иммиграции» – ставило крест на перспективах англо-американского диалога по палестинскому вопросу. Поддержка Трумэном иммиграции евреев в Палестину однозначно расценивалась БВО МИД как средство захвата американцами «земли обетованной», необходимой им для «вывода аравийского нефтепровода к восточному побережью Средиземного моря». «Вполне естественно, что англичане встретили в штыки эти намерения американских империалистов, которые под весьма благовидным предлогом, как говорится, среди бела дня вздумали вырвать у них из рук такой важный кусок, как Палестина».

⁴⁹² Письмо посланника СССР в Ливане Д.С. Солода заведующему Ближневосточным отделом МИД СССР И.В. Самыловскому. 19 февраля 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 182.

⁴⁹³ Цит. по: Записка заместителя заведующего БВО МИД СССР М.А.Максимова заместителю министра иностранных дел СССР В.Г.Деканозову. 6 сентября 1946 г. // Советско-израильские отношения ... С. 163.

Окончательное определение сионистами и арабами своей позиции. Первые выступали за «выделение в Палестине еврейской части по проекту английской королевской комиссии от 1937 г. и образование в ней еврейского государства», вторые – «против всякого раздела Палестины, который предполагает создание еврейского государства». Однако Солод считал, что «руководители арабских стран, господствующих в Лиге [арабских государств], склонны на новые уступки [англичанам] в связи с тяжелым положением Египта в англо-египетских переговорах». Недоверие к арабскому миру, особенно после заключения в марте 1946 г. англо-иорданского договора, предоставившего Иордании независимость, а Великобритании – право держать там свои войска, являлось характерной чертой всех докладов БВО МИД рассматриваемого периода.

«Все эти изменения, происходящие в решении палестинского вопроса, заслуживают самого серьезного нашего внимания, ибо они выказывают характер намерений разрешения не только самого палестинского вопроса, но и решения всей ближневосточной проблемы ... Ближний Восток вступает в решающую фазу», – делал вывод Д.С. Солод⁴⁹⁴. Таким образом, палестинская проблема, вполне справедливо, представлялась советским дипломатам квинтэссенцией всей ближневосточной ситуации.

Передача Великобританией палестинского вопроса в ООН представила СССР, по выражению известного дипломата и ученого-международника, советника БВО МИД Б.Е. Штейна, «возможность не только высказать свою точку зрения по вопросу о Палестине, но и принять эффективное участие в судьбе Палестины»⁴⁹⁵.

В феврале–апреле 1947 г. МИД СССР вплотную приступил к выработке позиции по палестинскому вопросу. Все вовлеченные в данный процесс

⁴⁹⁴ Письмо посланника СССР в Ливане Д.С. Солода заведующему Ближневосточным отделом МИД СССР И.В. Самыловскому. 19 февраля 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 176-181.

⁴⁹⁵ Записка советника МИД СССР Б.Е. Штейна первому заместителю министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому. 6 марта 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 191.

специалисты и высшие руководители советского внешнеполитического ведомства, сходились во мнении о необходимости упразднения мандата Великобритании на Палестину и немедленного вывода из страны всех английских войск «в целях создания там нормального положения»⁴⁹⁶. Даже Солод, находящийся в Бейруте, полагал, что арабо-еврейские столкновения в Палестине являются результатом «подстрекательства англичан». Борьбу британской полиции против еврейского подполья Солод называл «комедией». Советский дипломат искренне считал, что «более трезвые элементы, как с арабской, так и с еврейской стороны, сумели бы быстро ликвидировать эти провокации [англичан]»⁴⁹⁷.

По-видимому, уже в марте 1947 г. МИД СССР отказался от идеи установления коллективной опеки над Палестиной великих держав или ООН как средства приуготовления страны к независимости. «...Возможность установления опеки над Палестиной наталкивается на то обстоятельство, что население этой страны (как евреи, так и арабы) является достаточно зрелым для полной независимости, – писал 6 марта 1947 г. Б.Е.Штейн замминистра иностранных дел А.Я. Вышинскому. – Ни арабы, ни евреи не соглашаются на какую бы то ни было опеку и требуют полной независимости»⁴⁹⁸. Тогда же БВО МИД однозначно высказался за создание «единой независимой и демократической Палестины, обеспечивающей равные национальные и демократические права народам, ее населяющим»⁴⁹⁹. Весной 1947 г. в МИД СССР считали, и это необходимо особо подчеркнуть, что в сложившейся ситуации раздел Палестины неизбежно стал бы ее разделом фактически на сферы влияния: английскую (арабская Палестина) и американскую (еврейская Пале-

⁴⁹⁶ Справка БВО МИД СССР «Палестинская проблема». 5 марта. 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 187.

⁴⁹⁷ Письмо посланника СССР в Ливане Д.С. Солода заведующему Ближневосточным отделом МИД СССР И.В. Самыловскому. 19 февраля 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 176

⁴⁹⁸ Записка советника МИД СССР Б.Е. Штейна первому заместителю министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинскому. 6 марта 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 191.

⁴⁹⁹ Справка БВО МИД СССР «Палестинская проблема». 5 марта. 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 187.

стина). Поэтому Москва ратовала в это время за «единую демократическую Палестину», условия для создания которой должна была подготовить ООН, а не какие-либо комиссии, комитеты или конференции под эгидой Великобритании и США.

Важным пунктом позиции Советского Союза был тезис о невозможности решения еврейского вопроса в Западной Европе только посредством иммиграции евреев в Палестину, «так как только полное уничтожение всех корней фашизма и демократизация стран Западной Европы сможет дать еврейским массам нормальные условия жизни»⁵⁰⁰. Вместе с тем, летом–осенью 1946 г. советское командование в странах Центрально-Восточной Европы не препятствовало «исходу» из них евреев. По данным заместителя уполномоченного Советом министров СССР по делам репатриации генерал-лейтенанта Голубева, только из Польши через территорию Чехословакии и советскую зону в Австрии проследовало 200 000 евреев, направляющихся в Палестину. Другой поток эмигрантов, до 180 000 евреев, проходил «через чехословацкую территорию и порты Польши», откуда транспорты направлялись в американскую зону в Германии, на сборные пункты, «для дальнейшей отправки их в Палестину»⁵⁰¹. По сведениям заместителя Верховного комиссара Советской части союзнической комиссии по Австрии генерал-полковника А.Желтова, пик наплыва направлявшихся в Палестину еврейских беженцев в советской зоне в Австрии пришелся на лето 1946 г., затем он заметно спал⁵⁰².

Таким образом, МИД СССР отрицал для стран Западной Европы тот вариант решения еврейского вопроса, который фактически уже был реализован в странах Центрально-Восточной Европы с согласия Москвы. Находившиеся в этих странах советские представители вели переговоры с активно

⁵⁰⁰ Справка БВО МИД СССР по палестинскому вопросу. 15 апреля 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 200.

⁵⁰¹ Записка заместителя уполномоченного Советом министров СССР по делам репатриации генерал-лейтенанта Голубева заведующему третьим европейским отделом МИД СССР А.А. Смирнову. 4 сентября 1946 г. // Советско-израильские отношения... С. 161.

⁵⁰² АВП РФ. Ф.47. Оп.2. Д.28. Л.38.

действовавшими там агентами СО и ЕА, членами правительств Польши, Румынии, Чехословакии, Болгарии и Венгрии «в связи с проводимыми мероприятиями по организации массового выезда евреев в Палестину»⁵⁰³.

В первые послевоенные годы сталинское руководство осознало всю остроту еврейского вопроса в отошедших в зону его интересов странах Восточной Европы. Антисемитские настроения были широко распространены здесь с конца XIX–начала XX вв. За годы войны под воздействием нацистской пропаганды антисемитизм проник глубоко в сознание людей. Возвращение евреев – бывших узников концлагерей часто вызывало протест со стороны местного населения. Летом 1946 г. Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) отмечал: «В Румынии, Польше и Австрии имеются еще значительные проявления антисемитизма»⁵⁰⁴. Еврейский вопрос доставлял массу неудобств правительствам стран «народной демократии».

25 июня 1947 г. в конфиденциальной беседе с Э.Эпштейном, тогда представителем ЕА в Вашингтоне, заместитель министра иностранных дел Югославии В. Велебит заметил, что «лишь небольшая часть евреев в Венгрии, Румынии и Болгарии смогла приспособиться к меняющимся социально-экономическим условиям в этих странах. До сих пор крайне мало евреев проявили желание интегрироваться в новые социально-экономические модели общества, формирующиеся в вышеупомянутых странах». Наличие высокого уровня антисемитизма в Восточной Европе могло, по мнению Велебита, «расширить возможности для заговоров против новых режимов со стороны реакционных и контрреволюционных элементов». Поэтому, заключал югославский политик, «правительства, если они хотят избежать любого принуждения в отношении этих евреев, испытают огромное облегчение, в особенно-

⁵⁰³ Записка третьего Европейского и Ближневосточного отделов МИД СССР заместителю министра иностранных дел СССР В.Г.Деканозову. 17 сентября 1946 г. // Советско-израильские отношения... С. 164.

⁵⁰⁴ РГАСПИ. Ф.17. Оп.128. Д.76. Л.2.

сти в Румынии и Венгрии, если значительная часть из них куда-нибудь эмигрирует»⁵⁰⁵.

Говоря о позиции Советского Союза в данном вопросе, Велебит заверил Эпштейна, что «русские и их союзники пришли к выводу, что только в Палестине смогут быть безболезненно размещены евреи из Центральной Европы, в особенности учитывая тот факт, что ни одна страна в мире не проявляет готовности принять большое число евреев»⁵⁰⁶. В июле 1947 г. в доверительной беседе с Э.Эпштейном слова Велебита подтвердил первый секретарь посольства СССР в США М.С. Вавилов. «...Очевидно, что Палестина является единственным решением проблемы бездомных перемещенных лиц в Европе», – сказал советский дипломат. «Г-н Вавилов, – поясняет далее Эпштейн, – проиллюстрировал неспособность найти домашний очаг для перемещенных лиц вне Палестины, сославшись на законопроект Стратона, который был заморожен конгрессом, вероятно, на длительное время»⁵⁰⁷.

Но сможет ли Палестина вместить всех евреев-беженцев? Выше отмечалось, что этот вопрос вызывал повышенный интерес у советских дипломатов во время их контактов с деятелями СО и ЕА во время войны и в первые послевоенные годы. Очевидно, весной 1947 г., благодаря разъяснениям сионистов и, вероятно, не в меньшей степени желанию Кремля, МИД СССР согласился с тем, что Палестина имеет возможности для принятия практически неограниченного числа еврейских беженцев из Европы. 26 марта 1947 г. заведующий БВО И.В. Самыловский писал посланнику СССР в Ливане

⁵⁰⁵ Запись беседы представителя ЕА в Вашингтоне Э.Эпштейна с заместителем министра иностранных дел Югославии В. Велебитом. 25 июня 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 227.

⁵⁰⁶ Запись беседы представителя ЕА в Вашингтоне Э.Эпштейна с заместителем министра иностранных дел Югославии В. Велебитом. 25 июня 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 227.

⁵⁰⁷ Запись беседы представителя ЕА в Вашингтоне Э.Эпштейна с первым секретарем посольства СССР в Вашингтоне М.С. Вавиловым. 31 июля 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 242.

Д.С.Солоду: «Трудно согласиться с выводом о том, что Палестина не имеет возможности "вместить в себя какое-то количество иммигрантов"»⁵⁰⁸.

Вне всякого сомнения, приоритетом советской внешней политики в рассматриваемый период были европейские дела. Неурегулированность еврейского вопроса грозила Кремлю дополнительными сложностями в решении и без того непростых задач по укреплению позиций просоветских сил в странах «народной демократии». В этой ситуации «исход» евреев из Восточной Европы представлялся сталинскому руководству оптимальным вариантом решения проблемы. Думается, что именно поэтому сталинское руководство «согласилось» с аргументами СО в пользу переселения восточноевропейских евреев в Палестину. По словам Велебита, это была «уникальная историческая возможность для сионистского движения осуществить свои цели в беспрецедентном масштабе»⁵⁰⁹.

В апреле 1947 г. позиция МИД СССР по палестинскому вопросу была окончательно сформулирована в справке БВО под названием «К предстоящему обсуждению палестинского вопроса в ООН». Она сводилась к следующим ключевым пунктам:

1. Британский мандат на Палестину должен быть отменен
2. Британские войска должны быть выведены из Палестины
3. ООН должна разработать статут единой независимой демократической Палестины с обеспечением равных национальных и демократических прав народам, ее населяющим
4. Еврейский вопрос в Западной Европе не может быть решен посредством иммиграции только в Палестину, так как только полное уничтожение

⁵⁰⁸ Письмо заведующего БВО И.В. Самыловского посланнику СССР в Ливане Д.С.Солоду. 26 марта 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 193.

⁵⁰⁹ Запись беседы представителя ЕА в Вашингтоне Э.Эпштейна с заместителем министра иностранных дел Югославии В. Велебитом. 25 июня 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 227.

всех корней фашизма и демократизация стран Западной Европы сможет дать еврейским массам нормальные условия жизни⁵¹⁰.

Позиция МИД СССР по палестинскому вопросу была утверждена замнаркома иностранных дел А.Я. Вышинским и передана постоянному представителю СССР в ООН А.А. Громыко⁵¹¹, которому предстояло озвучить ее на первой специальной сессии ГА ООН, открывшейся 13 апреля 1947 г. Как известно, Белорусская ССР и Украинская ССР подписали Устав ООН в качестве отдельных членов международной организации⁵¹². Однако их самостоятельность была сугубо номинальной. В начале апреля 1947 г. МИДы Белоруссии и Украины запрашивали МИД СССР относительно предложения генсека ООН о созыве специальной сессии по вопросу о Палестине, «должен ли ответ [БССР и УССР] быть положительным или отрицательным». Только получив «добро» Вышинского, они ответили согласием на предложение генсека ООН. Впрочем, полная подчиненность делегаций БССР и УССР в ООН делегации СССР ни для кого не была секретом⁵¹³.

Предстоящее обсуждение палестинского вопроса в ООН вызвало целый ряд обращений еврейских общественных организаций в адрес советского правительства и его представителей в ООН. «Мы искренне надеемся на помощь и понимание Вашей великой страны в защите наших национальных интересов [в ООН]», – писал председателю делегации СССР в ООН Петер Х. Бергсон от имени Еврейского комитета национального освобождения⁵¹⁴. Однако не все сионистские деятели считали обращения такого рода оправданными. Отношение сионистских кругов к СССР было в этот период далеко неоднозначным. В частности, американские сионисты были убеждены, что Советский Союз и контролируемые им страны Восточной Европы «совер-

⁵¹⁰ Справка БВО МИД СССР по палестинскому вопросу. 15 апреля 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 200.

⁵¹¹ АВП РФ. Ф.47. Оп.2. Д.28. Л.2.

⁵¹² Подробнее см.: Синицын Ф.Л. Проблема национального и интернационального в национальной политике и пропаганде в СССР в 1944–первой половине 1945 года // Российская история. 2009. № 6. С.50.

⁵¹³ АВП РФ. Ф.47. Оп.2. Д.28. Л.9-10.

⁵¹⁴ АВП РФ. Ф.47. Оп.1. Д.245. Л.1.

шенно определенно находятся в одном лагере со всеми арабскими государствами».

Интеллектуальные лидеры американских сионистов, такие, как, например, директор института еврейских исследований при ВЕК и АЕК д-р Робинсон, призывали возобновить в прессе широкую кампанию по «разоблачению» политике СССР в еврейском вопросе. В частности, Москве ставились в вину «государственный антисемитизм», «миф о Биробиджане», «миф о спасении Советским Союзом евреев в годы войны». «С 1941 г., если не раньше, в наших отношениях с СССР начался новый период, – сказал д-р Робинсон на заседании Американского чрезвычайного сионистского совета в ноябре 1946 г. – Мы начали их изредка умиротворять, хвалить, несмотря на то, что нам было хорошо известно; молча проходя мимо наиболее ужасных вещей, которые происходили даже во время войны, и, если я могу так сказать, для этого были основания, пока продолжалась война. Победа над нацистской Германией была важнее каких-либо обстоятельств, и я полагаю, что евреи поступили мудро, когда они воздержались от разоблачающих заявлений или от какой-либо правдивой информации о том, что происходит в СССР». По мнению д-ра Робинсона, пришло время сказать правду: «Страна, стремящаяся казаться столь дружественной по отношению к евреям, является самой опасной»⁵¹⁵.

Однако подход борцов с «прорусскими настроениями» сионистов не получил широкой поддержки. Политический советник представительства ЕА в Вашингтоне выразил взгляды симпатизирующих Москве сионистов предельно четко: «Если вы критикуете Россию, вы поддерживаете Великобританию ... это очень важный фактор для основной массы американских евреев, которые полны чувства доброй воли. Их естественная реакция: Великобритания – наш враг, и Вы должны это учитывать, формируя политику»⁵¹⁶. В отли-

⁵¹⁵ Из стенограммы выступления директора института еврейских исследований при ВЕК и АЕК д-р Робинсона на заседании Американского чрезвычайного сионистского совета. 19 ноября 1946 г. // Советско-израильские отношения... С. 169-170.

⁵¹⁶ Из стенограммы выступления директора института еврейских исследований при ВЕК и АЕК д-р Робинсона на заседании Американского чрезвычайного сионистского совета. 19 ноября 1946 г. // Советско-израильские отношения... С. 175.

чие от рядовых сионистов, лидеры организации вплоть до знаменитого выступления А.А. Громыко в ООН 14 мая 1947 г., впрочем, еще и после него, ожидали от Москвы традиционных для нее антисоинистских выступлений.

В конце апреля–начале мая 1947 г. сотрудники ЕА в Вашингтоне и Нью-Йорке прилагали немало усилий для того, чтобы донести до советской делегации свою позицию по палестинскому вопросу. Их целью было заручиться благожелательным нейтралитетом («пониманием») Советского Союза. Прежде всего, ЕА передало делегациям великих держав два официальных меморандума: «Точка зрения еврейской делегации по вопросам повестки дня [специальной сессии ГА ООН]» и «Фон палестинской проблемы», в которых отстаивалась идея образования в Палестине еврейского государства, «где они [евреи] никогда не будут жертвами нетерпимости и фанатизма и где, как свободные люди, они будут иметь голос в определении своего будущего»⁵¹⁷.

Не будучи уверенными в том, что им удастся добиться благосклонного отношения советской делегации, сотрудники ЕА стремились заручиться поддержкой Чехословакии, Польши и Югославии. «Я не верю, что Чехословакия во главе с Масариком и Бенешом будет голосовать против сионистов. Но я предлагаю, чтобы в Праге были предприняты специальные усилия ..., чтобы убедить чешское правительство обеспечить нам поддержку славян при голосовании», – писал в Правление ЕА член делегации ЕА при ООН У.Эйтан. Делегат ЕА адекватно оценивал возможности влияния сионистов на правительства стран Восточной Европы, он отмечал, например: «я с трудом могу поверить в то, что на голосование польского правительства могли бы повлиять высказывания кого-то из наших эмиссаров». Главной задачей Эйтана считал обеспечить делегации восточно-европейских стран «всем фактическим материалом [по ситуации в Палестине], который мы могли бы им предоставить»⁵¹⁸.

⁵¹⁷ Меморандум ЕА. 28 апреля 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 209.

⁵¹⁸ The Political Documents of the Jewish Agency. Vol.II. №77. P.236.

Наконец, ЕА искало личных контактов с членами советской делегации в ООН. В качестве возможных посредников им использовались еврейские общественные организации, например, АЕК, а также лево-сионистские партии, Левые Поалей Цион и Ха-шомер ха-цаир. По свидетельству секретаря Вашингтонского офиса АЕК Д.Уола, «российская делегация уклонялась от встреч по палестинскому вопросу с неофициальными представителями». Тем не менее, Уол контактировал с первым секретарем посольства СССР в США Вавиловым, через которого передавал информационные материалы ЕА. Кроме того, Уол сообщал ЕА о имеющемся у него «выходе на Царапкина [заместителя Громыко]»⁵¹⁹.

Первая специальная сессия ГА ООН начала свою работу по рассмотрению вопроса о Палестине 28 апреля 1947 года. Сразу же после ее открытия правительства Египта, Ирака, Сирии, Ливана и Саудовской Аравии обратились к Генеральному секретарю с просьбами о включении в повестку дополнительного пункта «Прекращение мандата на Палестину и объявление ее независимости». Представители арабских государств утверждали, что, поскольку Лига Наций признала временную независимость территорий, находящихся под мандатом класса «А», то ООН не может обойти вопрос о предоставлении независимости Палестине. На возражения членов Генерального комитета ГА против расширения повестки представитель Ливана заметил: «... Если вы в настоящее время не предусматриваете возможности предоставления независимости, не предрешаете ли вы сами вопроса? Не указываете ли вы на то, что сама Организация Объединенных Наций – не какая-то определенная держава, а именно Объединенные Нации – в действительности настолько опасается предусмотреть конечную возможность независимости Палестины, что она не согласна даже обсуждать это на пленарной сессии Генеральной Ассамблеи? Мне представляется, что такое положение является гораздо более серьезным предвосхищением конечного решения, чем если бы

⁵¹⁹ Письмо пресс-атташе представительства ЕА в Вашингтоне И.Хамлина представителю ЕА в Нью-Йорке А.Лурье. 29 апреля 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 227.

мы просто заявили, что в настоящее время мы, рассматривая все касающиеся ее аргументы, просто обсудим эту проблему, имея в виду эту конечную цель»⁵²⁰.

О неприемлемости для него арабского предложения заявило ЕА в уже упоминавшемся меморандуме «Точка зрения еврейской делегации по вопросам повестки дня». «Это [предоставление Палестине независимости] всего лишь один из путей разрешения палестинской проблемы», – говорилось в меморандуме. ЕА выступало за создание Специальной комиссии ООН, которая «в период между специальной и очередной сессиями [ГА ООН]... сможет подготовить тщательно продуманные предложения, чего нельзя сделать на этой сессии»⁵²¹. В данном вопросе возникло первое совпадение интересов СССР и ЕА. Москва посчитала целесообразным «ограничить повестку дня палестинским вопросом»⁵²² в том виде, как он был сформулирован в официальном обращении Великобритании, а именно: «Создание и инструктирование специальной комиссии в целях подготовки вопроса о Палестине для рассмотрения его на второй очередной сессии»⁵²³.

Советская позиция по вопросу Палестины была изложена на пленарном заседании Первой специальной сессии ГА ООН 14 мая 1947 г. постоянным представителем СССР при ООН А.А. Громыко. Первая часть выступления А.А. Громыко была посвящена критике мандатной системы управления Палестиной: «Именно в результате банкротства мандатной системы управления Палестиной, приведшей к крайнему обострению обстановки и к кровавым событиям... британское правительство передало этот вопрос на рассмотрение Генеральной Ассамблеи. Этот факт нельзя расценить иначе,

⁵²⁰ Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, первая специальная сессия, пленарные заседания. General Series, документ A/287-A/291. Генеральный комитет. Том II. 29-е заседание. С. 16.

⁵²¹ Меморандум ЕА «Точка зрения еврейской делегации по вопросам повестки дня» Специальной сессии ГА ООН. 28 апреля 1947 г. // Советско-израильские отношения ... С. 201.

⁵²² АВП РФ. Ф.47. Оп.2. Д.28. Л.14.

⁵²³ Объединенные Нации. Официальные отчеты Второй сессии ГА. Дополнение № 11. Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины. Доклад Генеральной Ассамблее. Т. I. Нью-Йорк, 1947. С.1.

как признание невозможности продолжения существующего в Палестине положения».

Если первая часть выступления А.А. Громыко не содержала в себе ничего неожиданного, то вторая стала «сенсацией». В ней представитель страны, не признававшей «еврейский национальный очаг» в Палестине, заявил: «Необходимо принять во внимание тот бесспорный факт, что население Палестины состоит из двух народов – арабов и евреев. Каждый из них имеет исторические корни в Палестине. Палестина стала родиной обоих этих народов, каждый из которых занимает видное место в экономике и культурной жизни страны». Иначе говоря, впервые и на столь высоком уровне СССР признал «еврейскую Палестину».

Громыко произнес настоящий гимн страданиям и национальным чаяниям еврейского народа: «С вопросом о Палестине и ее будущем государственном устройстве связаны чаяния значительной части еврейского народа... Еврейский народ перенес в последней войне исключительные бедствия и страдания. Эти бедствия и страдания без преувеличения не поддаются описанию... Опыт войны показал, что ни одно государство в Западной Европе не оказалось в состоянии предоставить должную помощь еврейскому народу в защите его прав и самого существования от насилий со стороны гитлеровцев и их союзников. Это тяжелый факт... [он] объясняет стремление евреев к созданию своего государства. Было бы несправедливо не считаться с этим и отрицать право еврейского народа на осуществление такого стремления».

В заключении Громыко назвал два возможных, с его точки зрения, варианта «будущего устройства Палестины и решения еврейского народа»: во-первых, «создание единого арабско-еврейского государства с равными правами для евреев и арабов», и, во-вторых, «раздел Палестины на два самостоятельных независимых государства: еврейское и арабское... [но]

только в том случае, если бы оказалось, что невозможно обеспечить мирное сосуществование арабов и евреев»⁵²⁴.

Примечательно, что, вопреки рекомендациям МИД СССР, Громыко ничего не сказал о недопустимости увязывания решения еврейского вопроса в Западной Европе исключительно с иммиграцией евреев в Палестину. Если бы этот тезис прозвучал в выступлении советского представителя, он, несомненно, ослабил бы его собственные доводы в пользу предоставления ООН сотням тысяч европейских евреев, «лишенным родины, крова и средств существования», убежища на «земле обетованной».

Речь Громыко стала едва ли не самым заметным событием специальной сессии ГА ООН. Д. Бен-Гурион так прокомментировал выступление советского представителя: «Уже давно мы не слышали из уст представителя великой державы таких потрясающих и верных слов о страданиях еврейского народа, о мучениях и безвыходности положения сотен тысяч европейских евреев, тщетно ищущих пристанища после катастрофы»⁵²⁵. Д. Бен-Гурион особо подчеркнул политическое значение заявления Громыко: «Впервые мир услышал подтверждение от представителя Советского Союза: еврейский народ полон решимости создать собственное государство»⁵²⁶. Еще более красноречивую оценку речи Громыко дал Х. Вейцман: «Я прочел заявление г-на Громыко в его содержательной речи, которая, казалось, могла бы быть произнесена сионистом. Я, конечно, не хочу приписывать ему того, чего нет. Я уверен, что он не сионист! Я не хочу его обидеть таким путем, но, тем не менее, его речь была хорошим сионистским заявлением»⁵²⁷.

⁵²⁴ Объединенные Нации. Официальный отчет Первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи. Т. I. Пленарные заседания Генеральной Ассамблеи. Стенографический отчет 28 апреля – 15 мая 1947 года. Нью-Йорк, 1947. С. 83–87.

⁵²⁵ Из циркулярного письма Отдела по проблемам диаспоры и организации Халуц ЦК партии Мапай. 29 мая 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 222.

⁵²⁶ Там же.

⁵²⁷ Объединенные Нации. Официальные отчеты второй сессии Генеральной Ассамблеи. Т. III. Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины. Приложение А. Устные показания, данные на открытых заседаниях. Дополнение № 11. Нью-Йорк, 1947. С. 85.

Советский демарш в ООН укрепил позиции СО и лишил арабскую сторону надежды на поддержку Москвы по вопросу Палестины. И хотя советские дипломаты неоднократно заявляли в дальнейшем, что раздел Палестины на еврейское и арабское государства не ущемляет интересов арабов, конфликт СССР с арабским миром был очевиден. Как следует из «некоторых соображений» лидера Лиги национального освобождения⁵²⁸ Э. Тума о речи А.А. Громыко, направленных в Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) в октябре 1947 г., последняя вызвала рост антисоветских настроений не только среди «арабских реакционеров», но «была плохо встречена и арабскими массами»⁵²⁹. Письмо Э. Тума является ярчайшим отражением того смятения «коммунистических и демократических кругов на всем Среднем Арабском Востоке», которое охватило их после выступления А.А. Громыко. Палестинские коммунисты-арабы были обескуражены поддержкой Советским Союзом СО: «Мы всегда боролись против сионистской идеологии и видели в сионизме оружие империализма, направляемое британскими империалистами для того, чтобы создать троянского коня на Среднем Востоке»⁵³⁰. Выступление советского представителя в ООН знаменовало собой разрыв с прежним проарабским курсом СССР. Арабским коммунистам было непонятно, почему в своей речи «т. Громыко полностью пренебрег желаниями арабов Палестины, их устремлениями, их антиимпериалистическим национальным движением»⁵³¹? Формально Э. Тума запрашивал разъяснение новой советской позиции по вопросу Палестины, однако, в действительности, под прикрытием фраз, свидетельствующих о

⁵²⁸ В годы Второй мировой войны компартия Палестины раскололась на руководимую Э. Тума арабскую Лигу национального освобождения (которая в этот период отождествлялась советским руководством с компартией Палестины) и различные еврейские группировки. К концу войны большинство евреев-коммунистов во главе с Ш. Микунисом присоединилось к Лиге национального освобождения. На основе этого объединения была образована Израильская коммунистическая партия – Ха-Мифлага ха-коммунистит ха-исреэлит (Маки). Подробнее см.: Косач Г.Г. Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 20-30-е гг. М., 2001.

⁵²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 388. Л. 10.

⁵³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 388. Л. 6.

⁵³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 388. Л. 2, 4.

лояльности арабских коммунистов СССР, их лидер подверг жесткой критике выступление А.А. Громыко.

Прежде всего, Э. Тума отверг те утверждения, на основании которых советский представитель в ООН признал «стремление евреев к созданию своего государства [в Палестине]». В частности, Э. Тума указал на идеологический характер тезиса об исторических связях евреев с Палестиной: «Мы всегда отвергали исторические требования сионизма как реакционные и не принимали исторические корни евреев за реальность... т. Громыко своим заявлением усилил сионистскую идеологию и сионистское давление на еврейские массы»⁵³². Острый протест арабских коммунистов вызвало увязывание в речи А.А. Громыко проблемы перемещенных лиц с вопросом о Палестине: «Мы не можем понять мудрости связи двух [этих] вопросов»⁵³³. Дело заключалось не только в том, что таким образом советская дипломатия воспроизводила сионистский тезис, но и в том, что этот тезис шел в разрез с позицией коммунистических партий: «Коммунисты повсюду отказались от какой-либо согласованности [проблемы перемещенных лиц с вопросом о Палестине]. Коммунисты всегда выдвигали демократическое решение этой проблемы»⁵³⁴.

Лига национального освобождения выступала категорически против предложенных А.А. Громыко двух вариантов «будущего устройства Палестины». По мнению Э. Тома, «лозунг арабо-еврейского государства мог бы помочь сионистским партиям, которые требуют создания двунационального государства, которое в конечном итоге предполагает раздел»⁵³⁵. Что касается второго варианта – раздел Палестины на арабское и еврейское государства – то он для палестинских коммунистов был совершенно неприемлем. Э. Тома предостерегал советское руководство от поддержки им «стремления евреев к созданию своего государства [в

⁵³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 388. Л. 6 – 7.

⁵³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 388. Л. 7.

⁵³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 388. Л. 7.

⁵³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 388. Л. 9.

Палестине]»: «т. Громыко, заявляя, что было бы несправедливым ... отрицать право еврейского народа на удовлетворение его стремлений, укрепляет сионизм и его требование создать еврейское государство в Палестине. Государство, которое может быть только империалистическим бастионом на Среднем Востоке»⁵³⁶.

Выход из тупика арабо-еврейских противоречий арабские коммунисты видели в создании независимого Палестинского государства: «Мы полагаем, что свободное, независимое, демократическое Палестинское государство является единственным практическим решением, которое будет служить основой мира и демократии в Палестине и на Среднем Востоке»⁵³⁷. Отсутствие в речи А.А. Громыко какого бы то ни было упоминания об арабском национальном движении, особенно на фоне подчеркивания советским представителем в ООН национальных чаяний еврейского народа, означало, по мнению Э. Тома, что «планы, борьба и роль арабского движения были аннулированы в заявлении т. Громыко»⁵³⁸.

В своем ответе Отдел внешней политики ЦК ВКП(б) рекомендовал арабским коммунистам «не вдаваясь в сущность спора о разделе Палестины или о создании там единого независимого государства... заклеить антинародную политику английских и американских империалистов, создавших искусственный ажиотаж вокруг палестинского вопроса в целях отвлечения внимания еврейского и особенно арабского народов от национально-освободительной борьбы»⁵³⁹. Примечательно, что в то же время лидер еврейской группы компартии Палестины, будущий генсек МАКИ, Ш. Микунис писал в ЦК ВКП(б): «Борьба советских представителей в ООН за государственные и национальные права еврейского и арабского народов

⁵³⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 388. Л. 8.

⁵³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 388. Л. 8.

⁵³⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 388. Л. 9.

⁵³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 388. Л. 11.

является образцом последовательного проведения ленинско-сталинской национальной политики»⁵⁴⁰.

И все-таки поворот советской ближневосточной политики был столь неожидан, что в течение всей весны и лета 1947 г. сионистские лидеры задавались вопросом, «насколько заявление Громыко отражает твердую, последовательную политику советского правительства в палестинском вопросе». Отвечая на него Э.Эпштейну в уже цитированной беседе, В.Велебит подчеркнул, что «заявление [Громыко] стало результатом очень тщательного и внимательного анализа проблемы». Замминистра иностранных дел Югославии заявил представителю ЕА: «Мы стали бы жертвами циничной и искаженной интерпретации, если бы восприняли его [выступление Громыко] просто как временное маневрирование со стороны советского правительства». Наконец, многозначительно заметил Велебит, «советское правительство не рисковало бы, втягиваясь в конфликт с арабами, ради временной выгоды». Ставка Москвы на сионистов свидетельствовала, по мнению югославского дипломата, о «далекой перспективе» советского подхода⁵⁴¹.

Весьма вероятно, что Велебит разговаривал с Эпштейном по просьбе советских коллег. На это указывает его замечание о том, что сионистам «не следует искать в заявлении [Громыко] того, чего в нем не было и не подразумевалось, для того, чтобы избежать ненужных недопониманий с советским правительством в будущем». Речь шла о том, что наиболее предпочтительным для СССР вариантом решения палестинского вопроса было бы создание единого демократического палестинского государства, а не раздел страны, на чем настаивали сионисты. «Без сомнения, собеседник имел в виду, что нам [сионистам] не следует предаваться местам, ярче выделяя

⁵⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 388. Л. 33.

⁵⁴¹ Запись беседы представителя ЕА в Вашингтоне Э. Эпштейна с заместителем министра иностранных дел Югославии В. Велебитом. 25 июня 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 227.

упоминания о разделе территории, чем ссылки на создание двунационального государства», – заключил Эпштейн⁵⁴².

Действительно, в доверительной беседе Э.Эпштейна с первым секретарем посольства СССР в США М.С. Вавиловым, состоявшейся во время частного обеда 31 июля 1947 г., советский дипломат, писал в своем отчете Эпштейн, «неохотно высказывал какое-либо мнение в пользу раздела – второй альтернативы, указанной в заявлении Громыко»⁵⁴³. Советские дипломаты в США четко следовали инструкциям Москвы. Отношение СССР к еврейско-палестинской общине Вавилов охарактеризовал следующим образом: «Советское правительство... полагает, что мы [сионисты] строим миролюбивое, демократическое и прогрессивное общество в Палестине, которое сможет воспрепятствовать распространению антисоветских настроений, которые так легко возникают в реакционных правящих кругах в арабских странах в настоящее время». Вместе с тем советский дипломат прямо указал, что Москва «хорошо осознает, что социальная и экономическая структура ишува является капиталистической и что наши опыты по созданию коллективных хозяйств не имеют ничего общего с марксистским толкованием принципов коллективизма»⁵⁴⁴.

В свою очередь и представители ЕА не скрывали, что «структура еврейской общины [Палестины] соответствует модели западной демократии и, вероятно, останется таковой». При этом сионисты указывали на ее несомненно «прогрессивный характер» и вклад в развитие региона. «Сионистский взгляд на ближний Восток, – сказал Эпштейн Вавилову 11 сентября 1947 г. – основан на трех концепциях – равенство в независимости,

⁵⁴² Запись беседы представителя ЕА в Вашингтоне Э. Эпштейна с заместителем министра иностранных дел Югославии В. Велебитом. 25 июня 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 227.

⁵⁴³ Запись беседы представителя ЕА в Вашингтоне Э. Эпштейна с первым секретарем посольства СССР в США М.С. Вавиловым. 31 июля 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 241-242.

⁵⁴⁴ Запись беседы представителя ЕА в Вашингтоне Э. Эпштейна с первым секретарем посольства СССР в США М.С. Вавиловым. 31 июля 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 241-242.

социальная реформа и международное сотрудничество». Представитель ЕА в Вашингтоне выразил надежду, что эти идеи полностью соответствуют «интересам Советского Союза и его пожеланиям и надеждам в отношении этого региона»⁵⁴⁵. Таким образом, стороны четко осознавали идеологическую дистанцию между собой. Их подход к сотрудничеству отличался сугубо деловым прагматизмом.

По итогам работы первой специальной сессии ГА ООН 15 мая 1947 г. была создана Специальная комиссия по вопросам Палестины, получившая самые широкие полномочия для расследования и установления фактов по всем вопросам, относящимся к проблеме. Острые дискуссии развернулись относительно состава Специальной комиссии. Они касались, главным образом, вопроса о включении или не включении в состав комиссии пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН. После длительных прений была принята австралийская резолюция, согласно которой Специальная комиссия должна была состоять из одиннадцати членов, без включения 5 постоянных членов Совета Безопасности. В состав Специальной комиссии по вопросам Палестины вошли по два представителя от Австралии, Гватемалы, Индии, Ирана, Канады, Нидерландов, Перу, Уругвая, Чехословакии, Швеции и Югославии⁵⁴⁶.

Отсутствие представителей Советского Союза в составе палестинской комиссии вовсе не означало изоляцию Москвы от ее работы. 23 мая 1947 г. советская делегация в ООН обратилась к замнаркому иностранных дел СССР А.Я.Вышинскому с просьбой «дать указания нашим послам в Праге и Белграде порекомендовать правительствам Чехословакии и Югославии, чтобы их представители в Комитете по палестинскому вопросу установили

⁵⁴⁵ Запись беседы представителя ЕА в Вашингтоне Э. Эпштейна с первым секретарем посольства СССР в США М.С. Вавиловым. 11 сентября 1947 г. // Советско-израильские отношения... С. 246.

⁵⁴⁶ Объединенные нации. Официальные отчеты Второй сессии ГА. Дополнение №11. Специальная комиссия Организации Объединенных наций по вопросам Палестины. Доклад Генеральной Ассамблее. Т. I. Нью-Йорк, 1947. С.4-5.

контакт с тов. Громыко»⁵⁴⁷. Впрочем, предпринятые МИД СССР шаги в данном направлении не обеспечили, как будет показано ниже, принятия выгодных Кремлю рекомендаций югославскими членами комиссии.

Специальная комиссия по вопросам Палестины (она именовалась также Специальный комитет и Палестинский комитет) работала с 26 мая по 31 августа 1947 г. За это время комиссия провела 16 открытых и 36 закрытых заседаний, которые проходили в Лейк Саксесе⁵⁴⁸, Иерусалиме, Бейруте и Женеве. Во время нахождения комиссии в Палестине ВАК категорически отказался от сотрудничества с нею. Напротив, представители ЕА использовали все возможности, чтобы донести до комиссии свою точку зрения. В Бейруте с изложением своего видения палестинской проблемы выступили дипломаты и общественные деятели Египта, Ирака, Ливана, Саудовской Аравии и Сирии. Трансиордания отказалась направить своего представителя для выступления перед комиссией, сославшись на то, что она не является членом ООН⁵⁴⁹.

На самом деле, король Абдаллах вынашивал амбициозную внешнеполитическую программу. 8 мая 1947 г. он опубликовал Белую книгу, в которой отстаивал идею существования «естественных связей» между Трансиорданией, Сирией и Палестиной. Демарш Абдаллаха вызвал протест со стороны Сирии, обвинившего короля «в попытках разрушить отношения между арабскими странами во имя удовлетворения личных амбиций». Однако главное острие критики плана воссоздания «Великой Сирии» было направлено против стоявшей за Абдаллахом Великобритании. Как считал М.Я. Пелипась, и после передачи палестинского вопроса в ООН «британское правительство продолжало рассматривать возможность урегулирования ситуации вокруг Палестины, используя сохранявшуюся в политических

⁵⁴⁷ АВП РФ. Ф.47. Оп.2. Д.28. Л.21.

⁵⁴⁸ Лейк Саксес – пригород Нью-Йорка, где до завершения строительства комплекса на Манхэттене находилась временная штаб-квартира ООН.

⁵⁴⁹ Объединенные нации. Официальные отчеты Второй сессии ГА. Дополнение №11. Специальная комиссия Организации Объединенных наций по вопросам Палестины. Доклад Генеральной Ассамблее. Т. I. Нью-Йорк, 1947. С.4-5.

кругах арабских стран идею воссоздания Великой Сирии». Под давлением правительств ряда арабских стран 14 июля 1947 г. Лондон был вынужден заявить, что британское правительство не поддерживает действий, направленных на создание «Великой Сирии»⁵⁵⁰.

1 сентября 1947 г. Специальная комиссия по вопросам Палестины представила в ООН свой доклад, который содержал ряд рекомендаций, принятых комиссией единогласно:

1. отмена мандата на Палестину
2. предоставление Палестине независимости в возможно скорейший срок
3. установление переходного периода
4. обеспечение интересов трех религий (иудаизм, христианство, ислам) и безопасности их «святых мест» и др.

Большинством в семь голосов (Канада, Чехословакия, Гватемала, Нидерланды, Перу, Швеция и Уругвай) Специальная комиссия рекомендовала разделить страну на два независимых государства – арабское и еврейское, объединенных экономическим союзом, и установить особый международный статус для Иерусалима. Независимость обоих государств следовало провозгласить после окончания переходного периода сроком в 2 года. Управление страной в переходный период должно было осуществляться Великобританией под наблюдением ООН. В переходный период разрешался въезд 150 000 евреев в еврейское государство. В состав арабского государства должны были войти Западная Галилея, области Самарии и Иудеи, а также береговая равнина от Ашода до египетской границы. В состав еврейского государства – Восточная Галилея, Изреэльская равнина, большая часть береговой равнины и пустыня Негев⁵⁵¹.

⁵⁵⁰ Пелипась М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск, 2003. С.81.

⁵⁵¹ Объединенные нации. Официальные отчеты Второй сессии ГА. Дополнение №11. Специальная комиссия Организации Объединенных наций по вопросам Палестины. Доклад Генеральной Ассамблее. Т. I. Нью-Йорк, 1947. С.50.

Согласно «плану большинства», население Палестины должно было распределиться следующим образом:

	Евреев	Арабов и прочих	Всего
Еврейское государство	498 000	407 000	905 000
Арабское государство	10 000	725 000	735 000
Город Иерусалим	100 000	105 000	205 000 ⁵⁵²

«План меньшинства» (Индия, Иран, Югославия) предусматривал создание единого независимого федеративного государства, состоявшего из арабского и еврейского штатов со столицей в Иерусалиме. Ответственность за управление Палестиной в переходный период, определенный в 3 года, возлагалась на специальный орган, который должна была назначить ГА ООН. Вопрос о еврейской иммиграции в переходный период передавался Специальной комиссии ООН⁵⁵³. Вопреки ожиданиям Москвы, югославская делегация последовательно отстаивала «план меньшинства».

Вторая сессия ГА ООН, созванная в сентябре 1947 г., объявила себя Специальной (Ad Hoc) комиссией по рассмотрению палестинского вопроса, в то время как на своей обычной сессии рассматривала другие пункты повестки дня. Когда обсуждение проблемы Палестины в ООН вступило в решающую стадию, сталинское руководство взяло на себя прямое управление советской делегацией в ООН. Только теперь Кремль раскрыл карты перед своими дипломатами. 30 сентября 1947 г. Молотов отправил находящемуся в

⁵⁵² Кроме того, на территории еврейского государства должны были проживать 90 000 арабов-бедуинов. Объединенные нации. Официальные отчеты Второй сессии ГА. Дополнение №11. Специальная комиссия Организации Объединенных наций по вопросам Палестины. Доклад Генеральной Ассамблее. Т. I. Нью-Йорк, 1947. С.51.

⁵⁵³ Объединенные нации. Официальные отчеты Второй сессии ГА. Дополнение №11. Специальная комиссия Организации Объединенных наций по вопросам Палестины. Доклад Генеральной Ассамблее. Т. I. Нью-Йорк, 1947. С.56.

Нью-Йорке Вышинскому указание «не возражать против мнения большинства по вопросу о разделе Палестины»⁵⁵⁴.

В тот же день Молотов пояснил свое указание следующим образом: «Вы должны иметь в виду, что, когда предлагалось в известной Вам директиве для Громыко в качестве первого варианта разрешения палестинского вопроса создание двуединого государства, то это делалось нами по тактическим соображениям. Мы не можем брать на себя инициативу по созданию еврейского государства, но нашу позицию лучше выражает второй пункт упомянутой нашей директивы о самостоятельном еврейском государстве. Поскольку после обследования большинство комиссии высказалось за создание отдельного еврейского государства, Вам следует поддержать мнение этого большинства, которое соответствует нашей основной установке по этому вопросу»⁵⁵⁵.

Имеющиеся на сегодняшний день в нашем распоряжении документы не позволяют дать однозначный ответ на вопрос, действительно ли уже весной 1947 г., когда МИД СССР готовил инструкции для Громыко, когда официально Москва ратовала за «независимую единую демократическую Палестину», в узком кремлевском кругу уже было принято решение поддержать выдвигавшийся сионистами план раздела Палестины? Сталинское руководство часто использовало советских дипломатов втемную. Известно высказывание Молотова об особенностях советской «централизованной дипломатии» 1940-х гг., которое приводит в своем дневнике Ф.И.Чуев: «В большинстве случаев послы – передатчики, что им скажут, они только в этих пределах действуют ... Все было в кулаке сжато у Сталина, у меня ... В общем мы своей дипломатией централизованной, я говорю – централизованной, т.е. зависящей во всем от центра, от Москвы, руководили довольно уверенно ...

⁵⁵⁴ Телеграмма министра иностранных дел СССР В.М.Молотова замминистра иностранных дел СССР А.Я.Вышинскому, в Нью-Йорк. 30 сентября 1947 г. Сов. секретно // Советско-израильские отношения... С. 251.

⁵⁵⁵ Телеграмма министра иностранных дел СССР В.М.Молотова замминистра иностранных дел СССР А.Я.Вышинскому, в Нью-Йорк. 30 сентября 1947 г. Сов. секретно // Советско-израильские отношения... С. 251-252.

Дипломатия у нас была неплохая. Но в ней решающую роль сыграл Сталин, а не какой-нибудь дипломат»⁵⁵⁶.

Объяснение Молотова («Мы не можем брать на себя инициативу по созданию еврейского государства»), равно как использование дипломатов втемную, вполне отвечают духу эпохи, что позволяет допустить утвердительный ответ на поставленный вопрос. Можно предположить, что некоторые члены советской делегации при ООН догадывались или даже знали о предстоящем переходе Москвы на позицию поддержки идеи раздела Палестины. По крайней мере, еще 19 сентября 1947 г. в ответ на опасения представителей ЕА в США, что «Россия проголосует за доклад меньшинства», Царапкин сказал: «Необязательно»⁵⁵⁷. Однако, все это лишь предположения. Как бы то ни было, 30 сентября 1947 г. Кремль отдал однозначное распоряжение советским дипломатам в ООН поддержать «план большинства».

Впрочем, новая точка зрения Москвы была представлена на международном форуме не сразу. Вице-председатель Сената Ирака Мустафа Амри направил телеграмму «маршалу Сталину», в которой утверждал: «Доклад Комиссии ООН о Палестине, направленный к созданию еврейского государства в арабской Палестине, является беспрецедентным в истории актом неприкрытой агрессии против целостности и прав арабов ... От имени иракского Сената я выражаю Вам это чувство в надежде, что Вы поступите таким образом, чтобы полностью предоставить Палестине ее законные права и независимость путем создания такого арабского государства, которое гарантирует всеобщую свободу и равенство»⁵⁵⁸.

В ходе Второй сессии ГА ООН, проходившей с 30 сентября по 15 ноября 1947 г., между представителями СО и арабских государств развернулась настоящая дипломатическая битва за Палестину. Обе стороны

⁵⁵⁶ Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф.Чуева. М.: Терра, 1991.

⁵⁵⁷ Из записи беседы представителя ЕА в Вашингтоне Э.Эпштейна с временным поверенным в делах СССР в США С.К.Царапкиным и первым секретарем посольства в США М.С.Вавиловым. 19 сентября 1947 г. // Советско-израильские отношения ... С. 247.

⁵⁵⁸ АВП РФ. Ф.47.Оп.2. Д.28. Л.44.

активно использовали исторические аргументы для обоснования своих прав на владение Палестиной. Дискуссии велись вокруг трех основных вопросов:

1) имеют ли притязания сионистов на Палестину основания в древней истории еврейского народа?

2) обладают ли международно-правовым значением заявления британского правительства времен Первой мировой войны о послевоенном статусе Палестины, представленные арабам (переписка Мак-Магона – Хусейни июль 1915 – март 1916 гг.) и сионистам (Декларация Бальфура 2 ноября 1917 г.), и как следует интерпретировать их содержание?

3) Какое значение для решения вопроса о Палестине может иметь массовое истребление нацистами еврейского народа в годы Второй мировой войны?

Как известно, «возрождение» еврейского национального государства в Палестине являлось ключевой идеей сионистского движения с момента его возникновения в конце XIX в. Выступая на заседании Специальной (Ad Hoc) комиссии по вопросам Палестины, будущий первый министр иностранных дел Израиля М. Шерток призвал ее членов считаться с «органическими фактами истории»: «Еврейский народ родился в Палестине, жил там в своей массе до седьмого столетия, а потом никогда не прекращал усилий к тому, чтобы туда вернуться»⁵⁵⁹. Этот тезис подкреплялся отсылкой и к религиозным чувствам евреев. Так, главный раввин Палестины доктор Герцог указал на Тору, «в которой заключена наша основная национальная хартия. Наше древнее название – Эрец Израэль, или Палестина – земля Израиля»⁵⁶⁰. Наконец, сионисты ссылались на признание «несомненных» и «общеизвестных» «исторических связей еврейского народа с Палестиной» международным сообществом, имея ввиду декларацию Бальфура и Мандат

⁵⁵⁹ Объединенные Нации. Специальная (Ad Hoc) комиссия по вопросам Палестины. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Вторая сессия. Краткие отчеты заседаний 25 сентября – 25 ноября 1947 года. Нью-Йорк, 1947. С. 64.

⁵⁶⁰ Объединенные Нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Вторая сессия. Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины. Т. III. Приложение А. Устные показания, данные на открытом заседании. Дополнение № 11. Нью-Йорк, 1947. С. 139.

Лиги Наций на управление Палестиной, переданный Верховным Советом стран Антанты Великобритании на конференции в Сан-Ремо 25 апреля 1920 г.⁵⁶¹

Однако арабские представители решительно отвергали доводы сионистов и приводили собственные контраргументы. Председатель Высшего арабского комитета, известнейший арабский лидер Хадж Амин аль-Хусейни выдвинул тезис, согласно которому современные евреи, от имени которых выступали сионисты, как и сами сионисты – в основной своей массе «евреи Восточной Европы, ашкеназы, не имеют этнических связей с Палестиной; они происходят от хазар». В подтверждение этого тезиса, поднятого затем на щит всеми арабскими дипломатами, Хусейни привел цитаты из Еврейской энциклопедии и трудов еврейских историков Г. Гретца и С. Дубнова. «Евреи Восточной Европы никак не могли быть потомками народа, который покинул Святую землю две тысячи лет назад», – утверждал Хусейни. Кроме того, арабский лидер сослался на труды целого ряда историков и антропологов – профессора антропологии Гарвардского университета Рональда Б. Диксона, профессора антропологии Женевского университета Э. Питтара и др. – отказывавших современным евреям в их палестинском происхождении⁵⁶². Арабские дипломаты, как, например, представитель Ливана Шуман, указывали, что даже признание исторических связей современных евреев с древнееврейским народом Палестины не может служить основанием для сионистских притязаний, ведь «древние евреи все до одного покинули Палестину еще в первом столетии... В течение без

⁵⁶¹ Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт. В 2-х т. / Под общ. ред. академика О.А. Колобова. Т.1. Закономерности и особенности. Нижний Новгород, 2008. С. 151 – 152.

⁵⁶² Объединенные Нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Вторая сессия. Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины. Т. III. Приложение А. Устные показания, данные на открытом заседании. Дополнение № 11. Нью-Йорк, 1947. С. 68.

малою двух тысяч лет евреи не имели никаких связей с Палестиной, и эта страна была населена почти исключительно арабами»⁵⁶³.

Острая дискуссия разгорелась вокруг заявлений британского правительства времен Первой мировой войны о послевоенном статусе Палестины. Отстаивая свои права на Палестину, арабская сторона ссылалась на соглашение Мак-Магона – Хусейна 1916 гг., тогда как сионисты в своих притязаниях опирались на декларацию Бальфура 2 ноября 1917 г. Соглашение британского Верховного комиссара в Египте А. Мак-Магона и шерифа Мекки Хусейна было достигнуто в ходе их переписки летом 1915 – весной 1916 гг. и представляло собой предварительную договоренность об организации «арабского восстания» и провозглашении «арабской независимости» на обширной территории арабских провинций Османской империи после окончания войны⁵⁶⁴. Декларация А. Бальфура, составленная в форме личного письма министра иностранных дел Великобритании А. Бальфура на имя вице-президента Сионистской федерации Великобритании лорда Л. Ротшильда и позже включенная в текст Мандат Лиги Наций на управление Палестиной, заявляла о благосклонном отношении английского правительства к основанию в Палестине национального очага для еврейского народа и его намерении приложить все усилия для облегчения достижения этой цели. Проблема заключалась в интерпретации международно-правового статуса и содержания этих двух документов. Арабская сторона считала, что по соглашению Мак-Магона – Хусейна Палестина должна была стать частью объединенного арабского государства, но Лондон не выполнил это обязательство, поддержав посредством декларации Бальфура сионистское движение, чтобы создать в Палестине союзное Лондону еврейское государство.

⁵⁶³ Объединенные Нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Вторая сессия. Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины. Т. III. Приложение А. Устные показания, данные на открытом заседании. Дополнение № 11. Нью-Йорк, 1947. С. 12.

⁵⁶⁴ Шевелев Д.Л. Палестина в англо-арабской дипломатической игре в 1915 – 1939 гг. // Переписка Мак-Магона – Хусейна 1915 – 1916 гг. и вопрос о Палестине: Документы и материалы. М., 2008. С. 82.

Иракский представитель Джамали расценил декларацию Бальфура как документ, противоречащий «духу и букве 22 статьи Устава Лиги Наций»⁵⁶⁵. Развивая эту мысль, пакистанский дипломат М. Зафрулла Хан указал, что декларация Бальфура заставляла «забыть о праве на самоопределение, пока арабы остаются в большинстве, и вспомнить о нем только тогда, пока большинство населения составят евреи»⁵⁶⁶. «Эта декларация, – подчеркивал в своем выступлении Хадж Амин аль-Хусейни, – была составлена без ведома коренного населения Палестины»⁵⁶⁷.

Напротив, сионисты последовательно отстаивали международно-правовую легитимность декларации Бальфура и, более того, всякий раз, когда о ней заходила речь, напоминали арабам о «соглашении 1919 года между д-ром Вейцманом и королем Фейсалом, по которому последний согласился поощрять широкую иммиграцию евреев в Палестину при условии полного удовлетворения его требований за пределами Палестины»⁵⁶⁸. По мнению выступавшего на заседании Специальной (Ad Hoc) комиссии по вопросам Палестины Х. Вейцмана, «в отношении арабов сформулированное условие было выполнено. Евреи имеют такое же право на независимость»⁵⁶⁹. Таким образом сионисты пытались подвигнуть арабов на принятие плана раздела Палестины на два государства. «Арабы в то время, – говорил в этой связи М. Шерток, – признавали обязательство британского правительства и помышляли о примирении политических целей арабов и евреев путем

⁵⁶⁵ Объединенные Нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Вторая сессия. Пленарные заседания 13 ноября – 29 ноября 1947 года. Т. II. Нью-Йорк, 1947. С. 333.

⁵⁶⁶ Объединенные Нации. Специальная (Ad Hoc) комиссия по вопросам Палестины. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Вторая сессия. Краткие отчеты заседаний 25 сентября – 25 ноября 1947 года. Нью-Йорк, 1947. С. 42.

⁵⁶⁷ Объединенные Нации. Специальная (Ad Hoc) комиссия по вопросам Палестины. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Вторая сессия. Краткие отчеты заседаний 25 сентября – 25 ноября 1947 года. Нью-Йорк, 1947. С. 115.

⁵⁶⁸ Объединенные Нации. Специальная (Ad Hoc) комиссия по вопросам Палестины. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Вторая сессия. Краткие отчеты заседаний 25 сентября – 25 ноября 1947 года. Нью-Йорк, 1947. С. 64.

⁵⁶⁹ Объединенные Нации. Специальная (Ad Hoc) комиссия по вопросам Палестины. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Вторая сессия. Краткие отчеты заседаний 25 сентября – 25 ноября 1947 года. Нью-Йорк, 1947. С. 173.

взаимных уступок»⁵⁷⁰. Напряженные дискуссии вокруг заявлений британского правительства времен Первой мировой войны породили инициативу передать указанные документы на рассмотрение Международного суда. Однако это предложение не было принято.

Апелляцию к страданиям евреев в годы только что завершившейся войны была категорически отвергнута арабскими представителями. «Ни испытанные евреями страдания, ни их желание разрешить свои проблемы путем оккупации Палестины не дают им никакого права вырывать эту страну из рук ее законных владельцев», – заявил Хадж Амин аль-Хусейни⁵⁷¹.

Попытки сионистов и арабов выстроить свои позиции на основе отсылок к древнему и совсем недавнему прошлому очень быстро завели дискуссию в тупик. У каждой из сторон был свой собственный образ Палестины, свои собственные представления о ее истории. Исторические факты противопоставлялись, их интерпретации оспаривались, что вело лишь к обострению конфронтации и накаливанию атмосферы. По меткому выражению представителя Новой Зеландии Фрезера, «все участники событий запутались в паутине истории»⁵⁷².

В этой ситуации 13 октября 1947 г. во время общих прений в Специальной (Ad Hoc) комиссии по вопросам Палестины представитель СССР С.К. Царапкин предложил вообще отказаться от обращения к историческим аргументам: «Нет смысла затевать чисто академическую дискуссию о том, сколько времени занимали Палестину и владели ею арабы и сколько времени – евреи. Суть вопроса – это право на самоопределение сотен тысяч евреев и арабов, живущих в Палестине». Царапкин указал

⁵⁷⁰ Объединенные Нации. Специальная (Ad Hoc) комиссия по вопросам Палестины. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Вторая сессия. Краткие отчеты заседаний 25 сентября – 25 ноября 1947 года. Нью-Йорк, 1947. С. 64.

⁵⁷¹ Объединенные Нации. Специальная (Ad Hoc) комиссия по вопросам Палестины. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Вторая сессия. Краткие отчеты заседаний 25 сентября – 25 ноября 1947 года. Нью-Йорк, 1947. С. 71.

⁵⁷² Объединенные Нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Первая часть третьей сессии. Пленарные заседания 21 сентября – 12 декабря 1948 года. Париж, 1948. С. 462.

единственный продуктивный подход к решению палестинского вопроса: «Проблему можно решить, если очистить ее от исторических и юридических наслоений, подойдя к ней с общеполитической точки зрения». Наконец, советский дипломат официально заявил о принципиальном одобрении советской делегацией «плана большинства», представленного Специальной комиссии ООН по вопросам Палестины, т.е. плана раздела Палестины на арабское и еврейское государства. При этом С.К. Царапкин с удовлетворением отметил согласие обоих планов – «плана большинства» и «плана меньшинства» – с предложениями советской делегации⁵⁷³.

С открытым осуждением советской позиции по вопросу Палестины выступили дипломаты Египта и Ливана. По мнению представителя Египта Махмуда Фавзи-бея, советские предложения подрывали внутренний порядок в Палестине и грозили созданием целого ряда прецедентов: «Представитель СССР заявил, ... что он стоит за раздел, поскольку проблема заключается в том, чтобы предоставить как евреям, так и арабам право жить, пользуясь миром и свободой, в своих собственных государствах. Но согласиться с таким тезисом значило бы предоставить всякому меньшинству право требовать создания своего собственного государства в государстве»⁵⁷⁴. Эту мысль развил в своем выступлении Аль Хаджи Эмином аль-Хусейни: «Представитель СССР заявил, что меньшинство тоже имеет право на самоопределение. Но как можно признать это право за полмиллионом евреев, большинство из которых до сих пор остаются гражданами других стран, и в то же время отказывать в нем полумиллиону арабов? Как можно позволять меньшинству отделяться от большинства и в то же время установить свое господство над численно равной ему частью большинства? После того как арабам в течение четверти века отказывали в праве на самоопределение для

⁵⁷³ Объединенные Нации. Специальная (Ad Hoc) комиссия по вопросам Палестины. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Вторая сессия. Краткие отчеты заседаний 25 сентября – 25 ноября 1947 года. Нью-Йорк, 1947. С. 41.

⁵⁷⁴ Объединенные Нации. Специальная (Ad Hoc) комиссия по вопросам Палестины. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Вторая сессия. Краткие отчеты заседаний 25 сентября – 25 ноября 1947 года. Нью-Йорк, 1947. С. 61.

того, чтобы искусственно создать это меньшинство, на каком основании требуют, чтобы это искусственно созданное меньшинство получило теперь право на самоопределение?»⁵⁷⁵.

Нельзя не заметить совпадение позиций Лиги национального освобождения и Высшего арабского комитета, равно как и представителей Египта и Ливана в ООН, по вопросу будущего Палестины. Общей платформой арабских деятелей было сохранение «арабского характера» и территориальной целостности Палестины перед угрозой ее раздела и парциальной «сионизации».

Великобритания, страна-мандатарий, отклонила оба плана. «Правительство Соединенного Королевства не может разрешить использовать свои войска и администрацию для того, чтобы проводить в жизнь решения, которые не являются приемлемыми для обеих сторон в Палестине», – заявил представитель Великобритании⁵⁷⁶. Вашингтон, в свою очередь, высказался в пользу «плана большинства». «Во время прений много говорилось о целесообразности и необходимости представления Генеральной Ассамблее плана, приемлемого для обеих главных сторон в данном конфликте, – сказал представитель США. – Я думаю, что нет ни одной делегации, которой не было бы известно, что ни Ассамблее, ни правительству страны, которая много лет осуществляла мандат, ни какому-либо другому органу не было представлено ни одного плана, который был бы приемлемым как для арабов, так и для евреев. Ни одного такого плана представлено не было, и я не думаю, что такой план когда-либо будет представлен. Если мы хотим добиться при посредстве Организации Объединенных Наций решения этой проблемы, то этого нельзя сделать без применения, так сказать, хирургического вмешательства. Как евреи, так и арабы никогда не будут полностью удовлетворены нашими дейст-

⁵⁷⁵ Объединенные Нации. Специальная (Ad Hoc) комиссия по вопросам Палестины. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Вторая сессия. Краткие отчеты заседаний 25 сентября – 25 ноября 1947 года. Нью-Йорк, 1947. С. 71.

⁵⁷⁶ Объединенные Нации. Специальная (Ad Hoc) комиссия по вопросам Палестины. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Вторая сессия. Пленарные заседания. Т. II. 124-е заседание. Нью-Йорк, 1947. С. 299.

виями, и нам не следует об этом забывать ... По искреннему убеждению делегации Соединенных Штатов, план раздела, рекомендованный Комиссией Ad Hoc по вопросам Палестины, при всех своих недостатках обеспечивает для народа Палестины наиболее реальные возможности достижения этих высоких целей...»⁵⁷⁷.

Представляется убедительным объяснение решения США поддержать «план большинства», предложенное О.В. Носач: «Новая позиция США была сформулирована, учитывая начавшиеся англо-американские переговоры, и могла быть использована как средство давления на Великобританию ... Великобритания планировала увеличить добычу нефти в Ираке и Иране в 1947–1948 гг. В то же время американская сторона, стремившаяся расширить бизнес в Саудовской Аравии, оказалась в довольно зависимом от доброй воли англичан положении». Указывая на существенные разногласия по вопросу о Палестине между Госдепом и военным ведомством США, исследователь справедливо отмечает, что «военно-стратегические мотивы играли для США значительную роль, и, являясь антагонистическими по отношению к экономическим аспектам, могли превалировать в умах военных и членов Госдепартамента, что и выразилось в гибкой позиции США относительно поддержки раздела Палестины»⁵⁷⁸.

Поддержка двумя великими державами «плана большинства» указывала на то, что именно он будет скорее всего положен в основу окончательного решения Специальной (Ad Hoc) комиссии по рассмотрению палестинского вопроса. 15 октября 1947 г. в связи с завершением общих прений и переходом к обсуждению проектов резолюции ГА ООН по проблеме Палестины, Молотов направил Вышинскому следующие указания:

1. По всем важным вопросам Палестины необходимо запрашивать мнение евреев...

⁵⁷⁷ Объединенные Нации. Специальная (Ad Hoc) комиссия по вопросам Палестины. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Вторая сессия. Пленарные заседания. Т. II. 124-е заседание. Нью-Йорк, 1947. С. 301.

⁵⁷⁸ Носач О.В. Позиция США по вопросу создания Государства Израиль // США-Канада: экономика, политика, культура. 2009. №4. С. 73-74.

2. Не следует опасаться большого меньшинства арабов в еврейском государстве, только чтобы арабов было меньше 50%. Такое положение не может угрожать существованию еврейского государства, так как неизбежно еврейская часть в этом государстве будет расти.

3. Переходный период надо стремиться сократить. Нельзя управляющей властью на этот период оставлять Англию. Лучше пойти по пути передачи управления Палестиной Совету Безопасности⁵⁷⁹.

Следуя установке Молотова («Мы не можем брать на себя инициативу по созданию еврейского государства»), советская делегация в ООН способствовала реализации сионистских планов посредством поддержки соответствующих им инициатив, выдвигаемых другими странами. Так, представители СССР поддержали такие предложения, направленные на обеспечение еврейской иммиграции в Палестину, как призыв делегации Уругвая немедленно допустить в страну 30 000 еврейских детей, находившихся в лагерях для перемещенных лиц, и установить квоту для иммиграции в Палестину родителей этих детей и резолюцию Югославии о немедленном допущении в Палестину вне всяких квот всех еврейских беженцев, проживающих сейчас в лагерях на острове Кипр⁵⁸⁰.

26 октября 1947 г. Сталин устно утвердил представленные ему в письменном виде Молотовым предложения Вышинского относительно плана устройства Палестины в переходный период на базе «плана большинства»:

1. Отмена мандата с 1 января 1948 г.
2. Вывод британских войск не позже 3 – 4 месяцев с момента отмены мандата
3. Установление переходного периода не более одного года с момента отмены мандата

⁵⁷⁹ Справка отдела ООН МИД СССР «К палестинскому вопросу». 23 октября 1947 г. // Советско-израильские отношения ... С. 259-260.

⁵⁸⁰ Справка отдела ООН МИД СССР «К палестинскому вопросу». 23 октября 1947 г. // Советско-израильские отношения ... С. 259-260.

4. Управление Палестиной на время переходного периода возлагается на ООН в лице Совета Безопасности

5. Мероприятия по установлению границ еврейского и арабского государств осуществляет специальная комиссия, составленная из представителей государств-членов Совета Безопасности

6. В каждом из государств избирается временный правительственный совет, деятельность которого осуществляется под общим руководством специальной комиссии

7. Временный правительственный совет каждого из государств не позже, чем через 6 месяцев с момента своего образования проводит выборы в учредительное собрание на демократических началах под контролем Совета Безопасности

8. Учредительное собрание каждого из государств вырабатывает демократическую конституцию и избирает правительство.

9. Временные правительственные советы после своего образования приступают под наблюдением специальной комиссии к созданию административных органов управления – центральных и местных.

10. Правительственные советы в возможно короткий срок формируют вооруженную милицию в количестве, достаточном для поддержания внутреннего порядка и предотвращения пограничных столкновений.

Дополнительно Вышинский указывал, что вышеизложенные положения совпадают с мнением ЕА⁵⁸¹. Действительно, советская делегация в ООН тесно контактировала с представителями ЕА. Согласно свидетельству Д.Горовица, который вместе с М. Шаретом и Э.Эпштейном принимал активное участие в полуофициальных встречах с советской делегацией, представители последней, в особенности С.К.Царапкин и Б.Е.Штейн, проявляли не только живой интерес, но и симпатию к сионистским делам⁵⁸².

⁵⁸¹ Записка министра иностранных дел СССР В.М. Молотова генеральному секретарю ЦК ВКП(б), председателю Совета министров СССР И.В. Сталину. 26 октября 1947 г. // Советско-израильские отношения ... С. 260-261.

⁵⁸² Horowitz D. State in the Making. N.Y., 1953. P. 306.

В то же время отдельные наиболее радикальные сионистские группы выступали категорически против раздела Палестины, требуя передачи под еврейский суверенитет всей территории страны. Послание от одной из них, Еврейского комитета национального освобождения, было направлено послу СССР в Великобритании. «Сообщаем Вам о полном несогласии членов нашей организации с предложениями о разделе Палестины, – говорилось в документе. – Нашу точку зрения разделяет большинство еврейского народа, в частности подпольные армии в Палестине и перемещенные лица в европейских лагерях»⁵⁸³. Однако единственным признаваемым Москвой партнером с еврейской стороны было ЕА, которое смогло зарекомендовать себя в качестве дееспособного «правительства» еврейской Палестины и конструктивного партнера по переговорам.

Роль СССР в продвижении плана раздела Палестины была вполне очевидна всем членам ООН. Жесткой критики советскую политику подверг глава ВАК Аль Хаджи аль-Хусейни на заседании Второй сессии ГА ООН 24 ноября 1947 г. Лидер арабской общины Палестины обратил внимание на единственный в своем роде случай совпадения позиций СССР и США – именно по вопросу Палестины. Не без сарказма он заявил: «Два великих поборника свободы – СССР и Соединенные Штаты – объединились, движимые, как они говорят, мотивами гуманности, для поддержки чудовищного извращения принципа самоопределения в Палестине. Они не приходили к согласию ни по одному конструктивному вопросу в Организации Объединенных Наций и договорились лишь об одном – о разделе Палестины»⁵⁸⁴. В вопросе Палестины США и СССР, по мнению Аль Хаджи аль-Хусейни, руководствовались вовсе не мотивами гуманности. Но каждая из сторон использовала Палестину в своих интересах: «США – чтобы угодить еврейским избирателям в Соединенных Штатах, СССР – чтобы дать

⁵⁸³ АВП РФ. Ф.47. Оп.3. Д.30. Л.58.

⁵⁸⁴ Объединенные Нации. Специальная (Ad Hoc) комиссия по вопросам Палестины. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Вторая сессия. Краткие отчеты заседаний 25 сентября – 25 ноября 1947 года. Нью-Йорк, 1947. С. 116.

возможность десяткам тысяч иммигрантов наводнить Палестину для пропаганды его теорий и политических целей»⁵⁸⁵.

В своем выступлении на пленарном заседании Второй сессии ГА ООН накануне голосования по вопросу Палестины, 26 ноября 1947 г., А.А. Громыко охарактеризовал «план большинства» как единственно возможный вариант решения палестинской проблемы: «Опыт изучения вопроса о Палестине, включая опыт работы Специального комитета, показал, что евреи и арабы в Палестине не хотят или не могут жить вместе. Отсюда следовал логический вывод: если эти два народа, населяющие Палестину, оба имеющие глубокие исторические корни в этой стране, не могут жить вместе в пределах единого государства, то ничего иного не остается, как образовать вместо одного два государства – арабское и еврейское. Никакого иного практически осуществимого варианта, по мнению советской делегации, нельзя было придумать»⁵⁸⁶.

Громыко отверг попытки арабских дипломатов «бросить тень на внешнюю политику советского правительства». Их критике А.А. Громыко противопоставил тезис о сочувственном отношении СССР к «национальным устремлениям народов Арабского Востока». Представитель СССР развеял «неуклюжие заявления отдельных представителей арабских государств по поводу внешней политики СССР» и «жизненные национальные интересы арабов»: «Мы проводим разницу между такого рода заявлениями, сделанными, очевидно, под впечатлениями минутных настроений, и коренными интересами арабского народа». Громыко выказал уверенность в том, что «арабы и арабские страны не один раз еще будут смотреть в сторону

⁵⁸⁵ Объединенные Нации. Специальная (Ad Hoc) комиссия по вопросам Палестины. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Вторая сессия. Краткие отчеты заседаний 25 сентября – 25 ноября 1947 года. Нью-Йорк, 1947. С. 116.

⁵⁸⁶ Выступление постоянного представителя СССР при ООН А.А. Громыко на пленарном заседании Второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 26 ноября 1947 г. // Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2 т. Том 1: 1947–1956. М., 2003. С. 10.

Москвы, ожидая от Советского Союза помощи в борьбе за свои законные интересы, пытаюсь освободиться от остатков иностранной зависимости»⁵⁸⁷.

Однако прежде, чем эти слова исполнились, СССР и арабские страны прошли через период отчуждения, вызванный деятельным участием СССР в разделе Палестины и создании Государства Израиль. Представитель Ливана Ч. Малик следующим образом подытожил результат развития послевоенных советско-арабских отношений: «Представитель СССР г-н Громыко постоянно выражает симпатию СССР по отношению к стремлению арабов к свободе. Я от души благодарю его за эти благородные чувства его великой страны, но я должен его заверить, что политика СССР в палестинском вопросе исключает всякие ответные чувства не только со стороны арабских политических деятелей и правящих кругов, которые он, по-видимому, недолюбливает, но также и со стороны арабских народных масс, к которым СССР обычно имеет ввиду обращаться... арабский мир теперь вполне разочаровался в политике и в намерениях СССР»⁵⁸⁸.

Со своей стороны, и советская делегация в ООН больше не утруждала себя анализом позиции арабских стран по палестинскому вопросу. «Учитывая хорошо известную позицию арабских стран по отношению к решению ООН о разделе Палестины, считал бы, что поступившие из БВО материалы с протестами ряда египетских организаций с протестами против раздела палестины, а также решение съезда глав иракских племен, имевшего место в г. Хила, специального заключения не требуют», - такой ответ получил БВО МИД СССР от советской делегации при ООН⁵⁸⁹.

29 ноября 1947 г. ГА ООН приняла Резолюцию 181 (II) о разделе Палестины на неназванное «Арабское государство» и неназванное «Еврейское го-

⁵⁸⁷ Выступление постоянного представителя СССР при ООН А.А. Громыко на пленарном заседании Второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 26 ноября 1947 г. // Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2 т. Том 1: 1947–1956. М., 2003. С. 10.

⁵⁸⁸ Объединенные Нации. Совет Безопасности. Официальный отчет. Третий год. 309-е и 310-е заседание. 29 мая 1948 г. № 77. Нью-Йорк, 1948. С. 8.

⁵⁸⁹ АВП РФ. Ф.47. Оп.3. д.28. Л.26.

сударство». Территория первого была определена в 11,1 тыс. кв. км., второго – в 14,1 тыс. кв. км. За резолюцию проголосовали 33 члена ООН, включая США и СССР, против – 13, воздержалось – 10, в том числе Великобритания. Резолюция 181 (II) представляла собой рекомендацию «Соединенному Королевству, как государству-мандатарии для Палестины, а также всем остальным государствам – членам Организации Объединенных Наций принятия ими и выполнения, в вопросе о будущем управлении в Палестине, плана раздела на основе экономического союза...», предлагающую Совету Безопасности принять «необходимые меры, предусмотренные в плане, в целях проведения его в жизнь...».

Великобритания должна была положить конец своему присутствию к 1 августа 1948 г., однако, передав уже к 1 февраля 1948 г. в распоряжение Еврейского государства район, включающий морской порт для облегчения «значительной иммиграции». В течение переходного периода, начиная с ноября 1947 г., ООН должна была постепенно взять на себя управление всей территорией для осуществления его комиссией и передачи власти этим двум государствам в день независимости, не позднее 1 октября 1948 г. Оба государства должны были объединиться в экономическом союзе.

Иерусалим как отдельная единица («*corpus separatum*») должен был перейти под управлением Совета по Опеке ООН в течение начального периода, равного 10 годам, по истечении которого этот план должен был быть вновь рассмотрен Советом, а жителям города должна была быть «предоставлена возможность выразить путем референдума свои пожелания о возможных переменах в режиме этого города». Гарантии статуса Иерусалима, Святых мест и прав меньшинств должны были обладать в каждом государстве статусом конституционных положений: «Временное правительство каждого из намеченных государств, до того как они станут независимыми, должно представить Организации Объединенных Наций декларацию; ... Условия, содержащиеся в этой декларации, признаются как основные законы данного государ-

ства, и никакой закон, установление или официальное действие правительства не может иметь больше силы, чем эти условия и требования»⁵⁹⁰.

В октябре 1947 г. ЛАГ объявила о мобилизации добровольцев для отправки в Палестину. ЛАГ, равно как и общественно-политические лидеры палестинских арабов, такие, как Амин аль-Хусейни, были против участия в предстоящей битве за Палестину регулярных арабских войск, полагая, что добровольцы лучше справятся с поставленной задачей. На призыв ЛАГ откликнулись Союз мусульманской молодежи в Ливане, созданный в Алжире Мухаммедом Саидом аль-Джазире «Фронт Муджахиды Африки», суфийское братство «Поборники истины». Важную роль в подготовке и отправке на борьбу против «сионистской оккупации» борцов за веру – муджахидов – сыграло египетское общество «Братьев-мусульман» под руководством Хасан аль-Банна. «В 1947 г. "Братство", которое к тому времени располагало зарубежными филиалами в Ливане, Сирии, Палестине и Трансиордании, развернуло, по сути дела, автономное добровольческое движение ... оно "Братство" воспользовалось подготовкой к боевым действиям в Палестине для укрепления созданного "Братством" еще в начале 40-х гг. так называемого секретного аппарата (военизированных террористических отрядов), на который оно собиралось опереться при совершении намеченного государственного "исламского" переворота. Однако внешне эта подготовка преподносилась египетской и всей арабской общественности как свидетельство "последовательного" подхода "Братьев-мусульман" к палестинскому вопросу и намерения подкрепить искренность религиозного рвения "защитников ислама" решительными практическими действиями»⁵⁹¹.

В начале октября 1947 г., когда на Второй сессии ГА ООН шли бурные дебаты по палестинскому вопросу, Хасан аль-Банна уведомил Совет ЛАГ о своей готовности отправить в Палестину в кратчайшие сроки до 10 000

⁵⁹⁰ Объединенные Нации. Специальная (Ad Hoc) комиссия по вопросам Палестины. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Вторая сессия. Пленарные заседания. Т. I. Нью-Йорк, 1947. С.52-56.

⁵⁹¹ Кудрявцев А.В. Исламский мир и палестинская проблема. М., 1990. С. 58-59.

муджахидов. Уже в конце октября – начале ноября отдельные группы арабских боевиков начали проникать через египетско-палестинскую границу в страну и атаковать еврейские поселения. Египетское правительство, пытавшееся вначале пресечь добровольческое движение, затем, увидев в «борьбе за Палестину» возможность перенаправить деятельность «Братьев-мусульман» вовне, объявило о своей поддержке муджахидов и предоставило им материально-техническую помощь. «Развертывание движения за "спасение Палестины" сопровождалось резким усилением в арабских странах антикоммунистической кампании, в которой широко использовался ... тезис о "большевизме" сионистов и обвинения коммунистов в "пособничестве" сионизму»⁵⁹².

Особую позицию занял король Иордании Абдаллах. В ходе тайной встречи Абдаллаха с представителями ЕА в ноябре 1947 г. между сторонами была достигнута договоренность о том, что будущее еврейское правительство не станет препятствовать присоединению к Иордании той части Палестины, которая будет отведена ООН под независимое арабское государство. Абдаллах, со своей стороны, брал на себя обязательство не принимать участие в общеарабской борьбе за Палестину и признать de facto еврейское государство. Общим противником Абдаллаха и еврейской Палестины был ВАК и его лидер Амин аль-Хусейни. В итоге, между сторонами «за спиной арабского мира и палестинских арабов, враждебно относящихся к самой идее создания еврейского государства, и международного сообщества в лице ООН, склонявшейся к созданию независимого палестинского государства, была достигнута важная устная договоренность о разделе Палестины»⁵⁹³.

Фактически война за Палестину началась уже в ноябре 1947 г. Принятие ГА ООН резолюции 181 (II) дало повод арабским силам активизировать военные действия против палестино-еврейского сообщества.

⁵⁹² Кудрявцев А.В. Исламский мир и палестинская проблема. М., 1990. С. 59.

⁵⁹³ Демченко А.В. Палестинская проблема в политике Иордании: 1947–1967. М., 2009. С. 25.

Израильский историк Б. Моррис обозначает период с 29 ноября 1947 г. по 14 мая 1948 г. (провозглашение независимости Государства Израиль) как Гражданская война в подмандатной Палестине. Моррис делит этот период на два этапа. Первый этап с 29 ноября 1947 г. до марта 1948 г. характеризовался тем, что еврейские силы декларировали принцип «ответных акций» против арабов. С марта до середины мая 1948 г. этот принцип был отменен, Хагана перешла к активным действиям по установлению контроля над всей территорией Палестины⁵⁹⁴.

Резкое обострение ситуации на «земле обетованной» сделало невозможным выполнение резолюции 181 (II). Организованная в соответствии с последней, Комиссия ООН по Палестине не смогла прибыть в Иерусалим. Организация вооруженной милиции, которая должна была обеспечить безопасность Комиссии и содействовать ее работе, также оказалась невозможной. По мере эвакуации английских войск масштаб арабо-еврейской борьбы стремительно возрастал. Общее количество потерь за декабрь 1947 г. – февраль 1948 г. составило 869 убитыми и 1909 ранеными⁵⁹⁵. 16 февраля 1948 г. Комиссия ООН по Палестине, так и не покинувшая Нью-Йорк, доложила Совету Безопасности о невозможности выполнить поставленную перед ней задачу.

Обсуждение палестинского вопроса в Совете Безопасности в феврале – марте 1948 г. выявило стремление Лондона и Вашингтона дистанцироваться от решений 29 ноября 1947 г. Представитель США У. Остин предложил прекратить усилия по проведению в жизнь плана раздела и созвать специальную сессию ГА ООН, чтобы обсудить вопрос установления такой временной опеки над Палестиной, которая не отражалась бы неблагоприятно на правах, требованиях или позиции заинтересованных сторон и не

⁵⁹⁴ Morris Benny. 1948: a history of the first Arab-Israeli war. New Haven–L., 2008.

⁵⁹⁵ ООН. Доклад Совета Безопасности за период с 16 июля 1947 г. по 15 июля 1948 г. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Третья сессия. Дополнение №2 (A/620). Нью-Йорк, 1948. С. 8.

предрешала при этом характера окончательного политического урегулирования⁵⁹⁶.

1 апреля 1948 г. Совет Безопасности призвал арабов и евреев Палестины прекратить акты насилия в отношении друг друга и объявил о созыве Второй специальной сессии ГА ООН. В соответствии с прямыми указаниями Молотова, получившим одобрение Сталина, от 9 апреля, выступая на заседании первого комитета Второй специальной сессии ГА ООН 20 апреля 1948 г., Громыко охарактеризовал предложение США об установлении опеки над Палестиной как меру, которая «не соответствует интересам населения Палестины и не способствует поддержанию международного мира». Ответственность за срыв работы Комиссии по Палестине была полностью возложена на Лондон: «Великобритания воспротивилась приезду в Палестину Палестинской комиссии, вследствие чего последняя не имела возможности начать на месте подготовительную работу, необходимую для проведения в жизнь решения о разделе. Комиссии было разрешено приехать в Палестину лишь 1 мая – иными словами, за две недели до окончания мандата – и Соединенное Королевство отказалось даже гарантировать комиссии безопасность ее пребывания в стране в течение этих двух недель. Правительство Соединенного Королевства пыталось таким образом превратить Палестинскую комиссию в орган, который мог заниматься обсуждением вопроса, но не принимать каких-либо практических мер по осуществлению решения Генеральной Ассамблеи. Тем самым Соединенное Королевство поставило под угрозу весь план раздела страны»⁵⁹⁷.

При подготовке своей речи в части, касающейся критики «линии поведения, проводимой государством-мандатарием Громыко, опять же по

⁵⁹⁶ ООН. Доклад Совета Безопасности за период с 16 июля 1947 г. по 15 июля 1948 г. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Третья сессия. Дополнение №2 (A/620). Нью-Йорк, 1948. С. 92.

⁵⁹⁷ ООН. Официальные отчеты Второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи. Том II. Главные комитеты. Краткие отчеты заседаний с 16 апреля по 14 мая 1948 г. Нью-Йорк, 1948. С. 9-10.

рекомендации высшего партийно-советского руководства, опирался на материалы, предоставленные ЕА⁵⁹⁸. Однако, в отличие от двух предыдущих речей Громыко в ООН по палестинскому вопросу, в этой, третьей по счету, острей критики было направлено уже не против Великобритании, но против США. «По окончании последней сессии Ассамблеи общественное мнение, даже в Соединенных Штатах, находило, что позиция, занятая последними по палестинскому вопросу, в действительности направлена на срыв резолюции Генеральной Ассамблеи, – заявил Громыко. – Официальным опровержениям Соединенных Штатов никто не верил. Всякий понимал, что Соединенные Штаты готовят смертельный удар по принятому решению о разделе и вынашивают какие-то новые планы в отношении Палестины». Постоянный представитель СССР при ООН последовательно отстаивал точку зрения на Резолюцию 181 (II) как «наиболее справедливое решение» по той причине, что оно «соответствует национальным интересам обоих народов Палестины, оно урегулирует раз навсегда отношения между этими народами и этим обеспечит поддержание мира на Ближнем Востоке». Напротив, план опеки, предложенный США приведет, по мнению Громыко, лишь к обострению обстановки в Палестине, «создаст угрозу миру и усилит тревогу на Ближнем Востоке». Перемена позиции Вашингтона по палестинскому вопросу, утверждал советский дипломат, продиктована исключительно его нефтяными и военными интересами: «Известные влиятельные круги, отражающие эти интересы, пытаются превратить Палестину в свою стратегическую и военную базу, а в экономическом отношении – в американскую полуколонию». В заключении Громыко подтвердил приверженность СССР решению ГА ООН о разделе Палестины⁵⁹⁹.

В практическом отношении реализация плана опеки, будь он принят, натолкнулась бы на те же трудности, что и реализация плана раздела. В

⁵⁹⁸ АВП РФ. Ф.47. Оп.3. Д.29. Л. 6-7, 38.

⁵⁹⁹ ООН. Официальные отчеты Второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи. Том II. Главные комитеты. Краткие отчеты заседаний с 16 апреля по 14 мая 1948 г. Нью-Йорк, 1948. С. 10.

Палестине шли открытые военные действия. Фактически раздел Палестины уже начался. В апреле 1948 г. Иордания ввела свои войска в Самарию и Иудею (Западный берег реки Иордан). 3 мая 1948 г. британский представитель внес предложение об установлении в Палестине «временного режима», в соответствии с которым стороны должны были прекратить боевые действия и возобновить консультации с ООН по урегулированию ситуации. Лондон предложил Вашингтону взять на себя, вместе с Парижем и Брюсселем, ответственность за прекращение огня в Палестине. «В этих условиях американское политическое руководство сочло необходимым пересмотреть свою позицию по палестинскому вопросу. На встрече президента Трумэна с руководством Государственного департамента 12 мая 1948 г. был поставлен вопрос о немедленном признании еврейского государства. По мнению советников президента, это был единственный способ сохранить влияние на сионистское движение и контроль над развитием ситуации в Палестине»⁶⁰⁰.

Провозглашение 14 мая 1948 г. независимости Израиля и последовавшее затем признание еврейского государства Соединенными Штатами (14 мая, *de facto*) и Советским Союзом (17 мая, в полном объеме) подвело черту под дискуссиями в ООН по палестинскому вопросу в его прежнем значении и открыло новую страницу истории международных отношений на Ближнем Востоке.

⁶⁰⁰ Пелипась М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск, 2003. С.89.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С началом Второй мировой войны внимание партийно-советского руководства к ситуации в Палестине и вокруг нее определялось, прежде всего, задачами стратегического планирования советской внешней политики и обороны страны. В отличие от 1920–1930-х гг., когда большое внимание уделялось изучению «классовой борьбы», теперь, в духе Realpolitik, Палестина рассматривалась Москвой исключительно как важнейший оплот Англии на Ближнем Востоке, один из центров военно-морских и военно-воздушных коммуникаций Британской империи, ее крупнейший нефтяной терминал и, соответственно, одна из целей возможного германского наступления.

Зимой–весной 1940 г. в советской печати появился целый ряд материалов, призванных привлечь внимание стран «Оси» к «англо-французским проидам на Ближнем Востоке», объяснить их опасность для Германии и обосновать стратегические выгоды германского наступления на данном направлении. Расчеты Москвы в этом отношении были очевидны: удар Германии, возможно совместно с Италией, по Ближнему Востоку должен был исключить возможность англо-германского замирения, оттянуть германские силы из Европы, связать их изнурительными боевыми действиями в левантских песках.

В Кремле надеялись, что начатая в сентябре 1940 г. итальянцами кампания против Египта, с одной стороны, и ставшая очевидной к этому времени неспособность немцев добиться превосходства над англичанами на море и в воздухе – с другой, заставят Гитлера перенести основную тяжесть военных действий на Ближний Восток. Действительно, в начале 1941 г. идея нанесения решительного удара по Англии на Ближнем Востоке получила широкое распространение в Берлине. Окончательный план, представленный Гитлеру 4 ноября 1940 г., выглядел следующим образом. Ударная танковая группировка молниеносным броском через Болгарию и Стамбул проходит в Анатолию и оттуда захватывает Сирию и Палестину.

В феврале 1941 г. Гитлер принял решение об отправке в Ливию германских войск, получивших наименование «Германский Африканский корпус». В конце марта в Северной Африке началось германо-итальянское контрнаступление. В это время в Москве считали вполне вероятным дальнейшее наращивание германских сил на Ближнем Востоке и его превращение в главный театр военных действий (к аналогичным выводам приходил в это время и английский кабинет). Озвученный в апреле 1941 г. в связи с прогерманским переворотом в Багдаде, призыв Берлина к «арабскому национальному движению» поддержать «освободительную миссию» держав «Оси» на Ближнем и Среднем Востоке, казалось, подтверждало ожидания Москвы. Особое место в нацистской пропаганде среди арабов уделялось Палестине – переднему рубежу борьбы арабов с их общим с Германией врагом – «мировым еврейством».

Однако надежды сталинского руководства на то, что Гитлер откажется от «дранг нах остен» в пользу «дранг нах ориент» и увязнет в войне против Англии, не оправдались. Для Гитлера, в отличие от ориенталистов в германском МИД и Верховном главнокомандовании вермахта, первоочередной задачей было сокрушение СССР. Вместе с тем, весной–летом 1941 г. тезис о приоритетном для германских интересов ближневосточном направлении являлся важной частью операции нацистских спецслужб по дезинформации Кремля. К началу мая 1941 г. стало очевидно, что это была лишь интермедия большой дипломатической игры.

С началом Великой Отечественной войны между Москвой, с одной стороны, и лидерами СО и «еврейского национального очага» в Палестине – с другой, открылись систематические переговоры. Инициатива практически всегда исходила от сионистов, в качестве основного переговорщика с их стороны выступало «министерство иностранных дел» «еврейского государства в пути» – Политический департамент ЕА. Встречи сионистских деятелей с советскими дипломатами происходили, как правило, с участием представителей крупных еврейских общественных несионистских организаций, а иногда

и еврейских религиозных деятелей, что обеспечивало своего рода «прикрытие» переговоров советских дипломатов с лидерами СО. Принципы ведения переговоров между СО и советскими представителями были сформулированы сторонами в июле 1941 г. Они включали в себя: (1) определение борьбы против фашизма как общей позиции; (2) отказ от обсуждения проблем, связанных с прошлыми претензиями сторон друг к другу; (3) фактическое признание Советским Союзом правомочности целей и задач сионизма в Палестине.

В начале войны сталинское руководство рассматривало международное сионистское движение, прежде всего, в качестве эффективного канала влияния на умонастроения зарубежной общественности. В частности, Кремль усиленно добивался от США удовлетворения его заявок на поставки в СССР необходимых Красной Армии военных материалов. В Москве знали, что в отличие от Великобритании в США по-прежнему были сильны позиции деятелей, выступавших против сотрудничества с СССР. В целом, развитие контактов советского руководства с лидерами СО и «еврейского национального очага» в Палестине было полностью подчинено решению важнейшей задачи советской внешней политики того времени – привлечению на помощь СССР всех сил, противостоящих фашистскому блоку. В свою очередь, СО рассчитывала заручиться поддержкой СССР в деле создания еврейского государства в Палестине.

В августе 1942 г. состоялся первый официальный визит советских дипломатов в Палестину – для участия в качестве почетных гостей в работе I съезда левосионистской организации Лига в защиту Советской России (Лига «V») в Палестину прибыли первый секретарь советского посольства в Анкаре С.С. Михайлов и пресс-атташе посольства Н.А. Петренко. Их визит стал крупнейшим событием общественно-политической жизни «еврейского национального очага». В глазах сионистской левой, тем более просоветской ее части, он означал едва ли не «дипломатическое признание» Советским Союзом еврейской Палестины. В октябре 1943 г. Палестину посетил видный со-

ветский дипломат, в 1932–1943 гг. полпред, чрезвычайный и полномочный посол СССР в Великобритании И.М. Майский. Цель своего пребывания в Палестине он сформулировал в беседе с Бен-Гурионом следующим образом: «После войны еврейская проблема будет очень сложной, придется ее решать, мы должны выработать подходы, должны знать все».

Специфическим инструментом советской внешней политики, обеспечивающим развитие контактов советского руководства с международным сионистским движением, являлся ЕАК. Фактически он выступал в качестве своеобразного посредника между высшим советским руководством и СО. Информационно-пропагандистская деятельность ЕАК оказала существенное влияние на общественное мнение за рубежом, в том числе и на сионистские круги, в пользу усиления среди них просоветских настроений. Кроме того, деятели ЕАК регулярно собирали, обрабатывали и направляли в ЦК ВКП(б) «информационные материалы» о деятельности СО и ситуации в Палестине.

Развернувшееся в еврейской Палестине в годы Великой Отечественной войны под руководством сионистской левой – ведущей политической силы «еврейского национального очага» – широкое движение в поддержку Советского Союза наглядно продемонстрировало высокий уровень симпатий к СССР среди строителей еврейского государства. В диалоге с Москвой это обстоятельство преподносилось ЕА как существенный довод в пользу пересмотра советским правительством его отношения к сионизму. Идея «преодоления прежних разногласий» между сионистским движением и СССР лежала в основе всех солидарных действий еврейских трудящихся Палестины с Советским Союзом и Красной армией в годы войны. Однако старания Лиги «V» в деле обоснования идейно-политического родства сионизма и советского строя, общности их целей на международной арене («победа национально-освободительных движений»), наконец, творческого потенциала сионизма как главного источника трудовых успехов еврейских рабочих Палестины, были напрасны. На протяжении всей войны советское правительство принимало помощь еврейских трудящихся «земли обетованной», но последова-

тельно отвергало возможность идеологического примирения с сионизмом. В отношениях с Москвой руководству «еврейского национального очага» не удалось достичь ни одной из поставленных им на этом направлении задач: СССР не разрешил представителям ЕА вести какую-либо деятельность на своей территории; не допустил распространение информации ЕА о еврейской Палестине среди советских евреев; категорически отказался обсуждать вопрос о возможности выезда советских евреев в «землю обетованную». Тем не менее, в годы войны благодаря регулярным контактам с деятелями международного сионистского движения, информации от Лиги «V» и группы «Левант», а также визитам советских дипломатов в Палестину сталинское руководство смогло составить более адекватное представление о положении в «еврейском национальном очаге» и вокруг него, что привело в конечном итоге к включению еврейской Палестины в расчеты советской послевоенной ближневосточной политики как важного фактора развития ситуации в регионе.

Начиная с Тегеранской конференции, внешняя политика СССР приобрела все основные черты великодержавности, проявившиеся, во-первых, в притязаниях Москвы на равное с Великобританией и США участие в делах послевоенного мироустройства и регулирования международных отношений; во-вторых, в стремлении СССР обзавестись собственными сферами влияния и «подопечными территориями»; в-третьих, в выдвижении советской дипломатией собственных инициатив по решению сложных международных вопросов. Именно в этом ключе следует рассматривать и ближневосточную политику СССР того периода.

Доклады БВО НКВД, из раза в раз сообщавшие о предпринимаемых Великобританией и США усилиях в направлении сателлизации ближневосточных стран, установления контроля над их ресурсами, позволили партийно-советскому руководству уже в 1944 г. сделать вывод о начале между Великобританией и США борьбы за доминирование в арабском мире. Вероятнее всего, именно это обстоятельство стало решающим в формировании ус-

тойчивого интереса Сталина к ближневосточным делам. В то время, когда хозяин Кремля серьезно опасался сговора английских и американских правящих кругов по ключевым вопросам послевоенного мироустройства за спиной Советского Союза, всякая конфронтация между Лондоном и Вашингтоном привлекала его особое внимание. В этой связи в поле зрения сталинского руководства вошла и Палестина.

Для завоевания позиций на «святой земле» Кремль использовал и «церковную дипломатию». Так, в мае 1945 г. впервые в истории РПЦ патриарх Московский и всея Руси Алексей (Симанский) прибыл с официальным визитом к Иерусалимскому патриарху. Патриарх Алексей попытался убедить монастыри и общины, находившиеся с 1920-х гг. в юрисдикции РПЦЗ, перейти под омофор Московской Патриархии, однако глава Русской духовной миссии архимандрит Антоний (Синькевич) занял твердую позицию и на уговоры не поддавался.

Отношение партийно-советского руководства к панарабскому движению было довольно скептическим. Возможность воплощения панарабского проекта ставилось под сомнение. Кроме того, сотрудники БВО НКВД отмечали крайне слабое влияние идеологии панарабизма на широкие слои населения. Но основной причиной внешне сдержанного, внутренне – негативного отношения Москвы к панарабскому движению был его проанглийский и, по оценкам НКВД, даже антисоветский характер. Отношение советских верхов к сионистам было в рассматриваемый период не столь однозначным. Хотя в годы войны Кремль не изменил своего отрицательного отношения к идеологии сионизма, практические успехи еврейской колонизации «земли обетованной» и, главное, решительный настрой еврейской Палестины на борьбу за национальную независимость как с арабами, так и с англичанами, подвигли сталинское руководство к переоценке региональной роли «еврейского национального очага» в духе Realpolitik.

Далеко не все сионистские партии мечтали о тесной дружбе будущего еврейского государства с СССР. Просоветский настрой был характерен для

идеологически мотивированных активных участников развернувшегося в годы войны в «еврейском национальном очаге» движения солидарности с Советским Союзом. Основой дружественных отношений СССР и еврейской Палестины, по мнению сионистской левой, должны были стать тесные связи советского и палестинского еврейства. Однако такая радикальная установка не являлась ведущей даже в сионистской левой, более того, она отвергалась сталинским руководством как нацеленная на вовлечение советских евреев в сионистский проект. Собственно, последнее обстоятельство являлось главным камнем преткновения в отношении Москвы к сионистскому движению. Настойчивые просьбы ЕА о направлении ее представителей в Советский Союз, оговорки о том, что «в отношении российских евреев вопрос об эмиграции пока не встает», свидетельствовали о том, что сионисты будут и впредь, а в случае создания еврейского государства, очевидно, и с большей силой, добиваться установления связей с советскими евреями. Вместе с тем, начиная с середины 1944 г., борьба сионистов за «землю обетованную» стала учитываться сталинским руководством при определении курса советской ближневосточной политики как один из важнейших параметров развития ситуации в регионе.

В целом, сталинское руководство не считало самостоятельными политическими силами ни панарабистов, ни сионистов. Тот факт, что как представители арабских кругов, так и сионисты уверяли советских дипломатов в том, что англичане «подыгрывают» их противникам, еще более утверждал Москву в уверенности – те и другие по большей части являются лишь пешками в традиционной британской игре «разделяй и властвуй». Сионисты заинтересовали Кремль как наиболее последовательные борцы против мандатного режима, однако было бы преувеличением полагать, будто бы Сталин видел в них своих союзников.

Передача Великобританией палестинского вопроса в ООН представила СССР, по выражению известного дипломата и ученого-международника, советника БВО МИД Б.Е. Штейна, «возможность не только высказать свою

точку зрения по вопросу о Палестине, но и принять эффективное участие в судьбе Палестины». Первоначально сталинским руководством рассматривался предложенный Литвиновым проект установления над Палестиной коллективной опеке великих держав с участием СССР как первый шаг на пути к предоставлению стране независимости. Попытки Великобритании и США решить палестинский вопрос в «обход» ООН способствовали активизации советской ближневосточной политики. В феврале–апреле 1947 г. МИД СССР вплотную приступил к выработке позиции по палестинскому вопросу. Все вовлеченные в данный процесс специалисты и высшие руководители советского внешнеполитического ведомства сходились во мнении о необходимости упразднения мандата Великобритании на Палестину и немедленного вывода из страны всех английских войск «в целях создания там нормального положения». Уже в марте 1947 г. МИД СССР отказался от идеи установления коллективной опеки над Палестиной великих держав или ООН как средства приуготовления страны к независимости. Тогда же БВО МИД однозначно высказался за создание «единой независимой и демократической Палестины, обеспечивающей равные национальные и демократические права народам, ее населяющим».

Весной 1947 г. в МИД СССР считали, и это необходимо особо подчеркнуть, что в сложившейся ситуации раздел Палестины неизбежно стал бы ее разделом фактически на сферы влияния: английскую (арабская Палестина) и американскую (еврейская Палестина). Поэтому Москва ратовала в это время за «единую демократическую Палестину», условия для создания которой должна была подготовить ООН, а не какие-либо комиссии, комитеты или конференции под эгидой Великобритании и США.

Важным пунктом позиции Советского Союза был тезис о невозможности решения еврейского вопроса в Западной Европе только посредством иммиграции евреев в Палестину, «так как только полное уничтожение всех корней фашизма и демократизация стран Западной Европы сможет дать еврейским массам нормальные условия жизни». Вместе с тем в первые послевоен-

ные годы сталинское руководство осознало всю остроту еврейского вопроса в отошедших в зону его интересов странах Восточной Европы. Антисемитские настроения были широко распространены здесь с конца XIX–начала XX вв. За годы войны под воздействием нацистской пропаганды антисемитизм проник глубоко в сознание людей. Поэтому летом–осенью 1946 г. советское командование в странах Центрально-Восточной Европы не препятствовало «исходу» из них евреев. Таким образом, СССР отрицал для стран Западной Европы тот вариант решения еврейского вопроса, который фактически уже был реализован в странах Центрально-Восточной Европы с его согласия.

Вне всякого сомнения, приоритетом советской внешней политики в рассматриваемый период были европейские дела. Неурегулированность еврейского вопроса грозила Кремлю дополнительными сложностями в решении и без того непростых задач по укреплению позиций просоветских сил в странах «народной демократии». В этой ситуации «исход» евреев из Восточной Европы представлялся сталинскому руководству оптимальным вариантом решения проблемы. Думается, что именно поэтому сталинское руководство «согласилось» с аргументами СО в пользу переселения восточноевропейских евреев в Палестину.

Советская позиция по вопросу Палестины была изложена на пленарном заседании Первой специальной сессии ГА ООН 14 мая 1947 г. постоянным представителем СССР при ООН А.А. Громыко, который назвал два возможных, с его точки зрения, варианта «будущего устройства Палестины и решения еврейского народа»: во-первых, «создание единого арабско-еврейского государства с равными правами для евреев и арабов», и, во-вторых, «раздел Палестины на два самостоятельных независимых государства: еврейское и арабское... [но] только в том случае, если бы оказалось, что невозможно обеспечить мирное сосуществование арабов и евреев».

Советский демарш в ООН укрепил позиции СО и лишил арабскую сторону надежды на поддержку Москвы по вопросу Палестины. И, хотя совет-

ские дипломаты неоднократно заявляли в дальнейшем, что раздел Палестины на еврейское и арабское государства не ущемляет интересов арабов, конфликт СССР с арабским миром был очевиден.

В то время, когда официально Москва ратовала за «независимую единую демократическую Палестину», в узком кремлевском кругу уже было принято решение поддержать выдвигающийся сионистами план раздела Палестины, однако таким образом, чтобы, выражаясь словами В.М. Молотова, «не брать на себя инициативу по созданию еврейского государства». Следуя данной установке, советская делегация в ООН способствовала реализации сионистских планов посредством поддержки соответствующих им инициатив, выдвигаемых другими странами. Однако, роль СССР в продвижении плана раздела Палестины была вполне очевидна всем членам ООН. Советский Союз поддержал принятие ГА ООН Резолюции 181 (II) о разделе Палестины на неназванное «Арабское государство» и неназванное «Еврейское государство».

В апреле 1948 г. в ходе обсуждения палестинского вопроса в Совете Безопасности, действуя в соответствии с прямыми указаниями Сталина – Молотова, Громыко отверг предложение США об установлении опеки над Палестиной как меру, которая «не соответствует интересам населения Палестины и не способствует поддержанию международного мира» – последнее препятствие на пути создания «Еврейского государства». Таким образом Советский Союз подтвердил свою приверженность решению ГА ООН о разделе Палестины.

Как видно, в период 1944–1948 гг. советская политика в палестинском вопросе совершила крутой поворот: с позиции, требующей установления над Палестиной коллективной опеки великих держав с участием СССР, советская дипломатия перешла к поддержке плана раздела Палестины, внося, таким образом, существенный вклад в создание Государства Израиль.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные материалы

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)

Ф.06. Секретариат Молотова. Оп.2. Д.229; Оп. 4. Д. 67; Оп.6. Д.145.

Ф. 0512. Комиссия Литвинова по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства. Палестинский вопрос. 1945 г. Оп.1. Д.37; Оп.7. Д.77.

Ф.47. Референтура ООН. Оп.1. Д.245; Оп.2. Д.28; Оп.3. Д.30.

Ф.118. МИД БВО. Референтура по Палестине. 1946 г. Оп.1. Д.8, 10; Оп.2. Д.4; Оп.8. Д. 1, 2.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

Ф. 8114. Еврейский антифашистский комитет. Оп.1. Д.899.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

Ф. 17. Центральный комитет РСДРП – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС (1898, 1903–1991 гг.). Оп. 117. Д. 158; Оп. 125. Д. 35, 106, 159, 246; Оп. 128. Д.76, 388, 821

Ф. 71. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ) (1931-1991). Оп. 10. Д. 327.

Ф. 82. Молотов Вячеслав Михайлович (1890–1986 гг.). Оп. 2. Д. 1195, 1307, 1308.

Ф. 495. Исполком Коминтерна. Оп. 14. Д. 367; Оп. 74. Д. 423.

Ф. 532. Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) (1921–1938 гг.). Оп. 2. Д. 78; Оп. 4. Д. 12, 13.

Публикации документов и материалов

1. Агрессия. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации 1939 – 1941 / Сост. Л.Ф. Соцков. М.: РИПОЛ классик, 2011. 576 с.

2. Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт / Под ред. О.А. Колобова. В 2-х т. Т. II. Документы. Н. Новгород: ИСИ ННГУ, 2008. 538 с.
3. Ближневосточный конфликт: Из документов архива внешней политики РФ. 1947–1967. В 2 т. Том 1: 1947–1956 / Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: МФД, 2003. 608 с.
4. Документы внешней политики СССР. Т. XXII–XXIII. М.: Международные отношения, 1992 – 1998.
5. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. М., 1973. С. 208.
6. Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941-1948: Документированная история / Сост.: Альтман И.А. и др.; Отв. ред.: Редлих Ш.; Науч. ред.: Костырченко Г.; Редкол.: Андерсон К.М. и др.; Гос. архивная служба РФ и др. М.: Международные отношения, 1996. 423 с.
7. Еврейский народ против фашизма. Материалы III Антифашистского митинга представителей еврейского народа и III пленума Антифашистского Еврейского Комитета М.: Дер Эмес, 1945. 151 с.
8. Еврейство Палестины – народам СССР. Сборник Лиги «V». Иерусалим – Тель-Авив: Палестинская Лига «Ви» помощи Советскому Союзу, 1943. 110 с.
9. Неправедный суд. Последний сталинский расстрел (стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета). М.: Наука, 1994. 399 с.
10. ООН. Палестинская проблема. Документы ООН, международных организаций и конференций. М.: Прогресс, 1984. 240 с.
11. Репрессии против поляков и польских граждан / Исторические сборники "Мемориала". Вып. 1. М.: Звенья, 1997. 256 с.
12. Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной

- войны, 1941–1945 гг. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941г. – ноябрь 1945 г.). М.: Политиздат, 1986.
13. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М.: Терра, 1995. 245 с.
14. Советско-израильские отношения: Сборник документов. Т. I: 1945–1953: в 2 кн. Кн. 1: 1941–мая 1949 / Министерство иностранных дел Российской Федерации; министерство иностранных дел Государства Израиль. М.: Международные отношения, 2000. 560 с.
15. Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Сборник документов и материалов. Иерусалим: Яд ва-Шем, 1991. 424 с.
16. British Government. Report of the Anglo-American Committee of Enquiry. Cmd. 6808 (1946).
17. British Government. The Political History of Palestine under the British Administration, (Memorandum to the United Nations Special Committee on Palestine). Jerusalem, 1947. 40 p.
18. Documents on British Foreign Policy 1919-1939. First series. Vol. 1. Ed. by E.L. Woodward and Cohan Butler. L.: Her Majesty's Stationery Office, 1952.
19. Great Britain and Palestine. 1915–1945. Information Papers № 20. L., N.Y.: Royal Institute of International Affairs, 1946. 177 p.
20. Great Britain. Colonial Office. Palestine. Statement by His Majesty's Government in the United Kingdom. London, November 1938. Cmd. 5893.
21. Gregory S. Mahler; Alden R.W. Mahler. The Arab-Israeli Conflict An Introduction and Documentary Reader. L., N.Y.: Routledge, 2010. 302 p.
22. House of Commons. Deb 23 May 1939. Vol. 347. Col. 2129 – 2197.
23. Palestine Statement of Policy Presented by the Secretary of State for the Colonies to Parliament by Command of His Majesty. May 1939. L.: His Majesty Stationery Office, 1939. P. 2–12.
24. Palestine: A Review of Commercial Conditions. L.: UK Department of Overseas Trade, 1945. 48 p.

25. Proceedings of the Intergovernmental Committee. Evian, 6-15 July 1938. Record of the Plenary Meeting of the Committee Resolutions and Reports. L.: His Majesty Stationary Office, 1938. 242 p.
26. Report of the Palestine Royal commission. Summary of Report. Distributed at the request of the United Kingdom Government. Geneva: Series of League of Nations Publications. VI. A. Mandates 1937. 32 p.
27. Smith Charles D. Palestine and the Arab Israeli Conflict: A History With Documents. Boston, N.Y.: Bedford/St. Martin's Press, 2007. 624 p.
28. The Political Documents of the Jewish Agency. Jerusalem: House of the World Zionist Organization. V. 1. May 1945-December 1946. V. 2. January-November 1947.
29. The Political History of Palestine under British Administration (Memoranda by His Majesty's Government Presented in July, 1947 to the United Nations Special Committee on Palestine). Jerusalem, 1947. 40 p.
30. Z archiwow sowieckich. T. 2. Armia Polska w ZSSR, 1941-1942. Warszawa, 1992

Документы и материалы международных организаций

Организация Объединенных Наций

1. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Третья сессия. Дополнение №2 (A/620). Нью-Йорк, 1948.
2. Объединенные Нации. Официальные отчеты Второй сессии ГА. Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины. Доклад Генеральной Ассамблее. Т. I. Нью-Йорк, 1947
3. Объединенные нации. Официальные отчеты Второй сессии Генеральной Ассамблеи. Дополнение № 11. Специальная комиссия Организации Объединенных наций по вопросам Палестины. Доклад Генеральной ассамблее. Т. I. Нью-Йорк, 1947.

4. Объединенные Нации. Официальные отчеты второй сессии Генеральной Ассамблеи. Т. III. Специальная комиссия ООН по вопросам Палестины. Приложение А. Устные показания, данные на открытых заседаниях. Дополнение № 11. Нью-Йорк, 1947. 68 с.
5. Объединенные Нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Вторая сессия. Пленарные заседания 13 ноября – 29 ноября 1947 года. Т. II. Нью-Йорк, 1947
6. Объединенные Нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. Первая часть третьей сессии. Пленарные заседания 21 сентября – 12 декабря 1948 года. Париж, 1948
7. Объединенные Нации. Официальный отчет Первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи. Т. I. Пленарные заседания Генеральной Ассамблеи. Стенографический отчет 28 апреля – 15 мая 1947 года. Нью-Йорк, 1947
8. Объединенные Нации. Совет Безопасности. Официальный отчет. Третий год. 309-е и 310-е заседание. 29 мая 1948 г. № 77. Нью-Йорк, 1948
9. Объединенные Нации. Специальная (Ad Hoc) комиссия по вопросам Палестины. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Вторая сессия. Краткие отчеты заседаний 25 сентября – 25 ноября 1947 года. Нью-Йорк, 1947
10. Объединенные Нации. Специальная (Ad Hoc) комиссия по вопросам Палестины. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Вторая сессия. Пленарные заседания. Т. II. 124-е заседание. Нью-Йорк, 1947
11. ООН. Истоки и история Проблемы Палестины. 1917-1988. Нью-Йорк: ООН, 1990. 282 с.
12. ООН. Палестинский вопрос. Краткий исторический очерк. Нью-Йорк: ООН, 1981. 29с.
13. Объединенные Нации. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, первая специальная сессия, пленарные заседания. General Series, документ A/287-A/291. Генеральный комитет. Том II. 29-е заседание.

14. ООН. Истоки и история проблемы Палестины. Часть 1. 1917 – 1947. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.un.org/russian/peace/palestine/book/02-4.shtml>.
15. Объединенные Нации. Доклад Совета Безопасности за период с 16 июля 1947 г. по 15 июля 1948 г. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. Третья сессия. Дополнение №2 (А/620). Нью-Йорк, 1948.

Лига арабских государств

1. The Alexandria Protocol. October 7, 1944 // Basic documents of the League of Arab States. N.Y.: Arab Information Center, 1955. P. 5-7.

Сионистская Организация

1. Basle Program // Encyclopedia of Zionism and Israel. Vol. 1. Patai, Raphael (ed.). N.Y.: The Herzl Press, 1971.
2. Biltmore Declaration // Jewish Post-war Problems. American Jewish Committee. Research Institute on Peace and Post-War Problems. Indiana, 1943. P. 61

Воспоминания

1. Аллон И. Щит Давида. Иерусалим: Библиотека алия, 1990. 294 с.
2. Бегин М. В белые ночи. Иерусалим – М.: Гешарим, 1991. 334 с.
3. Бурцев М.И. Борьба за прозрение // Новая и новейшая история. 1979. № 4. С. 71–91.
4. Герчиков М. Пути-дороги... // Еврейская старина. 2006. № 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer9/Gerchikov1.htm>
5. Жуков Г К. Воспоминания и размышления. В 2 т. М.: Олма-Пресс, 2002.
6. Кузнецов Н.Г. Накануне: Курсом к победе. М., 1991.
7. Майский И.М. Воспоминания советского дипломата, 1925-1945 гг. Ташкент: Узбекистан, 1980. 672 с.

8. Меир Голда. Моя жизнь. Чимкент, 1997.
9. Мерецков К.А. На службе народу. М.: Политиздат, 1968.
10. Мы начинали еще в России. Иерусалим, 1990.
11. Новиков Н.В. Воспоминания дипломата: (Записки о 1938–1947 годах). М.: Политиздат, 1989. 399 с.
12. Риббентроп И. Мемуары нацистского дипломата. Смоленск, 1998
13. Сазонов С.Д. Воспоминания. Мн.: Харвест, 2002. 368 с.
14. Самуил Микунис. Прозрение. Из воспоминаний бывшего генерального секретаря коммунистической партии Израиля // Время и мы. 1979. №48.
15. Сто сорок бесед с Молотовым: из дневника Ф. Чуева. М.: Терра, 1991.
16. Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930-1950 гг. М., 1998.
17. Треппер Л. Большая игра. М.: Политиздат, 1990.
18. Филиппов И.Ф. Записки о «Третьем рейхе». М.: Международные отношения, 1970.
19. Цирюльников С. Исповедь на пепелище. Из воспоминаний бывшего секретаря Общества советско-израильской дружбы // Время и мы. 1979. № 42.
20. Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1989.
21. Weizmann Chaim. Trial and Error. The Autobiography of Chaim Weizmann. N.Y.: Harper & Brothers, 1949. 493 p.

Исследования

Монографии и статьи

1. Авинери Ш. Основные направления в еврейской политической мысли. Пер. с иврита А. Гинзай, ред. И. Лещинский. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1990. 320 с.

2. Арарат Нисан. Еврейство и сионизм: лекции по истории народа Израиля и государства Израиль. Иерусалим: Издательство «Амана», 1992. 192 с.
3. Аронсон Г.Я. Еврейский вопрос в эпоху Сталина // Книга о русском еврействе: 1917-1967. Иерусалим-М.-Мн., 2002. С. 142-169.
4. Атиас Ж.-К., Бенбасса Э. Вымышленный Израиль. М.: Издательство «Лори», 2002. 395 с.
5. Балашов Ю.А. Некоторые особенности ближневосточной политики Коминтерна на Ближнем Востоке в 1920-е–30-е гг. // Запад и Восток: традиции, взаимодействие, новации. Материалы международной конференции. Владимир: Изд-во ВГПУ, 2000. С. 157–160.
6. Бар-Зохар М. Бен-Гурион. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. 512 с.
7. Баталден, Стефен К. Судьба русского землевладения в Иерусалиме во время Палестинского мандата // Палестинский сборник. Вып. 31 (94). М., 1992. С.25–31.
8. Батыгина Г.С., Девятко И.Ф. Еврейский вопрос: хроника сороковых годов // Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 1. С. 61-72; № 2. С. 143-151.
9. Батюк В., Евстафьев Д. Первые заморозки. Советско-американские отношения в 1945-1950 гг. М.: РНФ, 1995. 253 с.
10. Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1987. 616 с.
11. Ближневосточная политика великих держав и арабо-израильский конфликт. В 2 тт. Т.1. Закономерности и особенности. Нижний Новгород: Институт стратегических исследований ННГУ, 2008. 612 с.
12. Блюм А.В. Еврейский вопрос под советской цензурой, 1917–1991. СПб.: Петербургский еврейский университет, 1996. 185 с.
13. Бугай Н.Ф. 20-50-е годы: Переселения и депортация еврейского населения СССР // Отечественная история. 1993. № 4. С. 175-185.
14. Вайсерман Д. Биробиджан: мечты и трагедия: история ЕАО в судьбах и документах. Хабаровск: РИОТИП, 1999. 512 с.

15. Валиахметова Г.Н. Ирак в нефтяной политике Великобритании в годы Второй мировой войны // Вопросы истории. 2009. №10. С.112-126.
16. Васильев А. Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Наука, 1993. 355 с.
17. Вишлѐв О.В. Накануне 22 июня 1941 года. М.: Наука, 2001. 230 с.
18. Гасратян С.М. Религиозные партии Государства Израиль. М.: ИИиБВ, 1996. 193 с.
19. Гвати Х. Киббуц: так мы живем. СПб.: Роспринт, 1992. 256 с.
20. Генин И.А. Палестинская проблема. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральной лектории Общества в Москве. М.: Издательство «Правда», 1948. 30 с.
21. Гилберт М. Черчилль и евреи. М.-Иерусалим: Мосты культуры – Гешарим, 2010. 400 с.
22. Горелик М. Израиль был создан одной левой // Новое время. 1997. № 6. С. 35-37.
23. Горелик М. Роковая ошибка Сталина // Новое время. 1998. №18-19. С. 38-40.
24. Готовцев А. Важнейшие операции на ближневосточном театре в 1914 – 1918 гг. М., 1941. 25 с.
25. Данилов А.А., Пыжиков А.В. Рождение сверхдержавы: 1945–1953 гг. М.: Олма-Пресс, 2002. 320 с.
26. Дашкевич А.В. Некоторые аспекты деятельности Израиля и еврейских политических организаций в ООН // Ближневосточный конфликт в свете документов Национального архива США (1947–1949 гг.). С. 93–102
27. Демченко А.В. Палестинская проблема в политике Иордании: 1947–1967. М.: КРАСАНД, 2009. 208 с.
28. Дискуссия по книге Амнона Рубинштейна «От Герцля до Рабина и дальше. Сто лет сионизма» // Проблемы существования в диаспоре. Презентация и обсуждение книги А. Рубинштейна «От Герцля до

- Рабина и дальше. Сто лет сионизма»: Материалы семинара, Москва, 21-23 апреля 2000 г. Мн.: NET, 2001. 256 с.
29. Драбкин Я.С. Идея мировой революции и ее трансформации // Социальные трансформации в Европе XX века. М., 1998. С.54–55.
 30. Зива Галили. Советский опыт сионизма: экспорт советской политической культуры в Палестину // Ad Imperio. 2003. №4. С.329 – 376.
 31. Исаев Л.М. Лига арабских государств: история создания // Восток. 2011. №3. С.87–94.
 32. История Востока. Т. 5: Восток в новейшее время 1914–1945 гг. М.: Восточная литература, 2006. 717 с.
 33. История еврейского народа / Под. ред. Ш. Эттингера. М.: Мосты культуры-Иерусалим: Гешарим, 2001. 688 с.
 34. Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Международные отношения, 2000. 592 с.
 35. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М.: Прогресс–традиция, 2000. 344 с.
 36. Карасова Т.А. Политическая история Израиля: Блок Ликуд: прошлое и настоящее. М.: Наталис, Институт востоковедения РАН, 2009. 528 с.
 37. Кац Ш. Одинокий волк. Жизнь З. Жаботинского. Тель-Авив: Иврус, 2000. 674 с.
 38. Киселев В.И. Палестинская проблема в международных отношениях: региональный аспект. М.: Наука, 1988. 240 с.
 39. Колобов О.А. Государственный департамент США и проблема Палестины в 1917-1949 гг. // Механизм формирования и осуществления внешней политики империалистических государств в XX в. Горький, 1988. С. 5-14.
 40. Косач Г.Г. Арабский национализм или арабские национализмы: доктрина, этноним, варианты дискурса // Тишков В.А., Шнирельман

- В.А. (отв. редакторы). Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007. С. 259-331.
41. Косач Г.Г. Красный флаг над Ближним Востоком? Компартии Египта, Палестины, Сирии и Ливана в 20 - 30-е годы. М.: Институт стран Азии и Африки МГУ, 2001. 420 с.
 42. Косач Г.Г. Приоритеты «класса» и приоритеты нации: палестинские коммунисты 1920х-1930х гг. Казань: Intelpress+, 2011. 280 с.
 43. Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: РОССПЭН, Фонд Андрея Первозванного, 2009. 415 с.
 44. Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М.: Международные отношения, 2001. 784 с.
 45. Крылов А.В. Малоизвестные факты о связях сионистов с нацистами // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 1989. № 1. С. 21-28.
 46. Кудрявцев А.В. Исламский мир и палестинская проблема. М.: Международные отношения, 1990. 212 с.
 47. Кузнецов Д. В. Проблемы Ближнего Востока и общественное мнение: в 2-х частях. Часть I: Арабо-израильский конфликт. Благовещенск: БГПУ, 2009. 805 с.
 48. Куманев Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 гг. // Новая и новейшая история. 2006. №6. С. 7–27.
 49. Лазарев Н.С. Вторая мировая война и страны Ближнего Востока // Международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке после второй мировой войны. М., 1974. С. 32-51.
 50. Лакер В. История сионизма. М.: Крон-пресс, 2000. 848 с.
 51. Ласкина Е.Г. Обсуждение вопроса создания «еврейского национально-го очага» в еврейской общине США (май 1939-август 1943) // Динамика арабо-израильского конфликта. Материалы научной конференции / Под ред. О.А. Колобова. Нижний Новгород, 1991. С. 8-13.

52. Лисовой, Н.Н. Русское присутствие в Святой Земле: учреждения, люди, наследие // Отечественная история. 2003 г. № 2. С. 19–37, № 3. С. 84–103.
53. Луцкий В.Б. Английский и американский империализм на Ближнем Востоке. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве. М.: Правда, 1948. 32 с.
54. Луцкий В.Б. Английский и американский империализм на Ближнем и Среднем Востоке. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве. М.: Правда, 1948. 32 с.
55. Луцкий В.Б. Арабские страны. М.: Воениздат, 1947. 136 с.
56. Луцкий В.Б. Лига арабских государств. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 5 марта 1946 г. в Лекционном зале в Москве. М.: Правда, 1946. 28 с.
57. Луцкий В.Б. Палестинская проблема. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 9 августа 1946 г. в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького в Москве. М.: Правда, 1946. 31 с.
58. Луцкий В.Б. Провал фашистских планов в Африке и на Ближнем Востоке. Ташкент: Госиздат УзССР, 1943. 106 с.
59. Люкс Л. Еврейский вопрос в политике Сталина // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 41 – 59.
60. Минаев В. Подрывная деятельность германского фашизма на Ближнем Востоке. М.: ОГИЗ – Государственное издательство политической литературы, 1942. 52 с.
61. Могильнер М. «Еврейская раса» в стране советов // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). С. 179–190.
62. Нежинский Л. Н. От плацдарма мировой революции к становлению сверхдержавы // Россия: государственные приоритеты и национальные интересы. М.: РОССПЭН, 2000. С. 297–327.
63. Носач О.В. Позиция США по вопросу создания Государства Израиль // США – Канада. 2009. № 4. С. 75–76.

64. Носенко В.И. Характер и этапы советско-израильских отношений (1948–1990) // СССР и третий мир: новый взгляд на внешнеполитические проблемы. М., 1991. С. 65–104.
65. Оганесян Н.О. Политика империалистических держав на Арабском Востоке в годы второй мировой войны. Ереван: АН АрмССР, 1980. 264 с.
66. Оксанин А. К вопросу о палестинской проблеме // Проблемы экономики и истории стран Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1966. С. 166 – 180.
67. Осипова П.А. Из истории английского управления Палестиной (1919-1939) // Вопросы истории. 1948. № 12. С. 67-88.
68. Пайпс Р. Россия при большевиках. М.: РОССПЭН, 1997. 670 с.
69. Пелипась М.Я. Скованные одной цепью: США и Великобритания на Ближнем и Среднем Востоке в 1945–1956 гг. Томск: ТГУ, 2003. 363 с.
70. Потемкина М.Н. Эвакуация и национальные отношения в советском тылу в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2002. №3.
71. Пырлин Е.Д. 100 лет противоборства. Генезис, эволюция, современное состояние и перспективы решения палестинской проблемы. М.: РОССПЭН, 2001. 480 с.
72. Рабинович Я.И. В поисках судьбы. Еврейский народ в круговороте истории. В 3 кн. Кн. 2. М.: Международные отношения, 2002. 576 с.
73. Рубинштейн Амнон. От Герцля до Рабина и дальше. Сто лет сионизма / Под ред. Ф. Дектора: Пер. с иврита. Мн., 2002. 400 с.
74. Рубцов Ю.В. Мехлис. Тень вождя. М.: Эксмо, Яуза, 2007. 512 с.
75. Саид А. Великое арабское восстание. М.: [б.и.], 1940. 160 с.
76. Саид А. Восстания арабов в XX веке. М.: Прогресс, 1964. 347 с.
77. Сакер Говард М. История Израиля. От возникновения сионизма до создания Государства Израиль. Т.1. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1994. 352 с.

78. Семенченко Н.А. «Лига V» и ее деятельность в 40-е годы XX века (Из истории контактов между Советским Союзом и палестинским ишувом) // Государство Израиль: политика, экономика, общество. Сборник статей. М.: Институт востоковедения РАН, 2006. С. 98–111.
79. Сидоров М. Первые годы. Отношения между СССР и Израилем в конце 40-х–начале 50-х годов» // Нева. 1991. №10. С.156–165
80. Сеницын Ф.Л. Проблема национального и интернационального в национальной политике и пропаганде в СССР в 1944–первой половине 1945 года // Российская история. 2009. № 6. С. 40-53
81. Сиполс В. Великая Победа и дипломатия. 1941-1945. М.: Новина, 2000. 382 с.
82. Слуцкий И. Хагана – еврейская боевая организация в Эрец-Исраэль. В 2 кн. Кн. 1. Иерусалим: Библиотека – Алия, 1978. 395 с. Кн. 2. Иерусалим: Библиотека – Алия, 1978. 469 с.
83. Соколов Д. Палестинская трагедия и истоки палестинского движения сопротивления (1917 – 1949 гг.) // Палестинский Сборник. Вып. 26. Л.: Наука, 1978. С. 3–21.
84. СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны / Отв. ред. В.В. Наумкин. М.: Институт востоковедения РАН, 2010. 459 с.
85. Стрижов Ю.И. Советский Союз внес весомый вклад в создание Государства Израиль // Азия и Африка сегодня. 1998. №5. С. 45–49.
86. Стрижов Ю.И. СССР и создание Государства Израиль // Международная жизнь. 1995. № 11/12. С. 94–97
87. Сулейманов Р.Р. Отечественная историография еврейского ишува в период британского мандата Палестины (1920-2000-е гг.) // Евразийские исследования. 2008. №2. С. 116 – 134.
88. Сэвэр Н. Как завязался «Палестинский узел» // Вопросы истории. 1980. №2. С. 183-188.

89. Такер Р. Сталин у власти. 1928-1941. История и личность. М.: Весь мир, 1997. 646 с.
90. Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879-1929. История и личность. М.: Прогресс, 1991. 728 с.
91. Тейлор А. Вторая мировая война // Вторая мировая война: два взгляда. М.: Мысль, 1995. 556 с.
92. Туганова О.Э. Политика США и Англии на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Международные отношения, 1960. 252 с.
93. Тума Э. Национально-освободительное движение и проблема арабского единства. М.: Наука, 1977. 432 с.
94. Федорченко А.В. Израиль: Проблемы экономического развития М.: Наука, 1990. 260 с.
95. Фейс Герберт. Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 590 с.
96. Френкель М.Ю. Африка и Ближний Восток в стратегии Германии в 1940-1942 гг. // Восток. 1995. № 1.
97. Хазан В.И. Пинхас Рутенберг: от террориста к сионисту (опыт идентификации человека, который делал историю). Т.2: В Палестине (1919-1942). М.: Мосты культуры, 2009. 490 с.
98. Хазанов М.Е. ООН и ближневосточный кризис. М.: Наука, 1983. 312 с.
99. Царевская Т.В. Крымская альтернатива Биробиджану и Палестине // Отечественная история. 1999. № 2. С. 121-125.
100. Цфасман А. Евреи Палестины и Советский Союз в годы Второй мировой войны // Материалы Восьмой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 1. М.: Пробел – 2000, 2001. С. 115–126.
101. Черчилль В. Мировой кризис / Пер. с англ.; с предисл. И. Минца. М.-Л.: Государственное военное издательство, 1932. 328 с.
102. Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 – июнь 1941 года. М.: Наука, 2008.

103. Шандра А.В. Проблема Палестины: британский след: Монография. Арзамас: АГПИ, 2009. 178 с.
104. Швейбиш С. Эвакуация и советские евреи в годы Катастрофы // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 2 (9). С. 36-55.
105. Шевелев Д.Л. Палестина в англо-арабской дипломатической игре в 1915 – 1939 гг. // Переписка Мак - Магона – Хусейна 1915 – 1916 гг. и вопрос о Палестине: Документы и материалы. М., 2008. С. 5–102.
106. Шехтман И.Б. Советская Россия, сионизм и Израиль // Книга о русском еврействе: 1917-1967. Иерусалим-М.-Мн., 2002. С. 325-353.
107. Широков Г.К. Экономические предпосылки заката Британской империи // Британская империя в XX веке. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 112-125
108. Штейн Б.Е. Итоги второй сессии Генеральной ассамблеи Организации объединенных наций. Стенограмма публичной лекции, прочитанной 6 января 1948 г. в Центральной лектории Общества в Москве. М.: Издательство «Правда», 1948. 24 с.
109. Штейн Б.Е. Самоопределение народов и проблема международной опеки (на первой сессии Генеральной ассамблеи Объединенных наций). Стенограмма публичной лекции, прочитанной 14 января 1947 г. в Лекционном зале в Москве. М.: Издательство «Правда», 1947. 32 с.
110. Штереншис М. История Государства Израиль. Герцлия: Исадрон, 2005. 720 с.
111. Щевелев С.С. Палестина под мандатом Великобритании (1920 – 1948). Симферополь: Таврия Плюс, 1999. 400 с.
112. Щетинов Ю.А. Режим личной власти Сталина: к истории формирования // Режим личной власти Сталина: к истории формирования. М., 1989. С. 43–45.
113. Эльдат И. Триумф и трагедия Менахема Бегина // <http://www.il4u.org.il/anto/fromer3.htm>

114. Эпштейн А. Возрождение еврейской государственности и неразрешенный «еврейский вопрос». Киев: Национальный университет «Киево-Могилянская Академия», 2011. 127 с.
115. Эпштейн А., Кожеуров С. Россия и Израиль: трудный путь навстречу. Иерусалим – Москва: Гешарим – Мосты культуры, 2011. 224 с.
116. Эпштейн А., Сулейманов Р. История и историография российско-израильских отношений // Израиль, Россия и мир: история и современность / Под ред. А.Д. Эпштейна и В.А. Кузьмина. Екатеринбург: Издательство Уральского государственного университета им. А.М. Горького - Открытый университет Израиля, 2008. С. 85–94.
117. Эпштейн Алек Д., Урицкий Михаил. Правление Британской империи в Палестине (1917–1948): между евреями и арабами // Космополис. Журнал мировой политики (Российская ассоциация международных исследований – МГИМО). 2005. №1(11). С. 98–109.
118. Яacobсон А.Я. Биробиджан и Палестина: попытка концептуального сопоставления // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность. Кн. 2. М. и др., 1997. С. 262–265.
119. Aaron S Klieman. The Rise of Israel. Giving substance to the Jewish national home, 1920 and beyond. New York, 1987.
120. Aharon Kellerman. Society and settlement: Jewish land of Israel in the twentieth century. N.Y.: SUNY Press, 1993. 321 p.
121. Altshuler M. Soviet Jery on the Eve of the Holocaust. A Social and Demographic Profile. Jerusalem, 1998. P. 9.
122. Andrews Fannie Fern Phillips. The Holy Land under mandate. Vol. 1. Boston, N.Y.: Houghton Mifflin, 1931. 361 p.
123. Antonius G. The Arab Awakening. The Story of the Arab National Movement. L.: Hamish Hamilton Puplisher, 1938. 471 p

124. Arie J. Kochavi. Indirect Pressure: Moscow and the End of the British Mandate in Palestine // *Israel Studies*. Vol. 10. № 1. Autumn/Winter 2004. Pp. 60-76.
125. Avigdor. The Labor Movement in Palestine // *Imprecorr*. Vol.3. №33. April, 19. 1923.
126. Baron S. Social and Religious History of the Jews. N.Y.-Philadelphia, 1952-1973.
127. Baron S. The Russian Jews Under Tsars and Soviets. N.Y., 1978.
128. Bauer Yehuda. From Diplomacy to Resistance. A History of Jewish Palestine. 1939–1945. N.Y.: Atheneum, 1973. 432 p.
129. Bein J. Was the Red Flag Relying there? Marxist Politics and the Arab-Israeli Conflict in Egypt and Israel 1948-1965. Los Angeles, 1990.
- 130.** Bentwich N. England and Palestine. L.: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co. Ltd., Broadway House Carter Lane, E.C., 1932. 360 p.
131. Bethell Nicholas. The Palestine Triangle: the Struggle Between the British, the Jews and the Arabs, 1935 – 48, L.: Andre Deutch, 1979. 384 p.
132. Bialer U. Between East and West: Israely`s Foreign Policy Orientation, 1948-1956. L., 1990.
133. Bickerton Ian J., Klausner Carla L. A history of the Arab-Israeli conflict. Upper Saddle River, N.J.: Pearson Prentice Hall, 2007.
134. Binyamin Pinkus, Jonathan Frankel. The Soviet Government and the Jews, 1948-1967: A Documented Study. Cambridge University Press, 1984. 612 p.
135. Binyamin Pinkus. Change and Continuity in Soviet Policy Towards Soviet Jewry and Israel, May-December 1948 // *Israel Studies*. Vol. 10. № 1. Spring 2005. Pp. 96-123.
136. Black E. The transfer agreement: The untold story of the secret agreement between the Third Reich and Jew Palestine. N. Y., 1984
137. Bockenheimer P. Struktur und Entwicklung ausgewhlter Kibbuzim in Israel. Gieen, 1978.

138. Bowyer J. Bell. *Terror out of Zion: the fight for Israeli independence 1929-1949*
139. Bunton P. Martin. *Colonial land policies in Palestine, 1917-1936*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 217 p.
140. Charters D.A. *The British Army and Jewish Insurgency in Palestine, 1945–1947*. N.Y.: St. Martin's Press, 1989.
141. Clark Victoria. *Allies for Armageddon: the rise of Christian Zionism*. New Haven: Yale University Press, 2007. 331 p.
142. Cohen M. *Zion and State. Nation, Class and the Shaping of Modern Israel*. N.Y., 1992.
143. Cohen M.J. *Palestine and Arab Federation 1938-1945*. N.Y., 1987.
144. Cohen M.J. *The Origins and Evolution of the Arab-Zionist Conflict*. Berkeley, Los Angeles, L.: University of California Press, 1987. 183 p.
145. Condoleezza Rice. *The Making of Soviet Strategy // Makers of Modern Strategy from Machiavelli to the Nuclear Age*. Edited by Peter Paret With Gordon A. Craig and Felix Gilbert. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1986. P.648–676
146. Dan Cohn-Sherbok, Dawoud el-Alami. *The Palestine-Israeli Conflict*. Oxford, 2001.
147. David Tal. *War in Palestine, 1948: strategy and diplomacy*. L., N.Y., 2004.
148. DiNardo R. L. *Germany and the Axis powers from coalition to collapse*. Lawrence: University Press of Kansas, 2005. 282 p.
149. Divine Donna Robinson. *Exiled in the Homeland: Zionism and the Return to Mandate Palestine*. Austin: University of Texas Press. 2009. 255 p.
150. Eliezer Shvaid. *The land of Israel: national home or land of destiny*. Fairleigh Dickinson Univ., 1985
151. Friedländer Saul, PfeifferDas Martin. *Dritte Reich und die Juden: Die Jahre der Vernichtung, 1939-1945*. München: C.H.Beck, 2006. P. 869 p.
152. Friedman Is. *Germany, Turkey and Zionizm, 1897–1918*. Oxford: Clarendon press, 1972. 461 p.

153. Gabriel Gorodetsky. The Soviet Union's Role in the Creation of the state of Israel // *The Journal of Israeli History*. Vol. 22. № 1. Spring 2003. P. 4-20.
154. Galnoor I. *The Partition of Palestine. Decision Crossroads in the Zionist Movement*. Albany, N.Y., 1995.
155. Garfinkle Adam M. *Politics and society in modern Israel: myths and realities*. Armonk, N.Y., M. E. Sharpe, 2000. 336 p.
156. Gilboa Y. A. *The Black Years of the Soviet Jewry, 1939-1953*. Boston, 1971.
157. Gilner E. *War and Hope. A History of Jewish Legion*. N.Y.: Herzl Press, 1969.
158. Gitelman Z. *Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union*. N.Y., 1988.
159. Gitelman Z. *Jewish Nationality and Soviet Politic. The Jewish Section of the CPSU 1917-1930*. Princeton, 1972.
160. Gorny J. *Zionism and the Arabs. 1882–1948: a Study of Ideology*. Oxford: Clarendon Press, 1987.
161. Grief Howard. *The Legal Foundation and Borders of Israel under International Law*. Jerusalem: Mazo Publishers, 2008. 660 p.
162. Grossman David. *Rural Arab Demography and Early Jewish Settlement in Palestine: Distribution and Population Density During the Late Ottoman and Early Mandate Periods*. New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers, 2010. 269 p.
163. Halpern Ben. *The Idea of the Jewish State*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1961. 492 p.
164. Haymson A. *Palestine Under the Mandate 1920-1948*. L.: Methuen, 1950. 210 p.
165. Hazony Y. *The Jewish State. The Struggle for Israel's Soul*. N.Y., 2000.
166. Heller J. *The Stern Gang: ideology, politics, and terror, 1940–1949*. L.: Frank Cass, 1995. 358 p.

167. Hen-Tov Jacob. *Communism and Zionism in Palestine: The Comintern and the Political Unrest in the 1920s*. Cambridge, MA: Schenkman Publishing Company, 1974.
168. Hopwood D. *Tales of Empire: the British in the Middle East*. L.: Tauris, 1989.
169. Horne Edward. *A Job Well Done: (Being a History of the Palestine Police Force 1920-1948)*. L.: Book Guild Ltd, 2003. 616 p.
170. Horowitz D. *State in the Making*. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1953. 349 p.
171. Horowitz D., Lissak M. *Origins of the Israeli: Palestine Under the Mandate*. Chicago: University of Chicago Press, 1978.
172. Hueber T., Voss K.-H. *This is Israel. Palestine Yesterday, Today and Tomorrow*. N.Y.: Philosophical library, 1956.
173. Jonathan R. Adelman. *The rise of Israel: a history of a revolutionary state*. L.: Routledge, 2008. 269 p.
174. Kagan, Gennadi E. *Der Prophet im Frack: Theodor Herzls russische Mission 1903*. Koln: Bohlau, 2003. 140 s.
175. Kats Yosef, Katz Yossi. *The battle for the land: the history of the Jewish National Fund (KKL) before the establishment of the State of Israel*. Jerusalem: Hebrew University Magnes Press, 2005. 412 p.
176. Kedourie E. *In the Anglo-Arab Labirinth. The Mc.Mahon–Hussayn Correspondence and its Interpretations 1914–1939*. Cambridge, 1976.
177. Kimche J. *The Unromantics: The Great Powers and the Balfour Declaration*. L.: Weidenfeld, 1968. 95 p.
178. Kimmerling B. *The Invention and the Decline of Israeliness. State, Society and the Military*. Berkeley, 2001.
179. Krammer A. *The Forgotten Friendship. Israel and the Soviet Bloc, 1947–1953*. Urbana: University of Illinois Press, 1974
180. Kuchenbecker A. *Zionismus ohne Zion. Birobidzan: Idee und Geschichte eines jdischen Staates in Sowjetisch-Fernost*. Berlin. Metropol, 2000. 272 s.
181. Kurzman D. *Ben-Gurion: Prophet of Fire*. N.Y., 1983.

182. Laqueur W. A History of Zionism. L.: Weidenfeld and Nicolson, 1972.
183. Lesch Ann M., Tschirgi Dan. Origins and development of the Arab-Israeli conflict. Westport: Greenwood Press, 1998.
184. Levin Nora. The Jews in the Soviet Union since 1917: paradox of survival N.Y.: NYU Press, 1990. 1013 p.
185. Linda Marie Saghi Aidan. Beliefs And Policymaking in the Middle East: Analysis of the Israeli-palestinian Conflict. Philadelphia: Xlibris Corporation, 2005. 331 p.
186. Lowdermilk Walter Clay. Palestine, land of promise. L.: V. Gollancz Ltd., 1944. 167 p.
187. Martin Gilbert. Exile and Return. The Emergence of Jewish Statehood. L.: Weidenfeld a. Nicolson, 1978. 364 c.
188. Michlic B. Joanna. Poland's threatening other: the image of the Jew from 1880 to the present. Lincoln: University of Nebraska Press, 2006. 386 p.
189. Morris Benny. 1948: a history of the first Arab-Israeli war. New Haven–L.: Yale University Press, 2008. 524 p.
190. Nicosia Francis R. Zionism and anti-semitism in Nazi Germany. N.Y.: Cambridge University Press, 2008. 344 p.
191. Nicosia R. Francis. The third Reich and the Palestine question. New Brunswick, New Jersey: Transaction Publishers, 2000. 319 p.
192. Ovendale R. Britain the United States and the End of the Palestine Mandate 1942–1948. Wolfeboro: The Boydell Press, 1989.
193. Pincus B. The Jews of the Soviet Union: The History of a National Minority. Cambridge, 1988.
194. Plessner Yakir. The political economy of Israel: from ideology to stagnation. Albany, NY: State University of New York Press, 1994. 328 p.
195. Quigley J. Palestine and Israel. A Challenge to Justice. Durham, L.: Duke University Press, 1990.
196. Redlich S. Propaganda and Nationalism in Wartime in Russia: The Jewish Anti-Fascist Committee in the USSR. 1941-1948. Boulder, 1982.

197. Reinharz Jehuda. Chaim Weizmann: The Making of a Zionist Leader. New York: Oxford University Press, 1985. 556 p.
198. Ro'i Y. Soviet Decision Making in Practice: The USSR and Israel, 1947–1954. New Brunswick, 1980
199. Sasson Sofer. Zionism and the foundations of Israeli diplomacy. N.Y.: Cambridge University Press, 1998. 449 p.
200. Segall R. Whose Jerusalem? Conflicts of Israel. L.: Cape, 1973.
201. Segev Tom, Watzman Haim. One Palestine, complete: Jews and Arabs under the British Mandate. New York, 2001.
202. Shenhav A. Yehouda. The Arab Jews: a postcolonial reading of nationalism, religion, and ethnicity. Stanford: Stanford University Press, 2006. 263 p.
203. Simon Rawidowicz, Benjamin C. I. Ravid. State of Israel, diaspora, and Jewish continuity: essays on the «ever-dying people». L., 1986
204. Taylor A.R. Prelude to Israel. A Analysis of Zionist Diplomacy, 1897–1947. L.: Darton, 1961.
205. Weinberg Robert. Stalin's Forgotten Zion: Birobidzhan and the Making of a Soviet Jewish Homeland: An Illustrated History, 1928-1996. Berkeley: University of California Press, 1998. 128 p.
206. Yuri Slezkine. The Jewish Century. Princeton: Princeton University Press, 2004. 438 p.

Справочные материалы

1. Барнави Э., Фридендер С. Евреи и XX век: аналитический словарь. М.: «Текст», «Лехаим», 2004. 1021 с.
2. Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М., 1985.
3. Государство Израиль: Справочник. М., 1986.
4. Демографический энциклопедический словарь / Гл. ред. Валентей Д.И. М.: Советская энциклопедия, 1985
5. Дипломатический словарь. М.: Госполитиздат, 1960.

6. Еврейская электронная энциклопедия. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.eleven.co.il/article/10140>
7. Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1976–2005.
8. Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов - жертв политического террора в советский период (1917-1991). Изд. подготовили Я. В. Васильков, М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с.
9. Милибанд С.Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов. В 2 кн. М.: Наука, 1995. 765 с.
10. Российская Еврейская Энциклопедия. М.: Российская академия естественных наук, Научный фонд «Еврейская энциклопедия», «Эпос». 1994 – 1997.
11. Encyclopedia of Zionism and Israel. Ed. By Raphael Patai. Herzl Press/Mc Graw-Hill, N.Y., 1971.
12. Philip Mattar. Encyclopedia of the Palestinians. Infobase Publishing, 2005. 684 p.
13. The New Encyclopaedia Britannica. Лондон – Чикаго, 2003.
14. The Universal Jewish Encyclopedia: in 10 volumes / Ed. by I. Landman etc. Sponsors edition. New York: The Universal Jewish Encyclopedia, Inc., [1941].

Список сокращений

АИЛ – антиимпериалистическая лига

ВЕК – Всемирный еврейский конгресс

ВОКС – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей

ВСНХ – Высший совет народного хозяйства при СНК СССР

ДВП СССР – Документы внешней политики СССР

ЕА – Еврейское Агентство (Сохнут)

ЕКО – Еврейское колонизационное общество

ЕНФ – Еврейский национальный фонд

ЕТА – Еврейское телеграфное агентство

КУТВ – Коммунистический университет трудящихся Востока им.И.В.

Сталина

НИИНКП – Научно-исследовательский институт по изучению национальных и колониальных проблем КУТВ

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел СССР

НКВТ – Народный комиссариат внешней торговли СССР

НКВД – Народный комиссариат по иностранным делам (с 1936 г. –

Народный комиссариат иностранных дел)

ПРФ – Палестинский рабочий фонд

ПЦ – Поалей Цион (Рабочие Сиона)

СО – Сионистская Организация

Cmd. – Command paper 1919 – 1956.

FRUS – Foreign Relations of the United States

HMSO – Her Majesty's Stationery Office

KKL (ивр. – Keren Kayemet LeYisrael) – Еврейский национальный фонд

SUMMARY

The idea of creation of a “national home for Jewish people” in Palestine emerged from the nationalist doctrine which was formed at about the turn of the 19th and 20th centuries. According to the key proposition of the nationalist doctrine, the cultural (considered as national) uniqueness of a nation is integrally connected with its independence (considered as state independence). The nationalist doctrine, conceptually framed in the Basel Programme of 1897, gave rise to the united international Zionist movement. During the World War I the idea of creation of a “national home for Jewish people” protected by the UK was supported by HM Government. The Balfour Declaration of November 2, 1917 was the first step towards the international legitimization of the Jewish national home in the “Promised land”. On April 25, 1920 during San-Remo Conference Entente Supreme Council confirmed the League of Nations mandate over Palestine and assigned it to Britain. So the “national home for Jewish people” in Palestine became legitimate.

The Soviet party and state leaders’ attitude to Zionism and its Palestinian project was influenced by both internal and external political environment. The determining factors at the domestic level were the interests to protect and strengthen the Soviet regime, national and state building and economic development of the country. Internationally most important was the security of Soviet state and normalization of relations with the West as part of “peaceful coexistence” doctrine. The latter allowed supporting revolutions and national liberation movements of “oppressed peoples” by the Soviet government, which became the ideological basis for developing a special branch of Soviet diplomacy –policy regarding the dependent states and colonies in the Middle East.

The idea of “world revolution” was the fundamental principle for the Soviet policy regarding the dependent states and colonies in 1917-1920s. The principles of Soviet policy regarding the dependent states and colonies in the Middle East included, (1) the right of nations to self-determination “in compliance with juridical consciousness of democracy in general and by the working class in particular”; (2)

struggle against colonialism being one of the main carriers of “universal capitalism” and an obstacle to progress; (3) support of national revolutionary movements of the Eastern peoples “integrally connected to the revolutionary struggle ... of Soviet republic against international imperialism”.

Soviet leaders referred to Middle Eastern countries as “liberating world” resisting the world of “European imperialist predators”. They discussed current situation in the Middle East and developed the regional policy within the bounds of “national” and “colonial” “questions” which were considered in close connection with each other. Moscow regarded the countries of East as “the main rear of imperialism” and the reserve for the “world revolution” to be thrown into the battle under slogans of national liberation, at the same time.

As British-Soviet relations improved and Moscow started the “new economic policy” (NEP), the Soviet policy regarding the dependent states and colonies in the Middle East transformed from its political phase, as Chicherin defined it, when “Soviet Republic and Eastern states fought for political independence against the global imperialism, their common enemy”, to the economic phase, when the USSR and Eastern countries aimed to cooperate in order to “develop their productive forces and win back or protect their economic independence”. Thus, the intention was to prevent less-developed countries from being economically enslaved by powerful states, and also to facilitate the rise of working class in Middle East, which later on would strengthen and play its part in world revolution.

The main provision of 1921 trade agreement between the UK and the USSR was the commitment of parties to abstain from “hostile action or undertakings against the other and from conducting outside of its own borders any official propaganda direct or indirect against the institutions of the British Empire or the Russian Soviet Republic respectively”. The Soviet government formally agreed with this provision; yet in practice Moscow never refrained from revolutionary propaganda or support of national revolutionary movements in the East – these activities only shifted to Comintern. The combination of two lines of Soviet policy – one carried out by the Peoples Commissariat of foreign affairs, the other by Comintern

– marked the Soviet foreign policy in the interwar period generally and its Middle Eastern aspect in particular.

In the 1920-30s the Jewish national home became involved in economic, trade, cultural, political and social Soviet policies regarding the dependent states and colonies in the Middle East. Booming economic growth in the Jewish national home in Palestine turned the latter into the most attractive country, in the eyes of Soviet government, for Soviet export trading associations and economic institutions to enter Middle Eastern market. RSFSR People's Commissariat for Foreign Trade, specifically its Constantinople trade mission, and the Middle Eastern section of Russian Eastern Chamber of Commerce pioneered the Soviet trade in Palestinian market. In 1923 All Russia Cooperative Society Limited (since 1922 Arcos Ltd.) opened its Agency in Palestine (Palestinian Arcos Agency, PAA), which undertook regular monitoring of Middle Eastern markets, establishing connections with local business community, British administration and representatives of the Jewish national home. As the USSR Commercial and Industrial Bank mission opened in Jaffa in 1926, banking connections were established between the USSR and the Jewish national home in Palestine. Finally, the establishment of Soviet merchant marine mission – the Main Agency of Soviet merchant marine in the Middle East, Jaffa office, – set up regular communication between the USSR and the Jewish national home in Palestine.

In April 1926 PAA was closed owing to a series of incidents with the British administration which seriously undermined the Soviet-Palestinian trade. In 1928, in order to concentrate all the Soviet trade associations' export and import work in Middle and Near East in a single operation centre, an export and import office for trade in Middle East (Blizhvosstorg) was opened, operating under the aegis of Soviet trade mission in Turkey. After a new Anglo-Soviet trade agreement was signed on April 16, 1930, Moscow resumed its economic and trade relations with the Jewish national home in Palestine. The most important part in the trade relations between the parties was played by Russian-Turkish export and import joint-stock company "Russoturk". Now the Soviet export included ferrous metals, cast

iron, steel products, and cotton. However, in the second half of 1930s the dramatic change of the political situation in Palestine caused by the Great Arab revolt” of the 1936-1939 and rise of import duties led to a decrease in trade between the USSR and the Jewish national home.

The main channel for cultural connections between the USSR and Palestine was the All-Union society for cultural connections with foreign countries (VOKS). VOKS worked under direct supervision of Peoples Commissariat of foreign affairs, and its Palestinian activities were also controlled by the Central Bureau of the Jewish section at Central Committee of the Russian/All-Union Communist party (Bolsheviks). In the view of Moscow, the most significant and effective area of VOKS’s work was obtaining scientific information from the Jewish national home research centres. Jewish scientists from Palestine sent their works to the Soviet colleagues and requested information from them through VOKS. VOKS meticulously meted out the Soviet scientists’ works and any social, political or statistical information about the USSR, at the same time putting great endeavour to get similar information from abroad for the Soviet economy.

It is important to keep in mind that the period of 1920-1930s was the time of state formation both for the USSR and the Jewish national home in Palestine. Each of them proposed its own project of building a “fair society” and forming a “new human” through “cutting-edge” social practice. A successful solution to the centuries old “Jewish question” had to prove the relevance of the ideological paradigm and the efficiency of the socio-economic and political system based upon it that finally removed the “Jewish question” from the agenda. In order to prove that the “Jewish question” could be solved justly only in a soviet socialist state, the Soviet government intended to secure integration of Jews in the “family of Soviet peoples” through providing the Jewish people with a national autonomy (the Crimea and then Birobidzhan projects) and thus giving them equal rights with other ethnic groups of the USSR. Soviet state and party leaders considered the main condition to putting these plans into life to be investments from foreign, uppermost Jewish, funds. In the late 1920s – early 1930s the “struggle for the Jewish soul”, as

Churchill wrote back in the 1920s meaning the Jewish people's choice between Zionism and Bolshivism, spread in full force.

Moscow represented the Soviet plans for territorial and national solution to the "Jewish question" as alternatives to Zionist project of colonization of Palestine. Jewish Autonomous Region in Birobidzhan was bluntly called a form of "Jewish national statehood" by the Soviet state and party leaders. In the 1920s Moscow suggested ZO a compromise in its own way: it was occasionally claimed in Soviet foreign policy statements that the USSR had solved the "Jewish question" as well as other national issues on the basis of Marxist-Leninist doctrine in the spirit of "all-round development of all nations and ethnic groups leading to their harmonization and mutual brotherly support", so the Zionist version of "Jewish question" solution was inapplicable in the USSR, whereas Moscow was ready to admit it as suitable for the capitalist countries. However, such competence allocation was absolutely unacceptable for ZO which espoused the idea of national unity for the world Jewry and, just as important, put their hopes on Russian Zionist movement for colonizing Palestine. In turn, Moscow did not accept Zionist groups: Central Committee of the Russian Communist party (Bolsheviks) waged a silent struggle against them, which resulted in suppression Zionism as a mass movement by the late 1920s.

Ever since the moment it was established, the Jewish national home in Palestine developed under constantly escalating conflict between the local Arab population and the Zionist settlers. "Purely Jewish industrial organizations" established in 1920-30s segregated the Jewish workers from Arab ones. In the 1930s it became possible to speak about two economic systems in Palestine – the Jewish and the Arabic. The strengthening of the "Jewish national centre" evoked the Arab response in the shape of sporadic armed anti-Jewish attacks which grew into an anti-British revolt of 1936 with demands for the national independence of Palestine and halt to the Jewish immigration. London political strategy consisted in maneuvering between the Zionists and the Arabs in order to hold the plenitude of power. In the first half of the 1930s London was trying to find a way out of the situation using

the concept of “common home” for the Jewish people and the Arab people, yet the British efforts were supported by neither of the opposing parties.

Palestine became a *de facto* binational country, with both peoples claiming their right for self-determination. “The Great Arab revolt” of the 1936-1939 triggered the failure of the Mandate system, if not the whole of it but at least the original model for it which had been established in the early 1920s.

At the end of 1938, the British government under Neville Chamberlain officially acknowledged the crisis of the Mandates System in Palestine. A call for a conference with the participation of the Palestinian Arabs' representatives, Arabic states, and the «national home for Jewish people» (as presented by the Jewish Agency for Palestine) was announced, in order to discuss future policies in regards to Palestine. Despite the actual failure of the conference, on May 17, 1939, the British government published its proposed plan for the solution of the Palestine problem, i.e., British White Paper of 1939. Formally, the Paper equally rejected both Jewish as well as Arabic claims to the proclamation of Palestine as their national state. At the same time, the British White Paper of 1939 contained a whole list of conditions (limitation of the Jewish immigration, ban on the land purchases made by Jews in several regions of the country, etc.), which demonstrated an abrupt turn of the British policies towards a partial satisfaction of the Palestinian Arabs' demands.

Although the British White Paper of 1939 did not receive international support by the League of Nations, the British government had been guided by its clauses up until the Mandate expired. The enactment of the British White Paper of 1939 marked the beginning of the most serious crisis in the history of the Jewish community of Palestine. The community leaders envisioned the resolution of such crisis through the creation of a Jewish state.

With the beginning of the World War II, the attention of the Soviet leadership to the situation in and around Palestine was defined, first and foremost, by the tasks of strategic planning of the Soviet foreign policy and the country's defense. Unlike the 1920s and 1930s (during which great attention was paid to the study of

«class struggle»), nowadays, in the spirit of *Realpolitik*, Palestine was seen by Moscow exclusively as the England's most important stronghold in the Middle East, one of the centers of the British Empire's naval and air communications, its largest oil terminal, and, respectively, as one of the possible targets of the German offensive.

Throughout the winter and spring of 1940, there appeared a whole range of publications in the Soviet press designed to attract the attention of the Axis countries to the «Anglo-French machinations in the Middle East," to explain their danger for Germany and to justify the strategic benefits of the German offensive in this area.

Moscow's calculations in this respect were evident: the Germany's attack (possibly together with Italy) on the Middle East was to eliminate the possibility of an Anglo-German pacification, to pull the German forces from Europe, and to tie them with grueling fighting in the Levantine sands.

The Kremlin was hoping that the Italy's campaign against Egypt (that started in September of 1940) on the one hand, and also by then apparent inability of the Germans to achieve superiority over the British at sea and in the air, on the other hand, will make Hitler shift the brunt of the fighting into the Middle East.

Indeed, in early 1941, the idea of striking a decisive blow to England in the Middle East is widespread in Berlin. The final plan, submitted to Hitler on November 4, 1940, was as follows. A shock tank group moves through Bulgaria and Istanbul at a lightning speed, passes to Anatolia, and from there seizes Syria and Palestine. In February 1941, Hitler made a decision to send German troops (named "the German Africa Corps") to Libya.

At the end of March, a German-Italian counteroffensive began in the North Africa. At this time Moscow considered a further increase of the German forces in the Middle East and its transformation into the main theater of war to be quite likely (the British cabinet was arriving at similar conclusions at this time as well.) Announced in April of 1941 (in connection with the pro-German coup in Baghdad), Berlin's calling for the "Arab national movement" to support the "liberation mis-

sion" of the Axis powers in the Middle and Near East seemed to confirm the expectations of Moscow. Among the Arabs Nazi propaganda devoted a special place to Palestine - the frontline of the Arabs' fighting with their and Germany's common enemy - the "world Jewry." However, the hopes of the Stalin's leadership that Hitler will abandon *Drang nach Osten* in favor of *Drang nach Orient* and get stuck in the war against England did not materialize. For Hitler, in contrast to the Orientalists at the German Foreign Ministry and at the Supreme Command of the Armed Forces, the primary goal was to crush the USSR.

Meanwhile, in the spring and summer of 1941, a thesis of the priority of the German interests in the Middle East was an important part of the Nazi intelligence operation for the disinformation of the Kremlin. By the beginning of May 1941, it became clear that it was only a sideshow of the great diplomatic game.

With the beginning of the Great Patriotic War, systemic negotiations began between Moscow on the one hand, and the leaders of the Zionist Organization and the Jewish Community of Palestine on the other. The initiative almost always came from the Zionists, as their main negotiator was the political department of the Jewish Agency for Palestine. As a rule, Zionist leaders' meetings with the Soviet diplomats took place with the participation of some major non-Zionist Jewish community organizations' representatives and sometimes Jewish religious leaders, that provided a certain "cover-up" for the negotiations.

Principles of conducting negotiations between the Zionist Organization and the Soviet representatives were formulated by the parties in July 1941. They included: 1) definition of the struggle against fascism as a common stand; 2) refusal to discuss issues related to the past claims of the parties to each other; and 3) the actual recognition of the competence of the Zionism's objectives and tasks in Palestine by the Soviet Union.

At the beginning of the war, Stalin leadership viewed the international Zionist movement, above all, as an effective channel of influence on the minds of the foreign public. In particular, the Kremlin strenuously sought from the United States to meet its requests for needed military supplies to be delivered to the USSR

for the Red Army. They knew in Moscow that unlike the Great Britain, in the U.S. the political forces opposing the cooperation with the USSR were still strong.

In general, the development of the Soviet leadership's contacts with the leaders of the Zionist Organization and the Jewish Community of Palestine was completely subordinated to the most essential task of the Soviet foreign policy at the time, i.e., to bring in all the forces opposing the Fascist bloc to the USSR's aid. In turn, the Zionist Organization hoped to enlist the USSR's support in the creation of the Jewish state in Palestine.

First official trip of Soviet diplomats to Palestine took place in the August of 1942. First Secretary of Soviet embassy in Ankara S. Mikhailov and press-attaches N. Petrenko arrived to Palestine as honorary guests of the I congress of left-wing Zionist organization League for Soviet Russia "V". This visit became the most important event in social and political life of the Jewish community of Palestine. Left-wing Zionists, especially pro-soviet, considered it as Soviet diplomatic recognition of Jewish Palestine. October 1943 saw Palestine visited by well-known Soviet diplomat, ambassador to London during much of World war II I. Maisky.

This is how he formulated the aim of his presence in Palestine in a conversation with Ben-Gurion: "After the war Jewish problem will become very complicated, one will have to solve it, and we must find approaches, we must know everything".

Among specific tools of Soviet foreign policy, ensuring development of Soviet contacts with international Zionist movement, one can enumerate The Jewish Anti-Fascist Committee (JAC). In fact it was a kind of mediator between Soviet leaders and ZO. Propaganda efforts made by JAK heavily influenced foreign public opinion, including Zionists, and strengthened pro-Soviet attitude among them. Besides, JAK activists regularly gathered, processed and sent to The Central Committee of the All-Union Communist Party (bolsheviks) 'informational materials' about ZO activities and situation in Palestine.

During Great Patriotic War, Jewish Palestine saw a broad movement in support of the USSR, led by left-wing Zionist, who were the main political force of

the Jewish community of Palestine. It showed sympathy towards USSR among Jewish State founders. The Jewish Agency for Palestine in its dialogue with Moscow used this fact as the cause to revise Soviet relation to Zionism. The idea of 'overcoming old controversions' between Zionist movement and the USSR was at the foundation of the Jewish Palestine workers actions together with the USSR and the Red Army during the war. But, no matter how League for Soviet Russia "V" tried to prove political kinship of Zionism and Soviet state, similarity of their aims in international scale ("victory of national liberation movement"), and creativity of Zionism as the main cause of labour successes of Jewish Palestine workers, all these efforts were in vain. During the whole war, Soviet government accepted support from Jewish workers of the Land of Promise, but consistently rejected any possibility to ever reconcile with Zionism. In their relations with Moscow, leaders of the Jewish community of Palestine were not successful in any of their aims. USSR did not allow representatives of the Jewish Agency for Palestine to perform any activities within its territory, did not allow circulation of the Jewish Palestine information among Soviet Jews, and it strictly refused to discuss departure of Soviet Jews to Palestine. However, during the war, thanks to regular contacts with international Zionist activists, League for Soviet Russia "V" information, Soviet diplomats Palestine visits, Stalin government got to more adequate picture of the Jewish Palestine. In the end this led to it inclusion into Soviet after-war Middle-East politics, as an important factor of the regional situation.

Starting from Tehran Conference, Soviet foreign policy become fully imperial: 1) Moscow claimed the right to participate in post-war global management and international relations regulation together with Great Britain and the US; 2) the USSR strived to get its own spheres of influences and trust territories; 3) Soviet diplomats began propose their own initiatives in complex international issues. Middle-East policy of the USSR in this period must be considered with having in mind all the aforementioned

Middle-East department of People's Commissariat of Foreign Affairs repeatedly reported about Great Britain and the USA trying to make Middle-East coun-

tries satellites and to control their resources. In 1944 it already allowed Soviet leaders to conclude that Great Britain and the USA started to fight for dominance in Arab world. It is probable, that these circumstances conditioned stable interest of Stalin to Middle-East issues. When Kremlin leader was uneasy about the possible treaty of English and American elites about key issues of the post-war reconciliation without involving USSR, every conflict between London and Washington drew his special attention. That's why Palestine entered the vision of Stalin government.

To win positions in the Holy Land, Kremlin even used “church diplomacy”. In May 1945, for the first time in the Russian Orthodox Church history, Patriarch of Moscow and All Rus Alexy I (Simanskiy) officially visited The Greek Orthodox Patriarch of Jerusalem. Patriarch Alexy tried to convince monasteries and communities, which since the Twenties had belonged to The Russian Orthodox Church Outside Russia, to move under the patronage of Moscow Patriarchy. But the head of The Russian Orthodox Ecclesiastical Mission in Jerusalem Archimandrite Antony (Sinkevich) took a strong line and rejected persuasion.

Soviet leaders were quite sceptical about pan-Arabism. They doubted the possibility of pa-Arabian project ever coming true. Besides, Middle-East department of People's Commissariat of Foreign Affairs noted low influence of pan-Arabism among broad population. But the main cause of externally reserved and internally negative attitude of Moscow towards pan-Arabism was its pro-English, and, according to diplomats' opinion, even anti-Soviet nature. Soviet elites' attitude towards Zionists in the period we are interested in, was quite ambiguous. In the war period Kremlin did not change its negative attitude towards Zionist ideology, but success of Jewish colonization in the Land of Promise, and Jewish Palestine readiness to fight for national liberation against both Arabs and Englishmen caused Stalin government to re-evaluate the regional role of the Jewish Palestine community in Realpolitik spirit.

Not all Zionist parties dreamed about friendship of the future Jewish state and the USSR. Pro-soviet tendencies were widely spread among ideologically mo-

tivated participants of USSR solidarity movement, which during the war arose in the Jewish Palestine. Left-wing Zionists believed that friendly relations with the USSR must be based on tight links between Soviet and Palestine Jews. However, this radical point of view did not dominate even among left-wing Zionists, moreover, Stalin government rejected it as aimed at enticing Soviet Jews into Zionist project. In fact, this was the main stumbling block in Moscow relations with Zionist movement. Assertive demands of the Jewish Agency for Palestine to send its representatives to the Soviet Union, its caveats like “emigration issue is not yet urgent for Russian Jews”, were the evidences, that Zionists will try to get into contact with Soviet Jews, and in case of Jewish state appearance they will do this with doubled efforts. At the same time, since middle of 1944, Zionist struggle for the “Land of Promise” became for Stalin government one of the most important parameters of regional situation development when defining Middle-East policy.

In general, Stalin government did not think that either pan-Arabists or Zionists were independent political forces. The fact that both Arabs and Zionists persuaded Soviet diplomats that England supported their enemies, made Moscow quite sure that both are just pawns in traditional British divide et impera game. Kremlin was interested in Zionists as consistent enemies of mandated regime, but one should not think Stalin considered them allies.

When Great Britain sent Palestine issue to the UN, prominent diplomat and international relations expert B. Stein said that “USSR acquired the possibility not only to express its opinion about Palestine, but also to take part in defining Palestine destiny”. Firstly, Stalin government was considering M. Litvinov's project of establishing over Palestine a collective custody of super powers including USSR. This should have become the first step on the way to country's independence. Great Britain and US attempts to solve Palestine issue without UN made Soviet Middle-East policy more active. In February and April of 1947, USSR Foreign Department started to formulate its Palestine position. All concerned specialists and heads of Foreign Department agreed that it was necessary to void the British Mandate for Palestine and immediately withdraw English troops “in order to normalize the

situation”. As early as in March 1947 the USSR rejected the idea of establishing collective custody of super-powers or the UN as a means of preparing Palestine for independence. At the same time Middle-East Department unambiguously supported creation of “united independent and democratic Palestine, ensuring equal national and democratic rights to all its peoples”.

It must be underlined that in spring of 1947 Soviet Foreign Department was quite sure that in case of Palestine division, the country would have been separated into influence areas: English (Arab Palestine) and American (Jewish Palestine). That's why Moscow stood for “united democratic Palestine”. Conditions for its creation should have been prepared by the UN, not by any committees or congresses under British or American patronage.

Important point of Soviet position was impossibility of solving Jewish problem in Western Europe solely through Jews immigration to Palestine, “because only total elimination of all fascism roots and democratization of Western Europe countries will be able to ensure safe life for Jewish people”. At the same time, in the first post-war years Stalin government noticed urgent Jewish issue in the Eastern Europe countries, which become area of Soviet influence. Anti-Semitism here was wide-spread since the end of XIX and the beginning of XX centuries. Because of Nazi propaganda, during the war Anti-Semitism deeply penetrated peoples' minds. That's why in the summer and autumn of 1946 Soviet leaders in Central and Eastern Europe did not try to prevent Jews “exodus”. Thus, for Western Europe USSR rejected the way to solve Jews problem, which was in fact implemented in Central and Eastern Europe, without any complains from USSR.

Without doubt, in this period Soviet foreign policy considered European issues as top priority. Burning Jewish issue threatened Kremlin with additional intricacies in already complex task of supporting pro-Soviet forces in “popular democracy” countries. In this situation, Jews' “exodus” from the Eastern Europe seemed the best variant to solve this problem for Stalin government. Perhaps, that was why they “agreed” with ZO arguments in favour of moving Eastern Europe Jews to Palestine.

Soviet position in relation to Palestine was expressed at the first UN General Assembly Special Session on 14 May of 1947 by Permanent Representative of the USSR to the UN A. Gromyko, He enumerated two possible (from his point of view) variants of “future organization of Palestine and solving of Jewish issue”: 1) “appearance of united Arab and Jews state with equal rights for both”, 2) “Palestine division into two independent states: Jewish and Arab... [but] only in case of impossibility to ensure peaceful coexistence of Arabs and Jews”.

Soviet demarche in the UN supported ZO and bereaved Arabs of any hope to get Moscow support in Palestine. And, though Soviet diplomats continued to affirm that Palestine division into Jewish and Arab states does not infringe Arabs' interests, conflict between USSR and Arab world was obvious.

While officially Moscow was for “independent united democratic Palestine”, in fact Soviet elite already decided to support Zionist Partition Plan for Palestine, however, in such a way as (in V. Molotov words) “not to take initiative in creating Jewish state”. Following this attitude, Soviet UN delegation helped Zionist plans through supporting relevant initiatives, put forward by other states. Nevertheless, USSR role in enforcing Partition Plan for Palestine was quite obvious to all UN members. Soviet Union supported UN General Assembly Resolution 181 about Palestine partition into nameless “Arab state” and nameless “Jewish state”.

In April of 1948, while discussing Palestine issue in Security Council, Gromyko (under direct order by Stalin and Molotov) rejected US proposal about establishing custody over Palestine. He said the measure “does not conform to interests of Palestine population and does not help international peace”. It was the last obstacle to creation of “Jewish state”. So, Soviet Union proved its allegiance to UN General Assembly decision about Palestine partition.

As one can see from 1944 to 1948 Soviet Palestine policy suffered a drastic change. From the demand to establish over Palestine a collective custody of super powers including USSR, Soviet diplomats moved to supporting Palestine partition plan. Thus, they made essential contribution into creation of the State of Israel.

М.Г. АГАПОВ

ЕВРЕЙСКО-ПАЛЕСТИНСКОЕ СООБЩЕСТВО
В СОВЕТСКОЙ БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ
В 1939–1948 ГГ.

Монография

Формат 60x84/16. Печать Duplo. Бумага SvetoCopy.

Усл.печ.л. 16,74. Тираж 500. Заказ 409.

ООО «Вектор Бук».

625004, г.Тюмень, ул.Володарского, 45.

Тел. (3452) 46-54-04, 46-90-03.